

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

На правах рукописи

Чиркова Елена Николаевна

**Эквивалентность и адекватность при переводе аксиологических терминов
(на материале переводов прозы Ф.М. Достоевского)**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
кандидат филологических наук,
доцент
Ковалевская Татьяна Вячеславовна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. Эквивалентность и адекватность как критерии оценки качества перевода.....	16
1.1. Основные этапы развития теории перевода	16
1.2. Развитие терминологии в теории перевода	22
1.3. Эквивалентность и адекватность как ключевые понятия оценки качества перевода	29
1.3.1. Эквивалентность перевода	30
1.3.2. Адекватность перевода	35
1.3.3 Соотношение понятий «эквивалентность» и «адекватность»	38
1.4. Критерии эквивалентности и адекватности при переводе художественного текста	43
Выводы по главе 1	48
ГЛАВА 2. Добро и зло в творчестве Ф.М. Достоевского и их отражение в его переводах	51
2.1. Философское и этическое понимание <i>добра</i> и <i>зла</i>	51
2.2. Роль понятий «добро» и «зло» в творчестве Ф.М. Достоевского	54
2.3. <i>Добро</i> и <i>зло</i> как единицы словаря	61
2.3.1. Частотность лексем	61
2.3.2. Словарные значения и примеры употребления лексем <i>добро</i> , <i>доброта</i> , <i>добрый</i> , <i>зло</i> , <i>злость</i> , <i>злоба</i> , <i>злой</i> , <i>злбный</i>	63
2.3.2.1. Существительное <i>добро</i>	64
2.3.2.2. Существительное <i>доброта</i>	65
2.3.2.3. Прилагательное <i>добрый</i>	66
2.3.2.4. Существительные <i>зло</i> , <i>злость</i> и <i>злоба</i>	68
2.3.2.5. Прилагательные <i>злой</i> и <i>злбный</i>	70
2.3.2.6. Лексические единицы с корнями <i>-добр-</i> и <i>-зл-</i> и трудности перевода	73

2.4. Обзор истории переводов прозы Ф.М. Достоевского на английский и немецкий языки	76
Выводы по главе 2	82
ГЛАВА 3. Добро и зло в немецких переводах прозы Ф.М. Достоевского	84
3.1. Лексические единицы с корнем <i>-добр-</i>	84
3.1.1. Лексемы <i>добро, доброта, добрый</i> в немецко-русском словаре	84
3.1.2. Соответствия русским лексемам <i>добро, доброта</i> и <i>добрый</i> в толковом немецком словаре	84
3.1.3. Лексемы с корнем <i>-добр-</i> в переводах	87
3.1.3.1. Существительное <i>добро</i>	87
3.1.3.2. Существительное <i>доброта</i>	92
3.1.3.3. Прилагательное <i>добрый</i>	94
3.2. Лексические единицы с корнем <i>-зл-</i>	100
3.2.1. Лексемы <i>зло, злость, злоба, злой, злобный</i> в немецко-русском словаре	100
3.2.2. Соответствия русским лексемам <i>зло, злость, злоба, злой</i> и <i>злобный</i> в толковом немецком словаре	101
3.2.3. Лексемы с корнем <i>-зл-</i> в переводах	104
3.2.3.1. Существительное <i>зло</i>	104
3.2.3.2. Существительные <i>злоба</i> и <i>злость</i>	110
3.2.3.2.1. Существительное <i>злоба</i>	110
3.2.3.2.2. Существительное <i>злость</i>	116
3.2.3.3. Прилагательные <i>злой</i> и <i>злобный</i>	120
3.2.3.3.1. Прилагательное <i>злой</i>	120
3.2.3.3.2. Прилагательное <i>злобный</i>	127
3.3. Композитные лексемы с корнем <i>-зл-</i>	130
Выводы по главе 3	134
ГЛАВА 4. Добро и зло в английских переводах прозы Ф.М. Достоевского...	137
4.1. Лексические единицы с корнем <i>-добр-</i>	137

4.1.1. Лексемы <i>добро, доброта, добрый</i> в англо-русском словаре	137
4.1.2. Соответствия русским лексемам <i>добро, доброта</i> и <i>добрый</i> в толковом английском словаре	137
4.1.3. Лексемы с корнем <i>-добр-</i> в переводах	140
4.1.3.1. Существительное <i>добро</i>	140
4.1.3.2. Существительное <i>доброта</i>	146
4.1.3.3. Прилагательное <i>добрый</i>	148
4.2. Лексические единицы с корнем <i>-зл-</i>	156
4.2.1. Лексемы <i>зло, злость, злоба, злой, злобный</i> в англо-русском словаре	156
4.2.2. Соответствия русским лексемам <i>зло, злость, злоба, злой</i> и <i>злобный</i> в толковом английском словаре	157
4.2.3. Лексемы с корнем <i>-зл-</i> в переводах	160
4.2.3.1. Существительное <i>зло</i>	160
4.2.3.2. Существительные <i>злоба</i> и <i>злость</i>	167
4.2.3.2.1. Существительное <i>злоба</i>	167
4.2.3.2.2. Существительное <i>злость</i>	177
4.2.3.3. Прилагательные <i>злой</i> и <i>злобный</i>	182
4.2.3.3.1. Прилагательное <i>злой</i>	182
4.2.3.3.2. Прилагательное <i>злобный</i>	191
4.3. Композитные лексемы с корнем <i>-зл-</i>	195
Выводы по главе 4	199
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	208
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	210
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ	226

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено оценке эквивалентности и адекватности перевода лексики с аксиологическим значением (или аксиологем и антиаксиологем) на примере лексических единиц *добро* и *зло* и некоторых однокоренных слов (а именно, существительных *доброта*, *злость* и *злоба* и прилагательных *добрый*, *злой* и *злбный*). Под аксиологемами понимаются лексические единицы, выражающие смыслы, которые воспринимаются носителями языка как абсолютные ценности [Кретов, Стародубцева, 2016, с. 140]. Исходя из этого определения, аксиологемой в русском языке является лексема *добро*, в то время как лексему *зло* можно считать антиаксиологемой. Иногда подобные лексемы называют аксиологическими терминами: «лексемы-термины, семантика которых конвенционально и нормативно связана с означиванием оценивающей деятельности человека» [Серебренникова, Антипьев, 2011, с. 49].

Изучением аксиологической лексики занимались такие исследователи, как И.В. Арнольд [Арнольд, 1966], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1984], О.С. Ахманова [Ахманова, 1957], А.Н. Баранов [Баранов, 1989], А. Вежбицкая [Вежбицкая, 2001], Д.Н. Шмелёв [Шмелёв, 2006], Ч. Стивенсон [Стивенсон, 1985], О. Есперсен [Есперсен, 1958], К.-Д. Людвиг [Ludwig, 1986] и другие.

Особенность перевода лексики с аксиологическим значением заключается в том, что относящиеся к ней единицы, вербализующие абстрактные понятия, имеют широкую и размытую семантику, что создает для переводчика определённые проблемы при выборе переводных соответствий.

Понятия *добро* и *зло* присутствуют как мыслительные категории в языковой картине мира большинства, если не всех народов, будучи связанными с морально-нравственной оценкой всей человеческой деятельности (см., напр., [Лихачёв, 1997], [Бердяев, 1924, 1931]). *Добро* и *зло* рассматриваются как полярные понятия в философии, этике, религиоведении, социологии и социолингвистике. Эти понятия и реализующие их языковые единицы изучались разными исследователями в

сферах разных научных дисциплин [Бердяев, 1924; Валеева, 2017; Ковалевская С.А., 2020; Печагина, 2011; Сабиров, 1992, 2019; Цеева, 2012 и мн. др.].

Проблематике переводов творчества Ф.М. Достоевского посвящено много работ, см. напр., М.Л. Алексеева [Алексеева, 2007], Е.А. Головачева и О.В. Седельникова [Головачева, Седельникова, 2002(a), 2002(b)], Д.О. Добровольский [Добровольский, 2004, 2007], В.В. Дудкин и К.М. Азадовский [Дудкин, Азадовский, 1973], Т.А. Касаткина [Касаткина, Кузнецова, 2020; Касаткина, 2021], Т.В. Ковалевская [Ковалевская, 2007, 2011, 2024, 2025], А.Б. Криницын [Криницын, 2007], А.Б. Кузнецова [Касаткина, Кузнецова, 2020], Т.Г. Магарил-Ильяева [Магарил-Ильяева, 2019], Е.А. Маркова [Маркова, 2021], Б.Г. Реизов [Реизов, 1978], А.О. Шатохина [Седельникова, Шатохина, 2015], Е.С. Смоленская [Смоленская, 2024], А.О. Филиппова [Филиппова, 2020], П.Е. Фокин [Фокин, 2021], Р. Хансен-Кокоруш [Хансен-Кокоруш, 2013].

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью проблем передачи лексики с аксиологическим значением в переводе на фоне неизменного лингвистического научного интереса к проблемам категории языковой оценки, в том числе, в аспекте оценивания качества переводов, которое чаще всего производится на основании критериев их адекватности и / или эквивалентности.

Научная **новизна** исследования заключается, во-первых, в выборе материала, а, во-вторых, в том, что в работе впервые комплексно исследуются способы перевода лексических единиц *добро* и *зло* и некоторых однокоренных слов в аспекте адекватности и эквивалентности перевода этих понятий и их ближайшего лексико-синтаксического окружения с русского на английский и немецкий языки.

Объект исследования – фрагменты оригинальных текстов двух повестей Ф.М. Достоевского («Записки из Мёртвого дома» (далее в работе – ЗиМД)) и «Записки из подполья» (далее в работе – ЗиП)), содержащие указанные выше лексемы, и переводы данных фрагментов на английский и немецкий языки.

Предмет исследования – качество перевода на немецкий и английский языки указанных русскоязычных лексем в их ближайшем контекстном окружении в

рамках зафиксированного в реальном речевом употреблении материала с точки зрения оценки эквивалентности и адекватности перевода.

Цель исследования – выработка механизмов применения критериев адекватности и эквивалентности для оценки качества перевода лексики с аксиологическим значением.

Такая постановка цели обусловила, во-первых, выбор **материала** для исследования: и добро, и зло являются одними из ключевых понятий в творчестве Ф.М. Достоевского [Валеева, 2017, с. 50]. Кроме того, в последние десятилетия в современной лингвистике преобладала антропоцентрическая парадигма [Кушева, 2006], а творчество Ф.М. Достоевского в высшей степени антропоцентрично [Бердяев, 1924; Луговская, 2018 и др.]. Несмотря на то, что в целом в современном мире наблюдается переход от антропоцентризма к другим вариантам мировоззрения (например, к социо- или космоцентризму [Кочергин А.А., Кочергин А.Н., 2016, с. 526]), в художественной литературе в фокусе внимания по-прежнему остаётся человек. Во-вторых, данная цель обуславливает постановку следующих **задач**:

- 1) Проанализировать существующие в теории перевода критерии оценки качества перевода.
- 2) Систематизировать и проанализировать существующие подходы к понятиям переводческой эквивалентности и адекватности и их соотношение.
- 3) Отобрать определения понятий эквивалентности и адекватности перевода, на основании которых проводится данное исследование.
- 4) Найти в отобранных русскоязычных текстах все контексты употребления отобранных для анализа лексем.
- 5) Найти в отобранных английских и немецких переводах все соответствия данным контекстам, как прямые, так и описательные.
- 6) Проанализировать найденные переводные соответствия с точки зрения адекватности и эквивалентности переводческих решений (в установленном в п. 3 понимании) в парах русский / немецкий и русский / английский языки.

7) Описать возможные сложности, возникающие у переводчиков при работе с лексикой с аксиологической семантикой на примере указанных лексем и их переводных соответствий, и их характер.

В процессе решения данных задач используются следующие **методы**: метод лингвистического описания (систематизация подходов к пониманию критериев адекватности и эквивалентности в теории перевода), метод сплошной выборки (отбор русскоязычного материала), сравнительно-сопоставительный метод (отбор переводных вариантов русскоязычных лексем), лексикографический анализ (работа со словарными данными), дистрибутивный анализ (изучение окружения лексем и контекста, то есть их дистрибуции в текстах), компонентный анализ (разложение лексических значений исследуемых слов на семантические компоненты), описательный метод (фиксация наблюдаемых сходств и отличий), метод контекстуального анализа (классификация и интерпретация лексического материала).

Материалом для исследования послужили следующие тексты (выходные данные см. в разделе Список источников):

- 1) Достоевский Ф.М. Записки из Мёртвого дома.
- 2) Достоевский Ф.М. Записки из подполья.
- 3) Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus. Übersetzt von E.K. Rahsin.
- 4) Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus einem toten Hause. Übersetzt von A. Eliasberg.
- 5) Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus / Dostojewski; Aus dem Russ. von Hermann Röhl.
- 6) Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus dem Untergrund. Übersetzt von E.K. Rashin.
- 7) Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch / Fjodor Dostojewskij; Übers. von Swetlana Geiger.
- 8) Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch. Übersetzt von H. Röhl.
- 9) Fyodor Dostoyevsky. The House of the Dead and Poor Folk. Translated by Constance Garnett.

10) Dostoyevsky Fyodor. The House of the Dead or: Prison Life in Siberia. Translated by H.S. Edwards.

11) Fyodor Dostoyevsky. Notes from the dead House. Translated by B. Jakim.

12) Letters from the Underworld by Fyodor Dostoyevsky. Translated by C. J. Hogart.

13) Fyodor Dostoyevsky. Notes from the Underground. // Three short Novels of Dostoyevski. Translated by C. Garnett.

14) Dostoevsky F. Notes from Underground, translated by B. Jakim.

Основная **гипотеза** исследования заключается в том, при переводе на немецкий и английский языки таких лексем как *добро* и *зло* и некоторых однокоренных единиц можно достичь эквивалентности перевода на уровне словесных знаков, при этом зачастую невозможно достичь адекватности; в свою очередь, адекватность может быть достигнута переводчиком путём снижения степени эквивалентности. Поясним данное высказывание. И *добро*, и *зло*, и являются лексемами-полисемантами: обладают богатой и развёрнутой полисемией, то есть многозначностью. Под лексической полисемией понимается способность одной и той же лексемы обозначать разные смыслы [Шмелёв, 2006, с. 382]. Сфера значений исследуемых лексем подробно рассматривается в разделе 2.3.2 главы 2. Набор этих значений, объединённых (что особенно важно для нашего исследования) общими корнями *-добр-* и *-зл-*, охватывает сферу понятий, вербализуемую в английском и в немецком языках разными лексемами, в зависимости от того, какое из значений актуализуется в конкретном контексте. Иначе говоря, в русском языке одна внешняя лексическая форма может выражать различные смыслы, иногда трудноотличимые друг от друга, а иногда объединённые в одном словоупотреблении, при этом и в первом, и во втором случае переводчики сталкиваются со сложностями в передаче этих значений на всех этапах работы, от анализа до синтеза.

В результате рассмотрения словарных толкований и сравнения оригинальных текстов с переводами мы пришли к выводу, что всё множество указанных в словарях значений данных русских лексем в целях более наглядной репрезентации смыслов и их соответствий можно объединить в несколько

смысловых групп: *добро* и *зло* в метафизическом («над человеком») и социальном («между людьми») смысле. Кроме того, у русской лексемы *добро* есть также материальное понимание (*добро* как имущество), а у лексемы *зло* в социальном понимании можно отметить два подзначения: зло как постоянная черта человеческого характера, определяющая всё его поведение, т.е., сущностная характеристика, и преходящее, «эмоциональное» зло, которое в русском языке может метафорически осмысляться как жидкость: оно может «нахлынуть», «захлестнуть», от него можно «задышаться». «Эмоциональное» добро в русском языке (противопоставленное «эмоциональному» злу) реализуется посредством существительного *доброта*, а «эмоциональное» зло реализуется в самом существительном *зло*, а также в существительных *злость* и *злоба*. Кроме того, эти качества и состояния (кроме «имущественного» *добра*) реализуются адъективно при помощи прилагательных *добрый*, *злой* и *злбный*. Внутри англо- и немецкоязычного спектра соответствий лексическим единицам *добро* и *зло* и их производным можно выделить группы лексем, отражающие либо один контекстно актуализованный в русских текстах смысловый компонент, включенный в то или иное понимание *добра* и *зла* в русском языке, либо два компонента. В немецком языке нам встретились лексемы, в употреблении которых способны актуализоваться три компонента (-*gut*- для -*добр*- и -*bo/ös*- для -*зл*-), однако, такое словоупотребление не является частотным; в английском языке в найденных переводных соответствиях могут одновременно актуализоваться не более двух компонентов, а чаще – один. Выбор переводных соответствий может сделать перевод более эквивалентным, но при этом зачастую менее адекватным (возможно и обратное: более адекватный перевод делает переводной текст менее эквивалентным оригиналу). Кроме того, ввиду расхождения языковых структур, добиться полной эквивалентности и адекватности в переводе – ни одновременно, ни по отдельности – невозможно, и художественные тексты, которые, в отличие от других типов текстов, так или иначе отражают особенности авторского мировоззрения, представляют собой особую проблему для переводчика, по крайней мере, в тех фрагментах, которые включают в себя абстрактную лексику, в

первую очередь аксиологемы и антиаксиологемы. Проблема заключается не только в квалификации переводчика, но и в том, что охват группы некоторых абстрактных, в том числе, аксиологических понятий, вербализующийся в одном языке – что особенно важно – в одном корне (как *добро – доброта – добрый* и *зло – злоба – злость – злой – злобный* в русском языке), может не совпадать с охватом понятий соответствующей лексики в других языках, из-за чего в переводе неизбежно возникают смысловые потери, количество и качество которых влияет на эквивалентность и адекватность перевода.

Источниковедческую базу работы составляют работы отечественных и зарубежных исследователей в области 1) общей теории перевода [Бархударов, 1975; Гарбовский, 2007; Комиссаров, 1980, 1990, 2002; Латышев, 1986, 2005; Левый, 1974; Мунэн (Mounin), 1963; Нелюбин, 2003; Пим, (Pym) 1988; Попович, 1980; Рецкер, 1950, 1974; Тюленев, 2004; Фёдоров, 1953, 1983; Швейцер, 1973, 1988; Якобсон (Jacobson), 1960, 1975, 1978]; 2) исследования эквивалентности и адекватности перевода [Вендленд (Wendland) 2003, 2004, 2008; Венути (Venuti) 1995, 1998; Гутт (Gutt), 2000; Егер (Juger) 1975, 1978; Карсон (Carson), 1985, 2003; Найда (Nida), 1964, 1969; Нойберт (Neubert), 1968, 1985; Норд (Nord), 1997; Райс (Reiß), 1984; Тэйбер (Nida, Teber), 1969; Фермеер (Reiß, Vermeer), 1984]; 3) изучения проблематики художественного перевода [Гарбовский, 2007; Чуковский, 1988].

Теоретическая значимость работы заключается в расширении представлений о роли оценочных критериев адекватности и эквивалентности при переводе аксиологем и антиаксиологем.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при составлении и редакции двуязычных словарей и других типов лексикографических описаний отдельных единиц русского, немецкого и английского языков, а также на практических занятиях по немецкому и английскому языку, теории и практике художественного перевода.

В качестве **предпосылок к дальнейшему исследованию** можно указать на продолжение работы с однокоренными лексемами, не вошедшими в

анализируемый материал, в том числе, с композитными, а также с другими единицами, относящимися как, в частности, к (анти)аксиологемам, так и к абстрактной лексике в общем.

Структура работы: работа состоит из введения, 4 глав, заключения, списка источников, списка литературы и списка словарей и справочных материалов.

Во **Введении** обосновываются выбор темы, актуальность и новизна исследования, ограничивается материал, ставится цель и определяются задачи и методы, фиксируются объект и предмет, выдвигается гипотеза исследования и формулируются основные выносимые на защиту положения.

В **главе 1** проводится краткий обзор основных критериев качественной оценки в истории переводческой теории, проводится сравнительный анализ понятий «эквивалентность» и «адекватность» и их соотношения, обзор трудностей, возникающий при переводе (анти)аксиологем в художественных текстах, отбираются определения эквивалентности и адекватности перевода, используемые в работе.

В **главе 2** анализируется роль понятий «добро» и «зло» в языковой картине мира и отдельно в творчестве Ф.М. Достоевского, даётся обзор истории переводов творчества Достоевского на английский и немецкий языки.

Глава 3 содержит анализ перевода на немецкий язык отобранных для исследования текстовых фрагментов и оценку переводческих решений с точки зрения их адекватности и эквивалентности.

Глава 4 содержит анализ перевода на английский язык отобранных для исследования текстовых фрагментов и оценку переводческих решений с точки зрения их адекватности и эквивалентности.

В **Заключении** излагаются результаты проведённого исследования и намечаются его перспективы.

Список источников представляет собой список используемых в исследовании текстов-источников (14 единиц). **Список литературы** представляет собой список использованных при проведении исследования научных работ (152 единицы). **Список словарей и справочных материалов** представляет собой

список использованных словарей, энциклопедий, электронных библиотек, баз данных и корпусов (32 единицы).

Апробация работы. Полученные в работе промежуточные и финальные результаты обсуждались на заседаниях кафедры европейских языков Института лингвистики РГГУ и отражены в пяти публикациях в периодических изданиях, в том числе, в четырёх, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии (отмечены знаком *):

*1. Чиркова Е.Н. Реализация характеристики «злой» при переводе на немецкий язык (на примере переводов прозы Ф.М. Достоевского) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. № 8. – С. 2990-2996. (0,8 п.л.).

2. Чиркова Е.Н. Лексическая реализация характеристики «добрый» при переводе на немецкий язык // Сборник научных трудов по материалам III Всероссийской заочной научно-практической конференции «Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции». –Уфа: БГПУ, 2024. – С. 235-244. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-library.ru/item.asp?id=80378772&pff=1> (дата обращения 06.07.25) (0,5 п.л.)

*3. Чиркова Е.Н. Существительное *злодей* и его дериваты в словарях и в переводах на английский и немецкий языки (на примере переводов прозы Ф.М. Достоевского) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. № 10. – С. 3830-3836. (0,8 п.л.).

*4. Чиркова Е.Н. Лексемы *добро* и *зло* как маркеры эквивалентного перевода (на материале английских переводов прозы Ф.М. Достоевского) // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2025. – №3-2. – С. 237-244. (0,8 п.л.).

*5. Чиркова Е.Н. Эквивалентность и адекватность при передаче аксиологических терминов (на примере лексемы «добро» в немецких и английских переводах прозы Ф.М. Достоевского) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18. №, 9. – С. 4010-4017 (0,8 п.л.)

Теоретические и практические результаты работы были также освещены в докладах, сделанных на следующих конференциях: 1) научно-практическая конференция с международным участием «Преподавание языков и гуманитарное знание» (ФГБОУ РГГУ, 22.12.23), 2) «XXVI международная конференция «Россия и Запад: диалог культур» (МГУ им. М.В. Ломоносова, 22-23.03.24), 3) межвузовская научно-практическая конференция «Перевод – мост между мирами» (ФГБОУ РГГУ, 18-19.04.24), 4) III Всероссийская заочная научно-практическая конференция «Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции» (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», 30.11.2024).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Зафиксированные в двуязычных словарях и в конкретных переводах английские и немецкие соответствия русским лексемам *добро* и *зло* и некоторым их производным чаще всего не позволяют переводчикам сделать выбор, одновременно сохраняющий полную эквивалентность и адекватность перевода.
2. Полисемия исследуемых русских лексем заставляет переводчиков при выборе переводного соответствия жертвовать эквивалентностью в пользу адекватности и наоборот.
3. Русская лексема *зло* и некоторые однокоренные лексемы представляют собой большую проблему для перевода на английский и немецкий языки, чем лексема *добро* и её производные в силу большего количества её значений и подзначений.
4. Для творчества Ф.М. Достоевского, которое многие его исследователи называют «метафизичным», особую роль в смыслах высказываний играет не только внутренняя семантика языковых элементов, но и их внешняя форма. Связь семантики слова и его внешней формы лежит в основе религиозно-философской антропологии Достоевского, и особенно наглядно это проявляется на примерах аксиологемы *добро* и антиаксиологемы *зло* и некоторых однокоренных слов.
5. При переводе на немецкий и английский языки, причём к английскому языку это относится в значительно большей мере, можно достичь эквивалентности перевода на уровне словесных знаков, при этом зачастую невозможно достичь адекватности;

адекватность же может быть достигнута переводчиком путём снижения степени эквивалентности.

ГЛАВА 1. ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ КАК КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

1.1. Основные этапы развития теории перевода

Прежде чем перейти к анализу категорий переводческой адекватности и эквивалентности, следует рассмотреть предпосылки появления данных критериев. Несмотря на древность перевода как явления, переводоведение как наука возникло только в XX веке, но даже тогда, в 1952 году, советский языковед А.А. Реформатский утверждал, что практический перевод «может пользоваться услугами многих наук, но собственной науки иметь не может» [Реформатский, 1952, с. 12]. Эта мысль высказывалась и ранее. В XIX веке возникла так называемая «теория непереводаемости», предложенная немецким учёным В. фон Гумбольдтом. Многогранные интересы учёного распространялись и на сферу языкознания, но лингвистика в то время была сосредоточена на изучении отдельных языков, описании их своеобразия на всех языковых уровнях, в результате чего и было выдвинуто предположение, что передать это своеобразие – как лингвистическое, так и лингвокультурное – на другом языке просто невозможно. Спустя десятилетия, уже в первой половине XX века, известный американский лингвист Э. Сепир писал о выделении двух видов искусства: «обобщающее, внеязыковое искусство, доступное передаче без ущерба средствами чужого языка, и специфически языковое искусство, по существу не переводимое» [Сепир, 1993, с. 196]. Из этого высказывания следует, что передача литературного искусства средствами чужого языка, то есть перевод, всё-таки возможна, хотя результат и не будет полностью тождествен оригиналу. Отечественный переводовед Н.И. Рейнгольд указывает на то, что активное обсуждение теории Сепира послужило толчком как для отказа от «идеи непереводаемости», так и для развития переводоведения как науки [Рейнгольд, 2021, с. 152].

Если исходить из утверждения о том, что перевод – это частный случай коммуникации, то вряд ли сегодня можно оспорить тот факт, что коммуникация, в том числе, межкультурная, возможна при отсутствии полной тождественности

текстов. И, поскольку говорить о полной тождественности не приходится, теоретики перевода неоднократно пытались предложить терминологический аппарат, пригодный для определения степени сходства и различия оригинальных и переводных текстов.

Отечественный учёный В.Н. Комиссаров пишет о том, что, несмотря на древность переводческого ремесла, сами переводчики видели в попытках заложить теоретические основы своей деятельности «стремление ограничить свободу творчества переводчика» [Комиссаров, 1990, с. 15], поскольку в результате разработки теории неизбежно должны появляться правила и нормы, которым необходимо следовать.

Начало изучения лингвистических аспектов перевода относят к середине XX века. В 1950 году вышла в свет статья Я.И. Рецкера под названием «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык» [Рецкер, 1950], где Рецкер утверждал, что переводчик выбирает при работе различные варианты перевода не произвольно, но руководствуясь соотношением разноуровневых единиц языка оригинала и языка перевода. В 1953 году вышла работа А.В. Фёдорова «Введение в теорию перевода», в которой автор указывал на то, что теория перевода должна относиться к лингвистическим дисциплинам, имея, тем не менее, много общего с другими науками [Фёдоров, 1953]. В конце 50-ых годов советско-американский лингвист Р. Якобсон провозгласил, что процесс перевода должен находиться под контролем лингвистики [Jacobson, 1959].

Исторические события, связанные со Второй мировой войной, и дальнейшие политические процессы и события привели к росту спроса на квалифицированные переводческие кадры. Перевод становится профессией, а для того чтобы обучать этой профессии, необходимо было разрабатывать эффективные образовательные методики [Раренко, 2010, с. 51]. В 60-е – 90-е годы XX века и в СССР / России, и в других странах выходит множество трудов по теории перевода, а также учебных пособий. В Советском союзе это труды Л.С. Бархударова [Бархударов, 1975], В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 1980, 1990], Л.К. Латышева [Латышев, 1986], Я.И. Рецкера [Рецкер, 1974], А.Д. Швейцера [Швейцер, 1973, 1988]. Среди зарубежных

работ указанного периода необходимо отметить труды Р. Якобсона [Якобсон, 1978], Г. Мунэна [Mounin, 1963], Ю. Найды [Nida, 1964], К. Тейбера [Nida, Taber, 1969], Дж. Кэтфорда [Catford, 1965], Г. Мешонника [Meshonnic, 1973], Г. Егера [Juger, 1975], В. Виллса [Wills, 1977], О. Каде [Kade, 1980], П. Ньюмарка [Newmark, 1981], А. Нойберта [Neubert, 1985], Я. де Варда [де Ваард, Найда, 1998], К. Норд [Nord, 1997], Э. Пима [Pym, 1998] и многих других исследователей.

Зарождавшаяся дисциплина «теория перевода» не ограничивалась тем, чтобы лишь заимствовать накопленные лингвистические знания. Расширялись как объект, так и предмет исследования, появлялись новые концепции [Раренко, 2010, с. 52]. Целью теории перевода было создание общей теоретической базы, которая могла бы охватить все типы текстов.

Одной из революционных работ в данной области стала книга американского лингвиста и библейского переводчика Ю. Найды «К науке переводить» [Nida, 1964]. Несмотря на то, что в большей степени она была посвящена проблемам перевода Библии, среди этих проблем были и узколингвистические, а именно, семантический анализ лексики и способы передачи не только лингвистических, но и эмотивных и референциальных лексических значений, компонентный анализ, лексико-семантические трансформации и т.п. [Комиссаров, 1990, с. 22]. В работе [Nida, 1964] впервые вводится термин **эквивалентность**, активно использующийся в переводоведении и в наше время, а также предлагается теория **динамического эквивалента**. Об этом подробнее речь пойдет в разделе 1.2.

В СССР в те же годы появляется работа И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга «Основы общего и машинного перевода» [Ревзин, Розенцвейг, 1964]. По мнению авторов, теория перевода должна не только определять требования к последнему, но и носить дескриптивный характер, то есть описывать результаты процесса перевода, а не предшествовать ему.

Теория закономерных соответствий, предложенная Рецкером в 1950 году, получает свое развитие в его же труде «Теория перевода и переводческая практика» [Рецкер, 1974]. Рецкер определяет задачу создания перевода как точную и целостную передачу содержания исходного, то есть оригинального текста (далее в

работе – ИТ¹) средствами другого языка без потери стилистических и экспрессивных черт ИТ. Под целостностью перевода понимается единство формы и содержания² на иной лингвооснове. Если точный перевод передаёт тождественную информацию на другом языке, то целостный перевод передаёт её равноценными языковыми средствами [там же, с. 7].

В одной из работ другого известного исследователя, шотландца Дж. Кэтфорда, перевод определялся как языковая операция замены: замена ИТ тождественным текстом на другом языке [Catford, 1965, с. 20-21].

В 80-е годы советский учёный А.Д. Швейцер определяет перевод как «однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному (“переводческому”) анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде» [Швейцер, 1988, с. 75].

Словацкий исследователь А. Попович представляет перевод как перекодировку ИТ посредством знаков другого языка, в процессе которой создаются новые облик и форма текста, при этом должны максимально соблюдаться как стилистические особенности ИТ, как и другая его специфика [Попович, 1980, с. 186].

Немецкая исследовательница К. Норд понимает под переводом «сознательное, межличностное, отчасти словесное взаимодействие, основанное на оригинальном тексте» [Nord, 1997, с. 18].

Несмотря на то, что существует множество определений перевода (и как процесса, и как результата, и здесь приводятся в иллюстративных целях только

---

¹ В переводоведении существуют различные наименования для переводимых текстов и их переводов, так же как и разные сокращения для этих наименований: ИТ (исходный текст) и ТП (текст перевода) [Гарбовский, 2007, с. 267]; ИТ (исходный текст) и ПТ (переводной текст) [Комиссаров, 2002, с. 49; Латышев, 2005, с. 27]; ТО (текст оригинала) и ТП (текст перевода) [Швейцер, 1988, с. 54]. В данном исследовании мы останавливаемся на сокращениях, принятых в работе [Комиссаров, 2002]: ИТ и ПТ.

² О важности единства формы и содержания в художественном переводе подробнее будет сказано в разделе 1.4.

некоторые из них), их объединяет следующее: перевод – это частный случай коммуникации, двухэтапное (понимание текста на одном языке и изложение его на другом) взаимодействие между (если прибегать к терминам теории коммуникации³) говорящим и слушающим, проходящее при помощи посредника, то есть переводчика. А.С. Десницкий указывает, что принципы передачи значения ИТ и обеспечение эффективной коммуникации между автором ИТ и его читателем являются в переводоведении базой для построения как теории, так и методологии [Десницкий, 2015, с. 21]. Под теорией перевода понимается объяснение критериев выбора, а под методологией – практические рекомендации для осуществления такого выбора в определённых условиях [там же, с. 8].

Дискуссии о переводческих методах велись и ранее, в том числе и в эпоху «теории непереводаемости». Так, в первой половине XIX века, задолго до Л. Венути, предложившего понятия **форенизации** и **доместикации** при переводе (о чём подробнее речь пойдёт далее), немецкий ученый Ф. Шлейермахер полагал, что существуют две стратегии перевода: «**приручающая**» и «**отчуждающая**». При «приручении» текст перевода как бы вводится в круг зрения читателя, «одомашнивается». При «отчуждении» текст остается для читателя чужим, явно иностранным [Schleiermacher, 1838, с. 207-245]. Появляется необходимость создания такой теории, которая объяснила бы разницу между двумя стратегиями и предложила бы определенное решение, которому переводчики должны следовать в процессе работы, но даже в 60-70-е годы XX века чешский ученый И. Левый писал, что современная ему переводоведческая литература лишь частично исследует перевод в теоретическом плане [Левый, 1974, с. 27].

Одним из крупнейших разработчиков теоретического подхода становится упоминавшийся выше американский переводчик Ю. Найда, идеи которого на Западе продолжали, развивали, а нередко и критиковали такие известные исследователи, как Ч. Тэйбер, Я. де Ваард, А. Мешонник, С. Прикетт, Л. Венути, Э.-А. Гутт, Дж. Лакофф и многие другие. Нельзя не упомянуть немецкого

---

³ Принято считать, что исследование перевода как коммуникативного явления начинается с работы [Jakobson, 1959].

переводоведа О. Каде, в частности, его фундаментальную работу «Языковое посредничество как общественное явление и предмет научного исследования» [Kade, 1980], в которой он впервые рассматривает социальные функции перевода. Среди последующих значимых работ необходимо выделить труд Л.К. Латышева «Курс перевода» [Латышев, 1986], в котором рассматриваются понятия «функция текста» и «содержание текста»; труды П. Ньюмарка «Подступы к переводу» [Newmark, 1981], где с точки зрения теории перевода исследуется роль таких факторов, как «интенция», «приемлемость», «принципы сотрудничества», «ситуативность», «информативность», «целостность»; работу А. Нойберта «Текст и перевод» [Neubert, 1985], в которой переводческие проблемы рассматриваются через призму лингвистики текста.

В 90-е годы XX века западный исследователь Э. Пим предлагает критерии для хорошей теории перевода: 1) теория должна объяснять, почему именно в это время и в этом месте делается этот перевод; 2) в центре ее внимания должен быть переводчик; 3) все построения теории должны быть ориентированы на социальные контексты, в которых существует переводчик; 4) такая теория должна помогать описывать возникающие проблемы и искать пути их решения [Pym, 1998]. А.С. Десницкий добавляет к ним ещё один критерий – проверку практикой [Десницкий, 2015, с. 13].

Несмотря на множество исследований в этой области, можно сказать, что к началу XXI века не появилось ни общепринятого определения понятия «перевод», ни единой методологии. В.Н. Комиссаров в работе «Теория перевода (лингвистические аспекты)» пишет, что текст, с которым работает переводчик, является наглядным объектом, непосредственно доступным анализу, поэтому одним из важнейших методов в теории перевода является сопоставительный анализ как формы, так и содержания ИТ и переводного текста (далее в работе – ПТ) [Комиссаров, 1990, с. 37]. В большинстве теоретических построений в данной сфере на протяжении десятилетий присутствуют два понятия (для которых так же до сих пор нет общепринятых определений): **адекватность** и **эквивалентность** перевода. На их основании предпринимаются попытки оценить соответствие

текста перевода оригинальному тексту, учитывая при этом как своеобразие текста оригинала, проявляющееся на всех уровнях языка, так и степень отражения этого своеобразия в тексте перевода. Несмотря на то, что оба этих критерия являются одними из основных в теории и практике перевода, они по-разному понимались в разные этапы развития теории.

1.2. Развитие терминологии в теории перевода

Выше мы уже упоминали революционную работу Ю. Найды «К науке перевода» [Nida, 1964], которая представляла собой свод теоретических предпосылок к созданию переводческой теории, опирающейся на научные данные, накопленные за последние десятилетия не только лингвистикой, но и семиотикой и антропологией. К основным понятиям данного труда относятся понятия **динамического и функционального эквивалента**, а также **трансформации** (или **переноса**). Под **динамически эквивалентным переводом** Найда понимал максимально близкую передачу смысла ИТ в переводе, а под трансформацией – многоуровневое переструктурирование текста в соответствии с особенностями переводящего языка (далее в работе – ПЯ), а перевод считался тем качественнее, чем более трансформация способствовала передаче смысла оригинального текста. Процесс перевода заключался для Найды в адекватной передаче значения ИТ средствами ПЯ, при этом под значением он понимал не только собственно фактическую информацию, содержащуюся в ИТ, но и эмоциональное значение, без передачи которого перевод не может считаться хорошим. При этом в теории Найды не рассматривался вопрос эквивалентности передачи формы в переводе, о важности чего более подробно будет сказано ниже.

Теория динамического эквивалента Найды достаточно серьезно критиковалась. Среди основных возражений фигурировали, например, такие: 1) однобокость полного отрицания формального подхода; 2) сомнительность предположения, что каждый текст имеет лишь одно значение, которое нужно передать; 3) теория не может использоваться при переводе поэтических текстов; 4) теория во многом опирается на идеи трансформационной грамматики Н. Хомского,

которая позже критиковалась и пересматривалась; 5) теория рассматривает лишь перевод отдельных высказываний, практически игнорируя лингвистику текста; 6) теория прескриптивна, а не дескриптивна; 7) теория предписывает выбирать ближайший переводческий эквивалент, что приводит к отказу от передачи стилистического разнообразия ИТ [Десницкий, 2015, с. 58-59]. На Западе о том, что переводчик должен сохранять некоторую культурную дистанцию читателя от культуры ИТ, писал, например, А. Мешонник [Meshonnic, 1973].

Понятие динамического эквивалента Найды перекликается с упоминавшимся выше понятием «**приручающего перевода**» Ф. Шлейермахера. Английский литературовед С. Прикетт видел в этом опасность утраты глубины и многозначности оригинала [Prickett, 1986], а американский исследователь Л. Венути – разновидность «культурного империализма»: в результате работы над текстом переводчик адаптирует оригинал, и последний начинает выглядеть так, как будто он был создан в лингвокультурной среде переводчика, а связь с лингвокультурной средой автора ИТ утрачивается [Venuti, 1995].

Позже Найда развивает свою теорию предложением некоторых алгоритмов перевода: в 1969 году выходит его новая работа «Теория и практика перевода», написанная в соавторстве с Ч. Тэйбером [Nida, Taber, 1969]. В ней авторы подчёркивают, что добиться полной идентичности ИТ и ПТ невозможно, и именно поэтому они пользуются понятием не идентичности, а эквивалентности, но предлагают другой её тип: **формальную эквивалентность**, под которой подразумевается почти буквальное следование переводчика всем структурам оригинала. Найда и Тэйбер исследуют процесс перевода на разных уровнях: как на грамматическом, так и на лексическом, отмечая при этом, что лексические единицы языка имеют не только референциальное значение (то есть указывают на реальные или мнимые объекты окружающего мира), но и коннотативные значения (эмоциональные и ассоциативные связи) [Nida, Taber, 1969].

Термин «эквивалентность» используется не только в трудах Ю. Найды. Он фигурирует, например, в работах немецкого учёного Г. Егера в конце 70-х годов [Juger, 1975; Егер, 1978]. В них автор анализирует социальные и коммуникативные

аспекты перевода и основные понятия лингвистики перевода. Егер различает т.н. **коммуникативную и функциональную эквивалентность**. В переводе можно действительно добиться лишь функциональной эквивалентности: сохранения инвариантности на уровне функции языковых знаков, связанных с семантическим, синтаксическим и прагматическим уровнями отношений [Егер, 1978, с. 141]. В отличие от коммуникативной, функциональная эквивалентность не включает в себя экстралингвистические прагматические отношения [там же, с. 153].

В результате накопления возражений и критики в 1996 году в свет выходит новая работа Ю. Найды, написанная в соавторстве с Я. де Ваардом, «На новых языках заговорят» [Ваард де, Найда, 1998]. Авторы используют в ней понятие **функционального эквивалента**. Их новое видение во многом опирается на теорию речевых актов Р. Якобсона, где в общих чертах утверждается, что передача информации является лишь одной из функций любого высказывания, наряду с некоторыми другими [Якобсон, 1975]. К другим относятся, например, функция установления контакта, а также эстетическая функция текста. Теория функционального эквивалента подразумевает, что хороший перевод, называемый теперь не эквивалентным, а **адекватным**, помимо передачи информации, должен выполнять определенные функции для своей целевой аудитории, причем те же, которые выполнял ИТ для своей. Такое развитие идеи подводит к тому, что перевод, адекватный для одной целевой аудитории, может оказаться неадекватным для другой. Через призму нового подхода стало возможным рассматривать те явления, которые в рамках динамического подхода выпадали бы из поля зрения теоретиков, в первую очередь это «художественная ткань текста» [Десницкий, 2015, с. 67]. Если прежняя теория Найды и Тэйбера практически игнорировала понятие формы в переводимых текстах, то теперь, хотя различие между формой и содержанием по-прежнему проводится, происходит отказ «от некоторой механистичности трансформационной грамматики в пользу более полного и адекватного подхода к человеческому общению» [там же]. Возникает потребность в критерии, отличном от критерия эквивалентности в её понимании как исключительно смыслового тождества.

Идеи Найды нашли отклик по всему миру, в том числе, и на территории бывшего СССР. Были переведены на русский его книги, на основании идей Найды обучали практикующих переводчиков. Но и новая теория функциональной эквивалентности так же подвергалась критике, как и теория динамического и формального эквивалентов. Американский исследователь Д. Карсон, например, задавался вопросом о пределах применимости обеих теорий, поскольку невозможно отдельно переводить либо только значение текста, либо только его функцию [Carson, 1985, 2003].

На рубеже XX–XXI веков происходит очередной всплеск научного интереса к теории перевода и появляются новые концепции, в том числе понятия **прямого** и **непрямого перевода**. Подобные термины были предложены сразу несколькими учёными, например, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне во Франции, а также Э.-А. Гуттом в Англии. Вине и Дарбельне объединяли в понятии прямого перевода транскрипцию, калькирование и дословный перевод, то есть использование переводчиком параллельных структур исходного языка (далее в работе – ИЯ) и ПЯ, а к непрямому переводу они относили перевод, выполненный посредством различного рода трансформаций; при этом в реальном процессе переводческой работы оба типа переводов используются совместно [Вине, Дарбельне, 1978].

Э.-А. Гутт, немецкий исследователь перевода, работающий в Англии, предлагал перейти от теории эквивалентности к теории **релевантности**, основная проблематика которой – вопрос о том, какая имплицитная информация в ИТ должна быть эксплицирована в ПТ. Гутт также использовал понятия прямого и непрямого перевода [Gutt, 2000]. Прямой перевод в его концепции является точной передачей сказанного автором ИТ, не прямой – допускает определенные изменения ИТ в зависимости от потребностей целевой аудитории перевода. При выборе подхода переводчик должен определиться, какой именно уровень сходства между ИТ и ПТ ему необходим. Прямой перевод приводит к полному сходству, но, если меньшая степень этого сходства приемлема или даже почему-либо необходима, то не прямой перевод является более предпочтительным [Самков, 2020, с. 123]. «Прямой перевод стремится к максимальному представлению оригинала <...>, а

непрямой – к непосредственному контекстуальному эффекту, производимому на читателя» [Десницкий, 2015, с. 85]. Первичной задачей создания **релевантного перевода** по Гутту было определить, какую имплицитную информацию в ИТ делать при переводе эксплицитной, а какую оставить без внимания [Gutt, 2000].

Споры вокруг эквивалентности и релевантности переводов приводят к тому, что в конце XX века исследователи предпринимают попытки отказаться от этих терминов. В 80-е годы немецкие ученые К. Райс и Х. Фермеер в работе «Основания общей теории перевода» [Reiß, Vermeer, 1984] предлагают в качестве базовой в теории перевода **теорию скопоса**, которая основывается на том, что «действие определяется его целью»⁴ [там же, с. 101]. По мнению авторов, цель перевода определяет, как именно будет предложена информация из ИТ в ПТ. Теория эквивалентности утверждает, что перевод должен быть эквивалентен ИТ, в то время как теория скопоса обращается к нетождественному эквивалентности понятию, называемому **адекватностью**, и оценивает перевод с точки зрения его адекватности той цели, которую ставит перед собой переводчик в процессе работы.

Идеи Райс и Фермеера получили развитие в трудах другого немецкого исследователя К. Норд, которая сама себя называла представительницей «второго поколения сторонников теории скопоса» (цит. по: [Десницкий, 2015, с. 88]). Одна из её основных работ так и называется: «Перевод как целенаправленное действие» [Nord, 1997]. Норд подчеркивает, что перевод может иметь не одну, а несколько целей-скопосов, некоторые из которых переводчик может и сам полностью не осознавать. По мнению Норд, для того чтобы создать адекватный перевод, необходимо задаться следующими вопросами: 1) какова предполагаемая функция ИТ?; 2) какова предполагаемая аудитория ПТ?; 3) в каком месте, времени, в каких условиях будет восприниматься ПТ?; 4) при помощи каких средств будет передан ПТ?; 5) по какой причине создается ПТ? [там же, с. 60]. В рамках своей теории Норд выделяет следующие типы переводов: **документальные** (передающие свойства ИТ) и **инструментальные** (выполняющие определенную функцию в

---

⁴ Слово «скопос» в переводе с греческого и означает «цель» (σκόπος).

среде реципиентов ПТ). К документальным переводам она относит подстрочник и буквальный перевод (ср. «отчуждающие» переводы Шлейермахера), а к инструментальным – **эквивалентный** (ИТ и ПТ имеют одинаковую функцию), **гетерофункциональный** (ИТ и ПТ имеют разные функции, например, перевод Библии как памятника литературы) и **гомологический** перевод (в этом случае в ПЯ «выбирается форма, играющая роль, сходную с ролью оригинальной формы в ее собственной культуре» [там же, с. 52]).

Следующим шагом в развитии теории перевода стало обращение к **теории фреймов** (см., напр., [Wilt, 2003; Ross, 2003; Wendland, 2008]), пришедшей из области когнитивной лингвистики. Её основоположниками считаются американские учёные М. Минский, а также Г. Бейтсон и И. Гофман [Сухонослова, 2012, с. 29]. Под **фреймами** у Минского понимается «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Минский, 1979, с. 6]. Фреймовую семантику в качестве модели семантики понимания предлагал так же американский учёный Ч. Филлмор (см., напр., [Филатьева, 2024, с. 171]). Филлмор говорит о семантических фреймах как об определённым образом структурированных единицах знания, в которые входят некоторые смысловые компоненты и отношения между ними [Филлмор, 1988, с. 68]. В теории перевода фреймы – это «приобретенные с коммуникативной практикой структуры, которые позволяют ему [переводчику – Е. Ч.] пересимволизировать в переводном высказывании то, что уже символизировано в высказывании исходном» [Гусарова, 2014, с. 18].

В начале XXI века Э. Вендленд вводит в теорию перевода понятие **литературно-функционального эквивалента** [Wendland, 2003, 2004], актуальное в первую очередь для перевода художественных текстов. Это понятие включает в себя передачу дискурсных черт ИТ, учитывает содержащуюся в нем имплицитную информацию, его риторические и художественные черты и делает целью перевода передать прагматическую функцию ИТ, то есть воспроизвести коммуникативную ситуацию ИТ для его адекватного восприятия целевой аудиторией ПТ [Wendland, 2004, с. 165].

На рубеже XX-XXI веков большой и до сих пор актуальный интерес вызвали работы американского переводчика, историка и теоретика перевода Л. Венути. В работе 1995 года Венути вводит для описания роли и деятельности переводчика (во всяком случае, в англо-американской традиции) понятие его «невидимости», которая создаётся за счет 1) стиля работы самих англоязычных переводчиков, которые «бегло переводят на английский, чтобы создать идиоматический и «читаемый» текст и 2) требований читательской аудитории, которая хочет получить «удобный» текст без каких-либо лингвистических или стилистических авторских особенностей, отражающих личность иностранного автора [Шокин, 2021, с. 55-56]. В дальнейшем из понятия подобной «невидимости» Венути выводит две стратегии перевода: **одомашнивание** (или **доместикация**) и **иностраннизация** (или **форенизация**) ИТ [Venuti, 1995, с. 21]. Истоки этих стратегий лежат ещё в разграничении «приручающей» и «отчуждающей» стратегий Шлейермахера, о которых уже шла речь выше. Одомашнивание нивелирует чужеродность ИТ, представляя его в максимально легко воспринимаемой читателями ПТ форме [Venuti, 1995]. Иностраннизация же сохраняет в ПТ те культурные и лингвистические принципы, которые считаются доминирующими в среде, в которой был создан ИТ [там же]. В итоге Венути останавливается на иностраннизации как на более предпочтительной стратегии перевода [Venuti, 1998, с. 11].

Ещё одним шагом в процессе развития системы терминологии в переводоведении стала теория **репрезентативности**, предложенная российским исследователем С.В. Тюленевым. Переводческая **репрезентация** текста по Тюленеву – это представление читателю текста оригинала в иной лингвокультурной среде [Тюленев, 2004, с. 132]. Тюленев выделяет 4 критерия репрезентативного перевода: 1) верная передача плана содержания ИТ, т.е. передаваемой в нём информации; 2) верное отражение цели создания ИТ, т.е. его прагматического компонента; 3) воспроизведение стилистических особенностей ИТ; 4) сохранение авторского отношения к излагаемому содержанию ИТ [Тюленев, 2004, с. 146-147]. При этом автор указывает, что как необходимость, так и степень

соблюдения этих критериев могут различаться в зависимости от типа переводимого текста, а именно, от его функционального стиля (разговорно-бытовой, научный, официально-бытовой, газетно-публицистический, художественный тексты) [там же, с. 147]. В зависимости от степени соблюдения всех критериев репрезентативности Тюленев выделяет «собственно перевод» и «сигнальный перевод» [там же, с. 149]. Под «собственно переводом» понимается полный перевод ИТ. Сигнальный же перевод ориентирован на частичное воспроизведение оригинала, результат которого зависит от задачи, – прежде всего коммуникативной, – поставленной заказывающим перевод перед его исполнителем. В качестве примера можно привести ознакомительные переложения, после выхода которых ИТ может быть переведён в полном объёме [там же]. Примеры сигнального перевода известны и в художественной литературе, например, сокращённый ознакомительный или адаптированный перевод. Также Тюленев указывает, что о репрезентативности перевода речь может идти как на макроуровне (уровень текста в целом), так и на микроуровнях (уровни отдельных компонентов текста: фонетический, грамматический, лексический, синтаксический, уровень словообразовательных моделей) [Тюленев, 2004, с. 151-178].

1.3. Эквивалентность и адекватность как ключевые понятия оценки качества перевода

Передавая текст, созданный на одном языке средствами другого языка, переводчик всегда стоит перед дилеммой: следовать «стратегии формы» или «стратегии смысла» [Добровольский, 2004, с. 35-36], то есть сохранить в переводе «букву» оригинала, из-за чего у читателя может возникнуть ощущение странности текста, либо адаптировать оригинальный текст к нормам языка перевода, стремясь передать его смысл [Добровольский, 2007, с. 328]. Результат следования какой из стратегий позволяет читателям оценить перевод как более качественный?

Ни одна теория, о которых шла речь в предыдущем разделе, до сих пор не дает возможности решить проблему однозначной оценки качества перевода.

Сегодня исследователи скорее сходятся в том, что для текстов разных стилей, функций и различной коммуникативной направленности релевантными будут разные критерии (см., напр., [Комиссаров, 1990]). В русскоязычном языкознании их пытался наметить ещё А.В. Фёдоров [Фёдоров, 1953]. Он использовал термин «полноценность», понимая под этим «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [Фёдоров, 1953, с. 114]. В дальнейшем качество перевода пытались оценивать по совершенно разным параметрам, у которых всё же было много общего. Помимо рассмотренных выше понятий, существуют и другие более или менее смежные (в отечественном переводоведении это в основном «полноценность» [Фёдоров, 1983], «оптимальность» [Латышев, 1986], «точность» [Нелюбин, 2003], «равноценность» [ОПП, 2010], «гармония» [Кушникова, 2012]). В нашей работе мы остановимся на двух из них: эквивалентности и адекватности.

1.3.1. Эквивалентность перевода

Существует мнение, что первым учёным, употребившим слово «эквивалент» применительно к переводу, был Р. Якобсон [Jakobson, 1959]. Тем не менее Н.К. Гарбовский приводит в качестве контраргумента фрагмент из значительно более раннего сочинения Ш. Бодлера: «Le mot *infini*, comme les mots *Dieu, esprit* et quelques autres expressions, dont les equivalents existent dans toutes les langues» – «Слово *бесконечность*, как и слова *Бог, дух* и некоторые другие выражения, эквиваленты которых существуют во всех языках» [Гарбовский, 2007, с. 264].

По мнению Л.С. Бархударова, переводческая эквивалентность представляет собой сохранение неизменного плана содержания ИТ при замене его плана выражения, тождество содержания ИТ и ПТ при неизбежных потерях в передаче значений [Бархударов, 1975].

В.В. Виноградов рассматривает переводческую эквивалентность как сохранение максимально возможного тождества между содержательной, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информацией, содержащейся как в ИТ, так и в ПТ [Виноградов, 2001, с. 18].

Г. Егер говорит о коммуникативной эквивалентности, то есть об одинаковой коммуникативной значимости ИТ и ПТ [Егер, 1978]. Модель переводческой эквивалентности у Егера включает в себя три уровня, на втором из которых выделяются два подуровня: 1) прагматический (для чего что-либо сказано); 2.1) семантический денотативный (о чём что-либо сказано); 2.2) семантический сигнификативный (как это сказано); 3) синтаксический (как элементы высказывания расположены относительно друг друга) [Егер, 1978, с. 137-156]. Близкими к модели Егера с точки зрения иерархической организации являются модели эквивалентности немецкого и советского переводоведов В. Коллера и А.Д. Швейцера. Коллер выделяет денотативный, коннотативный, текстуально-нормативный, прагматический и формально-эстетический уровни эквивалентности [Koller, 2011]. Швейцер выстраивает уровни от синтаксиса (самый низкий уровень эквивалентности) через семантику (средний уровень) к прагматике (самый высокий уровень) [Швейцер, 1988].

Для Дж. Кэтфорда эквивалентность – это систематическое равнозначное соответствие между ИТ и ПТ, выявляемое при их сопоставлении. Для такого сопоставления Кэтфорд указывает на необходимость того, чтобы ИТ и ПТ были соотносимы с функционально релевантными признаками данной ситуации. Под таковыми он подразумевает признаки, существенные с точки зрения коммуникативной функции текста в данной ситуации [Catford, 1965, с. 94].

В русском переводе эквивалентность иногда также называют «оптимальностью» (см., напр., [Латышев, 1986]). «Оптимальный вариант перевода достигается путем максимально точного воспроизведения содержания ИТ [исходного текста – *Е.Ч.*] и путем адаптации воспроизводимого содержания и языкового оформления переводного текста к новым условиям восприятия сообщения: к иной языковой системе и языковой норме, иному узусу и иному преинформационному запасу адресатов перевода» [Латышев, 1986, с. 66].

Для В.Н. Комиссарова эквивалентность – это максимально возможная лексическая и структурная близость между ИТ и ПТ [Комиссаров, 1980, с. 152-153]. Оценка степени этой близости, то есть оценка качества перевода опирается на учёт

типов соответствий между структурно выделяемыми отрезками ИТ и ПТ, которые он называет «единицами перевода» [Комиссаров, 1990, с. 235]. Под единицей перевода, также называемой «единицей эквивалентности», понимается минимальная структурная и содержательная составляющая ИТ, которая должна быть сохранена в ПТ [там же]. Комиссаров выделяет разные типы переводческой эквивалентности: полная эквивалентность, которая может быть достигнута теоретически и определяется соотношением структур двух языков, и оптимальная эквивалентность, то есть «близость, достигаемая в конкретном акте перевода» [Комиссаров, 2002, с. 113]. И тот, и другой тип понимается не как некая постоянная величина: степень эквивалентности может быть различной при оценивании перевода на различных уровнях. Если в теориях Егера и Швейцера выделялись три уровня, то у Комиссарова их уже пять:

1) цели коммуникации (сохранение только той части оригинала, в которой заключается цель сообщения):

*Maybe there is some chemistry between us that doesn't mix. – Бывает, что люди не сходятся характерами.*⁵

2) описания ситуации (общим в ИТ и ПТ является не только передача цели сообщения, но и отражение идентичной языковой ситуации):

He answered the telephone. – Он снял трубку.

3) способа описания ситуации (отсутствие параллелизма в языковых структурах с целью сохранения в переводе общих понятий, при помощи которых описывается ситуация):

People went into rooms as if they meant to stay there. – Каждый устраивался у себя в комнате так, словно собираясь обосноваться в ней навсегда.

4) структуры высказывания (в ПТ воспроизведена большая часть значений синтаксических структур ИТ, например, тема-рематическое членение, в т.ч. производимое посредством употребления разных артиклей в артиклевых языках):

---

⁵ Приведённые здесь примеры взяты также из работы [Комиссаров, 1990, с. 52-79].

4a) *A meeting in defence of peace was held in Trafalgar Square yesterday.* – *Вчера на Трафальгар-сквер состоялся митинг в защиту мира.*

4b) *The meeting in defence of peace in Trafalgar Square condemned the apartheid policy in South Africa.* – *Митинг в защиту мира на Трафальгар-сквер осудил политику апартеида в Южной Африке.*

5) лексико-семантического соответствия (максимально возможная степень близости содержания ИТ и ПТ):

I saw him at the theatre. – *Я видел его в театре.*

The house was sold for 10 thousand dollars. – *Дом был продан за 10 тысяч долларов.*

В этом случае менее эквивалентным на данном уровне был бы перевод фразы как *Дом продали за 10 тысяч долларов.* [Комиссаров, 1990, с. 52-79].

Общим в приведённых определениях является предпосылка существования смысловой близости между ИТ и ПТ. Все трактовки понятия переводческой эквивалентности объединены идеей сохранения и передачи плана содержания ИТ в ПТ, то есть эквивалентность перевода – это его максимально достижимая смысловая близость к оригинальному тексту. Эквивалентность художественного перевода зависит, во-первых, от мастерства и кругозора самого переводчика, а, во-вторых, – от имеющихся различий на всех уровнях ИЯ и ПЯ.

В данной работе при оценке эквивалентности переводов мы будем опираться на теорию В.Н. Комиссарова, исследуя их эквивалентность на уровне лексико-семантического соответствия. На данном уровне важны 1) максимально возможная высокая степень параллелизма в структурной организации ИТ и ПТ; 2) максимально возможная соотнесённость лексики; 3) сохранение в ПТ всех основных частей содержания ИТ, включая общность смысловых компонентов отдельных слов [Комиссаров, 1990, с. 79].

При этом необходимо отметить следующую проблему, возникающую при попытках сохранения лексической эквивалентности: в значениях эквивалентных на первый взгляд (например, при работе только с лексикографическими справочниками) лексических единиц в разных языках может содержаться разное количество минимальных единиц смысла или, иначе, сем. Комиссаров приводит

следующие примеры: «Прямые значения русского *ошибка* и английского *error* часто выступают в качестве эквивалентных при переводе, но *error* подразумевает отклонение от какого-либо правила, принципа или закона и этим дополнительным признаком отличается как от *ошибки*, где такое ограничение отсутствует, так и от *mistake*, которое тоже значит *ошибка*, но связано обычно с случайным непониманием, недоразумением или промахом. Английские *kill*, *assassinate*, *murder*, *slay* эквивалентны русскому *убить*, но *kill* означает прекратить существование как одушевленных, так и неодушевленных объектов <...>, *assassinate* предполагает предательское убийство официального лица, *murder* – убийство, намеренное и с преступным мотивом, *slay* – убийство, намеренное и насильственное, но необязательно преступное» [Комиссаров, 1980, с. 42].

Полная реализация эквивалентности пятого типа часто затруднена ввиду различий в норме и узусе двух сопоставляемых языков, ср. примеры из работы [Комиссаров, 1990]:

- 1) *She knew that he had risked his neck to help her.* – Она знала, что он рисковал своей головой, чтобы помочь ей. (неэквивалентное соотношение «шея – голова», обусловленное речевым узусом);
- 2) *The children clapped hands with joy.* – Дети хлопали в ладоши от радости. (неэквивалентное соотношение «руки – ладоши», вызванное той же причиной);
- 3) *She slammed the door into his face.* – Она захлопнула дверь у него перед носом. (неэквивалентное соотношение «в лицо – перед носом»);
- 4) *You will pardon me, I trust, this intrusion upon your space.* – Льщу себя надеждой, что вы простите мою назойливость. [Комиссаров, 1990, с. 82-85].

Комиссаров так комментирует неполную неэквивалентность примера 4), которая не делает перевод абсолютно неэквивалентным за счёт сохранения стилистической эквивалентности при некоторых потерях в эквивалентности структурной: «В этом переводе есть ряд стилистических отклонений в передаче значений отдельных слов. Не передана стилистическая характеристика глагола *pardon* (ср. *to excuse*), русское «назойливость» не воспроизводит указание на строго официальный характер словосочетания *intrusion upon your space*. Однако эти отклонения

коммуникативно не релевантны, поскольку принадлежность высказывания к официальному стилю достаточно четко передана в переводе глагола *to trust* напыщенным сочетанием «льщу себя надеждой» [там же, с. 85].

Важными для исследования являются три семантических аспекта лексических значений слов, а именно денотативный, коннотативный и прагматический. Задачей переводчика – крайне сложной, а иногда и вовсе невыполнимой – является здесь сохранение в ПТ всей содержащейся в ИТ информации. При этом, как будет подробнее сказано далее, в рамках работы с исследуемыми (анти)аксиологемами в русском языке отдельная информация может содержаться не только в значении, но и в форме лексических единиц.

1.3.2. Адекватность перевода

Термин «адекватность» иногда используется как синоним термина «эквивалентность». А.Д. Швейцер писал: «Порой в них [в данные термины – *Е.Ч.*] вкладывается разное содержание, а иногда они рассматриваются как синонимы. Так, «в информативной статье Р. Левицкого “О принципе функциональной адекватности перевода” «термин “адекватность” в ряде случаев оказывается взаимозаменяемым с термином “эквивалентность” (так, например, выдвигаемое Дж. Кэтфордом понятие переводческой эквивалентности – *translation equivalence* – трактуется в этой статье как “адекватность перевода”» [Швейцер, 1988, с. 92]). Но чаще оба термина всё же рассматриваются как разные критерии оценки: под адекватностью понимается не смысловое тождество, а соответствие ПТ определенной цели перевода (см., напр., [Нелюбин, 2003; Алексеева 2004]). Ниже мы так же приведем в качестве примера лишь некоторые из существующих определений.

В ранних работах по теории перевода (50-60-е годы XX века) под адекватностью понималась его смысловая точность и полнота (см. работы А.В. Фёдорова, Р. Якобсона).

В 70-е годы XX века многие теоретики перевода говорили о категории функциональной (или, иначе, функционально-прагматической) адекватности (Л.С.

Бархударов, О. Каде, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер). Адекватный перевод должен соответствовать основной цели коммуникации, обеспечивая передачу коммуникативной функции оригинала. Об обязательности сохранения прагматики оригинала в переводе говорил и А. Нойберт [Neubert, 1968].

Г. Егер указывает, что понятие «адекватность» имеет отношение к процессу перевода, так как способ перевода определяется стремлением достичь адекватности переводного текста. Эквивалентность же относится к результату перевода, потому что она отражает функциональное соответствие между ИТ и ПТ [Егер, 1978].

К. Райс и Г. Фермеер подразумевали под адекватностью соответствие выбора языковых знаков тому измерению ИТ, которое избирается в качестве основного ориентира в переводческом процессе (цит. по [Гарусова, 2017, с. 76]).

А.В. Фёдоров ставил знак равенства между адекватным и полноценным, семантико-стилистически эквивалентным переводом [Фёдоров, 1983].

Р.К. Миньяр-Белоручев понимал под адекватным переводом «воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка» [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 221]. Адекватность он считал особенно важной в сфере художественного перевода.

А.Д. Швейцер называл адекватность переводческим компромиссом, поскольку «перевод требует жертв» [Швейцер, 1988, с. 96], на которые переводчику приходится идти ради передачи самых главных черт ИТ (его «функциональных доминант» [там же]).

В.Н. Комиссаров называет адекватным перевод, в котором на максимально возможном уровне эквивалентности осуществляются поставленные перед переводчиком прагматические задачи и при этом не нарушаются ни нормы, ни узус ПЯ, соблюдены стилистические требования, предъявляемые к типам текстов, к которым относятся ИТ и ПТ, и соблюдена норма перевода [Комиссаров, 2002, с. 407]. Таким образом, под адекватностью Комиссаров понимает соответствие перевода требованиям и условиям конкретного межъязыкового коммуникативного акта, то есть адекватный перевод должен быть хотя бы в минимальной степени

эквивалентным, при этом эквивалентный перевод может быть в значительной мере неадекватным [Комиссаров, 2002, с. 113]. Так, например, перевод английского объявления *Wet paint!* на окрашенной скамейке в парке на русский язык как *Осторожно, окрашено!* не эквивалентен, но абсолютно адекватен. В отличие от норм эквивалентности, принцип адекватности перевода требует «учёта факторов, относящихся к норме» [Нуриев, 2003, с. 85]. Так, например, французское предложение *J'ai froid* может быть переведено на русский язык как «Я замёрз», но более адекватным будет перевод «Мне холодно», поскольку русский язык отдаёт предпочтение безличным оборотам [там же].

Иногда понятие адекватности рассматривается, как и в случае с эквивалентностью, на разных уровнях. Многоуровневая теория адекватности перевода представлена, например, в работе отечественного исследователя Ю.В. Ванникова [Ванников, 1988], на которую мы будем опираться в данном исследовании. В ней выделяются четыре уровня адекватности: 1) семантико-стилистическая (семантическое и стилистическое тождество языковых единиц в ИТ и ПТ); 2) функциональная (также называемая прагматической или функционально-прагматической; представляет собой степень соотношения ПТ с коммуникативной установкой автора ИТ); 3) дезидеративная (соответствие запросам адресата, т.е. в случае письменного текста – читателя); 4) волонтактивная (соответствие коммуникативной установке переводчика) [Ванников, 1988]. На последних двух типах адекватности мы остановимся подробнее, чтобы обосновать их неприменимость к полноценным переводам художественных текстов. К дезидеративному типу адекватности Ванников относит выборочный перевод, реферирование, аннотирование, просмотрное чтение и подобные виды обработки текста, которые можно в определённом смысле считать переводами на основании того, что они «оперируют исходными текстами на одном языке и производят тексты на другом, т.е. имеют тот же механизм, что и перевод» [ОПП, с. 11]. Волонтактивную адекватность Ванников постулирует в разного рода переводах-переложениях. Эти два типа адекватности не могут относиться к полноценному художественному переводу, который анализируется в данной работе, поэтому в

наших целях мы будем говорить о семантико-стилистической и функциональной адекватности перевода в соответствии с теорией Ванникова. Здесь необходимо отметить следующее: как указывает Н.К. Гарбовский, адекватность в теории Ванникова охватывает все типы соответствий между ИТ и ПТ, поэтому может показаться, что понятие переводческой эквивалентности становится избыточным, понятие адекватности, на первый взгляд, «поглощает» его [Гарбовский, 2007, с. 291]. Но при таком подходе «функционально допустимыми» можно было бы объявить «любые формы межъязыкового посредничества независимо от того, насколько эквивалентен текст, порождаемый в процессе таких операций, тексту перевода. С таким расширенным пониманием перевода трудно полностью согласиться. <...> коммуникативный акт – это не только участники коммуникации, но и само сообщение, система смыслов в словесном облици. Именно установка на сообщение вновь возвращает нас к категории эквивалентности» [там же].

1.3.3. Соотношение понятий «эквивалентность» и «адекватность»

В самом общем смысле соотношение адекватности и эквивалентности можно наглядно проиллюстрировать на примере перевода пословиц и поговорок:

1) эквивалентный, но неадекватный перевод:

A small pot is soon hot. – *Маленький горшок быстро нагревается.*

Stille Wasser sind tief. – *Тихие воды глубоки.*

2) неэквивалентный, но адекватный перевод:

A small pot is soon hot. – *Люди маленького роста вспыльчивы.*

Stille Wasser sind tief. – *В тихом омуте черти водятся.*

Более сложный пример для перевода художественного текста приводит А.С. Десницкий:

Таблица 1 – примеры переводов разной степени эквивалентности

оригинал (J. Salinger)	один из вариантов перевода	перевод Р. Райт-Ковалёвой
<i>It cost him damn near four thousand bucks. He's got a lot of dough, now.</i>	<i>Это стоило ему проклятых почти четыре тысячи баксов. У него много бабла теперь.</i>	<i>Выложил за нее чуть не четыре тысячи. Денег у него теперь куча.</i>

На уровне лексико-семантического соответствия вариант во второй колонке таблицы ближе к оригинальному тексту, то есть более эквивалентен. При этом Десницкий так объясняет большую адекватность перевода Райт-Ковалёвой: «Перевод сохраняет разговорный, просторечный стиль оригинала – но достигает этого за счет других слов. В английском просторечиями являются *damn, bucks, dough*, а в переводе – *выложил, куча*. Стоит обратить внимание и на порядок слов: нужного стилистического эффекта переводчица добивается перестановкой слов во фразе. В английском с его достаточно жестким порядком слов подобная инверсия была бы возможна, но довольно неестественна, тогда как в русском неестественно звучал бы в данном случае стандартный порядок слов: *У него теперь куча денег*. Такой перевод был бы вполне точным с точки зрения передачи информации, но в художественном плане он все же был бы неадекватным, поскольку была бы потеряна стилистика оригинала» [Десницкий, 2015, с. 28].

В.В. Сдобников и О.В. Петрова предлагают 4 варианта соотношения эквивалентности и адекватности в рамках одного перевода:

- 1) перевод адекватен в целом и эквивалентен на уровне отдельных сегментов текста (чаще всего такое соотношение достигается при переводе научно-технических, юридических и других специальных текстов);
- 2) перевод адекватен, но неэквивалентен на уровне отдельных сегментов, лингвистическая близость между ИТ и ПТ минимальна (такое соотношение часто встречается при переводе художественных и особенно поэтических текстов); для

такого соотношения авторы приводят в пример перевод отрывка из 130 сонета У. Шекспира, выполненный С.Я. Маршаком:

Таблица 2 – пример адекватного, но неэквивалентного перевода

текст У. Шекспира	перевод С.Я. Маршака
<i>I love to hear her speak, yet well I know That music hath a far more pleasing sound; I grant I never saw a goddess go; My mistress, when she walks, treads on the ground...</i>	<i>Ты не найдешь в ней совершенных линий, Особенного света на челе. Не знаю я, как шествуют богини, Но милая ступает по земле.</i>

3) перевод эквивалентен, но неадекватен (подобное встречается при переводе как специальных, так и художественных текстов в том случае, если переводчик в погоне за лингвистической точностью не понимает коммуникативную интенцию автора ИТ);

4) перевод неэквивалентен и неадекватен (подобное в основном является следствием некомпетентности переводчика) [Сдобников, Петрова, 2007, с.213-215]. Сдобников и Петрова так же указывают на то, что качественным может считаться только перевод, в котором усматриваются соотношения первого или второго типа [там же].

Поскольку не существует единых общепринятых определений двух этих понятий, вопрос об их соотношении в теории перевода также не может иметь однозначного ответа. Термин «адекватность» в отношении качества перевода появился раньше, чем термин «эквивалентность», и в первых работах, посвящённых этой теме, первый использовался как синоним второго (см., напр., [Фёдоров, 1983; Ванников, 1988]). Так, например, в работах Фёдорова противопоставлялись два критерия оценки качества перевода: формализм и адекватность, где под адекватностью понималась полноценность перевода, то есть по сути, его эквивалентность: «Полноценность перевода означает исчерпывающую

передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [Фёдоров, 1983, с. 127].

Позже понятие «адекватный перевод» стало употребляться в более широком смысле, как характеристика, синонимичная характеристике «хороший перевод», а понятие «эквивалентный перевод» относилось к характеристике смысловой общности ИТ и ПТ [Мошкович, 2013, с. 51].

А.Д. Швейцер так отвечает на вопрос соотношения двух понятий: «Если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» [Швейцер, 1988, с. 95].

Л.К. Латышев использовал вместо термина «эквивалентность» термин «оптимальность»: оптимальное переводческое решение как результат процесса перевода [Латышев, 2005], а адекватностью называл «полноценность перевода» [там же], при этом Латышев «называет перевод то адекватным, подчеркивая таким образом способ перевода, процесс перевода, то полноценным. Не совсем ясно, что понимается здесь под полноценностью. <...> Сказанное лишь ещё раз свидетельствует о недостаточной проработке терминологии в лингвистике перевода» [Шамова, 2005, с. 176].

К. Райс и Г. Фермеер рассматривали эквивалентность как частный случай адекватности (об адекватности можно говорить только при наличии структурного и функционального тождества ИТ и ПТ). Адекватный перевод, по их мнению, соответствует цели, установленной при заказе перевода, а эквивалентный перевод демонстрирует наличие постоянного соответствия между ИТ и ПТ [Reiß, Vermeer, 1984].

Разграничить понятия эквивалентности и адекватности пытался также немецкий исследователь Й. Альбрехт, предложив третье понятие: «инвариантность» [Albrecht, 1990]. Согласно его теории, добиться эквивалентности на всех уровнях в одном переводе невозможно, поэтому переводчик должен определить в начале своей работы над текстом «факторы инвариантности»: что именно необходимо передать в переводе, а чем допустимо пожертвовать. Это могут

быть единицы содержания, стилистические особенности ИТ, предполагаемая реакция рецептора на чтение ПТ. Решающими при выборе факторов инвариантности являются тип текста, цель перевода и характер адресата [Шамова, 2005, с. 177]. Эквивалентный перевод по Альбрехту – это перевод, в котором выполняются все требования к инвариантности и при этом сохраняется структурно-семантическое сходство между ИТ и ПТ. Если же выполнены не все требования, а только те, которые обусловлены определенными запросами или отличительными чертами потенциального читателя ПТ, такой перевод не является эквивалентным, но является адекватным [там же, с. 178].

В.Н. Комиссаров пишет о том, что в теории перевода можно выделить отдельные его виды, которые отличаются характером стоящих перед переводчиком сложностей и, как следствие, уровнем потенциально достигаемой эквивалентности. На основе типологии таких сложностей можно противопоставить перевод художественных и всех иных текстов (второй тип перевода он называет прагматическим или информативным переводом) [Комиссаров, 2002, с. 77-78]. При работе над текстами разных стилей перед переводчиком ставятся разные задачи, в частности, в переводе художественных текстов одна из главных переводческих задач – передать художественно-эстетические черты ИТ, при этом максимальной точностью в передаче содержания допустимо пренебрегать. В итоге в отдельных случаях достижение максимальной переводческой эквивалентности может быть необязательным, а иногда даже нежелательным⁶. Эквивалентность по мнению Комиссарова – это смысловая общность между ИТ и ПТ, а адекватность есть достижение необходимой полноты коммуникации, проходящей в определённых условиях [Комиссаров, 1990, с. 233-234]. Перевод можно считать адекватным даже в том случае, если «выходной текст эквивалентен исходному только на одном из семиотических уровней или в одном из функциональных измерений» [Мошкович, 2013, с. 55].

---

⁶ Здесь следует уточнить, что такое утверждение не может быть применимо к творчеству всех авторов, в частности, к творчеству Ф.М. Достоевского (подробнее о двусоставности образов и художественном методе мимикрии в его творчестве см. раздел 2.2).

Л.Л. Нелюбин в «Толковом переводоведческом словаре» определяет переводческую эквивалентность как «смысловую общность приравниваемых друг к другу единиц» [Нелюбин, 2003, с. 253] и частный случай адекватности («адекватность при функциональной константе исходного и конечного текста» [там же, с. 254]), указывая так же на то, что понятие эквивалентности может относиться как к текстам в целом, так и к отдельным их знакам («эквивалентность знаков ещё не означает эквивалентность текстов и, наоборот, эквивалентность текстов вовсе не подразумевает эквивалентность всех их сегментов»). Эквивалентность по мнению Нелюбина, ориентирована на результат, а адекватность – на процесс перевода [там же, с. 13].

Так или иначе, в основе обоих терминов лежит принцип некоторого соответствия между ИТ и ПТ. Можно сделать вывод, что если эквивалентность перевода, связанная с его результатом, – это максимальная передача смыслового содержания оригинала, то адекватность, будучи связанной с процессом перевода, касается сохранения не только плана содержания ИТ, но также его формы и стиля, прагматической функции текста и коммуникативной интенции его автора. Для адекватного перевода, особенно если речь идёт о художественном тексте, допустимо отступление от формы оригинала ради сохранения авторских выразительных и стилистических особенностей текста. Под эквивалентностью в общем понимается максимальное теоретически достижимое соответствие между ИТ и ПТ в аспекте смыслового содержания ИТ и его коммуникативной цели. Адекватность же является более практически применяемым понятием, поскольку в практическом переводческом процессе зачастую невозможна полная тождественность между коммуникативно-функциональным содержанием ИТ и ПТ.

1.4. Критерии эквивалентности и адекватности при переводе художественного текста

Художественный перевод считается одним из самых сложных типов перевода. Л.Л. Нелюбин справедливо отмечает, что этот вид перевода обязан сохранять все отличительные черты исходного текста, систему образов,

отличительные особенности языка автора, а также исходного языка: «в художественном переводе не допускается ни выпусков, ни прибавок, ни изменений. Если в произведении есть недостатки – и их должно передать верно. <...> Опытный же переводчик смиряет свою творческую фантазию во имя верности оригиналу. Плохой переводчик тянет к себе, хороший – тянется к автору» [Нелюбин, 2003, с. 246-247]. На это указывал и И. Левый, называя любой перевод интерпретацией, для верности которой переводчику необходимо минимально вмешиваться в ИТ, максимально сохраняя объективно наблюдаемые составляющие его сущности [Левый, 1974, с. 68]. Открытым при этом остаётся вопрос о том, что именно можно считать «объективной сущностью» произведения как в литературе, так и в других видах искусства. Относительно произведений литературы попытки ответить на данный вопрос предпринимаются в литературоведении, и, таким образом, можно сказать, что переводчик художественного текста должен обладать, помимо переводческих навыков, определённым литературоведческим кругозором.

В рамках работы над переводами художественной литературы веками сохраняются две противоположные тенденции: следование букве оригинала и ориентация на восприятие текста рецептором ПТ. К. Норд использовала для описания проблемы термины «верность» или «лояльность» по отношению к переводчику: *Funktionsgerechtigkeit / Loyalität* [Nord, 1997, с. 123-128]. Как уже говорилось выше, К. Норд развивала и корректировала изначальные идеи скопос-теории, где одна из основных гласила, что цель перевода оправдывает любые средства, применённые переводчиком. С этим вряд ли можно согласиться, учитывая требования эквивалентности: «верность все же должна быть двусторонней: и по отношению к автору, и по отношению к читателю» [там же]. Чтобы не стать ни вольным, ни дословным, ни подстрочным переводом, ни, тем более, пересказом, а оставаться литературным произведением, художественный перевод не только должен представлять собой реализацию на другом языке единства формы и содержания оригинала, но и прагматический эффект, оказываемый ПТ на своего читателя, должен быть максимально близок к таковому, оказываемому ИТ на своего. «Художественный перевод предполагает творческое

преобразование подлинника с использованием всех необходимых выразительных возможностей переводящего языка, сопровождаемого возможно более полной передачей литературных особенностей оригинала» [Казакова, 2002, с. 6].

В диссертационном исследовании, посвященном адекватности и эквивалентности художественного перевода, В.В. Мошкович указывает на то, что к художественному переводу должны предъявляться следующие требования: необходимо, во-первых, воссоздать то же прагматическое воздействие на читателя ПТ, какое оказывалось самим ИТ на его читателя, во-вторых, сохранить в переводе идиостилистические особенности автора ИТ, а, в-третьих, сохранить весь план содержания при максимальном соответствии с планом выражения [Мошкович, 2013, с. 59].

К.И. Чуковский писал: «От художественного перевода мы требуем, чтобы он воспроизвел перед нами не только образы и мысли переводимого автора, не только его сюжетные схемы, но и его литературную манеру, его творческую личность, его стиль. Если эта задача не выполнена, перевод никуда не годится. Это клевета на писателя, которая тем отвратительнее, что автор почти никогда не имеет возможности опровергнуть ее» [Чуковский, 1988, с. 22].

Приведённые цитаты вызывают множество вопросов. Что значит возможно более полная передача особенностей ИТ? Что такое максимально полное их сохранение? Каким образом мы можем судить о максимальной и полноте? Какие критерии позволяют утверждать, что задача воспроизвести «творческую личность автора» выполнена? На эти вопросы не может быть единственно верного ответа. Ж. Мунэн и Н.К. Гарбовский писали о том, что перевод есть разновидность искусства, но такого искусства, которое основано на науке [Десницкий, 2015, с. 26]. Искусством он является потому, что перевод «не имеет однозначных и четко формализуемых решений, а от переводчика требуется известный талант» (там же). Тем не менее, даже самый высоко оцениваемый перевод не может быть полностью тождественен тексту оригинала. Причиной этого являются как лингвистические, так и экстралингвистические факторы.

К экстралингвистическим, помимо квалификации и таланта переводчика, можно отнести требования заказчика перевода к результату, различия в принципах создания ИТ и ПТ (ИТ представляет собой непосредственное отражение действительности, а ПТ – опосредованное), различия в историко-культурных контекстах создания ИТ и ПТ, ввиду чего возникает возможность неодинаковых интерпретаций ИТ переводчиком (см., напр., [Горбачевский, 2013, с. 14]).

Основной лингвистический фактор, влияющий на неполноту тождественности, – это множественные расхождения в грамматической и лексической системах ИЯ и ПЯ. В частности, необходимо отметить следующее: помимо ситуаций, когда в ПЯ недостаточно или вовсе нет переводных эквивалентов, их так же может быть слишком много: «Из существующих синонимических рядов переводчику необходимо выбрать наиболее подходящий по семантическому составу и стилистической окраске эквивалент, избегая стремления улучшить оригинал» [Мошкович, 2013, с. 63].

В процессе предпереводческого анализа художественного текста особенно остро встаёт философский вопрос о соотношении формы и содержания, в данном случае в его филологической интерпретации: «о наполненности и соотношении понятий художественного содержания и художественной формы» [Мамонтов, Морослин, Астремская, 2014, с. 111]. Под формой художественного произведения чаще всего понимается художественная структура текста, однако в филологических исследованиях есть примеры того, как анализ формы или её составляющих («анализ композиции (завязка – кульминация – развязка и т.д.) или словесной образности (тропы, фигуры и т.д.)» [там же, с. 112]) может способствовать более глубокому пониманию содержания. Среди стадий процесса анализа формы художественного произведения не последнюю роль играет анализ специфики значений отдельных слов в ИЯ и их потенциальных переводных соответствий в ПЯ. В последующих главах нашей работы будет показано, как форма отдельных лексических единиц может – в зависимости как от замысла

автора⁷, так и от лингвистических реалий ИЯ и ПЯ – влиять на оценку эквивалентности и адекватности перевода.

Помимо сложности самого процесса перевода художественного текста, сложность представляет и выработка единой системы критериев оценки качества результата. Здесь необходимо сделать следующее замечание. Оценка качества любого результата, в том числе перевода, не должна происходить на основании разных терминов, тем более если они (а также их соотношение друг с другом) недостаточно чётко определены, либо их определения слишком многозначны и включают в себя различные характеристики: такие «термины» нельзя признать терминами в полном, научном понимании этого слова. Тем не менее, и на сегодняшний день «не существует единого представления о содержании понятия "качество перевода", критериях оценки качества перевода, единой модели, дающей полное, всеобъемлющее представление о процессе и результате переводческой деятельности» [Кафискина, 2017, с. 752].

В данной работе мы будем придерживаться принципа нормы перевода, предлагаемого В.Н. Комиссаровым. Под нормой перевода мы будем понимать соблюдение совокупности требований, предъявляемых к качеству перевода, а именно, требования 1) нормы эквивалентности; 2) жанрово-стилистической нормы; 3) нормы переводческой речи; 4) конвенциональной нормы перевода [Комиссаров, 1990, с. 228-229]. Норма эквивалентности понимается как максимально возможная общность между ИТ и ПТ, при этом не противоречащая другим нормативным требованиям, которые позволяют обеспечить переводческую адекватность [Комиссаров, 1990, с. 229]. Под прагматической нормой мы так же будем понимать «требование соблюдать правила нормы и узуса ИЯ с учётом узуальных особенностей переводных текстов на этом языке» [Комиссаров, 1990, с. 231]. Перевод, который обеспечивает реализацию прагматических задач ИТ на таком уровне, на котором можно говорить о максимально достигнутой эквивалентности, Комиссаров называет адекватным [Комиссаров, 1990, с. 233]. Из

---

⁷ О роли формы в произведениях Ф.М. Достоевского см. раздел 2.2.

этого следует, что любой адекватный перевод является эквивалентным, при этом обратное неверно: полностью эквивалентный перевод может быть неадекватным.

В заключение главы ещё раз отметим, что в нашем исследовании мы предпринимаем попытку оценки эквивалентности и адекватности переводов художественных произведений на уровне эквивалентности словесных знаков и семантико-стилистической и функциональной адекватности. Прежде чем перейти к оцениванию, требуется определить, в рамках каких структур будут оцениваться данные характеристики. Для этого необходимо установить рассматриваемую в работе **единицу перевода**. Под единицей перевода (далее в работе – ЕП), которую иногда также называют **единицей переводческой эквивалентности** [ОПП, с. 36], обычно понимается «единица ИЯ, имеющая эквивалент в тексте ПЯ» [там же]. В том же словаре ОПП отмечается, что ЕП – это операционное понятие, и её границы нестабильны [там же]. В частности, Ревзин и Розенцвейг отмечали, что границы данного понятия часто зависят от соотносимой пары языков (ИЯ и ПЯ) [Ревзин, Розенцвейг, 1964, с. 117]. Это может быть отдельное слово, словосочетание, определённая группа слов, связанных семантико-синтаксическими отношениями, целое предложение. Для достижения поставленной в данной работе цели под единицей перевода мы будем понимать полноценный в смысловом аспекте отрезок оригинального текста, содержащий одну (реже несколько) из рассматриваемых в работе лексем и её ближайшее контекстное окружение, устанавливающееся на основе семантико-синтаксических связей. Во 2, 3 и 4 главах работы такие единицы будут выделяться в примерах жирным шрифтом, а сама лексема-(анти)аксиологема – подчёркиванием.

Выводы по главе 1

Как до начала официального становления теории перевода как научной отрасли знания, так и в наши дни велись и ведутся дискуссии о том, что такое перевод и каким он должен быть. Ещё в первой половине XIX века немецкий лингвист Ф. Шлейермахер говорил о двух основных переводческих стратегиях: «приручающей» и «отчуждающей». Его идеи в XXI веке получили развитие в

современной теории американского исследователя Л. Венути, предложившего сходные параллельные термины «доместикация» и «форенизация». Становление теории перевода как научной дисциплины, как в СССР, так и на Западе, начинается лишь во второй половине XX века. Начальным пунктом её развития стала предложенная американским переводчиком Ю. Найдой модель динамического эквивалента, впоследствии развившаяся до понятия функционального эквивалента. В этот период в переводоведение входит как термин понятие «эквивалентность перевода».

Позже в результате критики и доработки теории Найды и его соавторов была предложена более гибко подходящая к процессу перевода теория скопоса, основным вопросом которой была не просто проблема передачи значения ИТ (динамический эквивалент) или его формы (функциональный эквивалент), но вопрос о том, какова цель создания того или иного перевода. Функциональный эквивалент рассматривается в теории скопоса как частный случай перевода. Помимо критерия эквивалентности, для которого существует также много параллельных сходных терминов, которые нельзя считать синонимичными, начинает активно употребляться термин «адекватность перевода».

Ещё одним вектором в развитии стала теория релевантности, в рамках которой в задачи переводчика входило определить, какая имплицитная информация ИТ должна быть эксплицитно выражена в ПТ.

Российский переводовед С.В. Тюленев предлагал для оценки качества перевода понятие его репрезентативности, то есть соответствия между ПТ и ИТ на основании 4 критериев: верной передачи плана содержания ИТ, его прагматического компонента, стилистических особенностей и сохранения авторского отношения к его содержанию.

Основными критериями оценки качества перевода по сей день являются понятия эквивалентности и адекватности. Разные исследователи по-разному трактовали эти понятия, в некоторых теориях они даже могли считаться синонимами, тем не менее, на сегодняшний день эти критерии чаще всего не считаются синонимичными. Общим у них обычно остается одно: эквивалентность

перевода чаще всего понимается как некое тождество между ИТ и ПТ, например, тождество формы и содержания, а адекватность – тождество их прагматических функций, то есть передача замысла автора и сохранение в тексте перевода подобного же прагматического эффекта, оказываемого на его читателя, какой оказывает текст оригинала на своего читателя.

Одним из сложнейших видов перевода всегда считался художественный перевод, в работе над которым переводчику необходимо придерживаться критериев как эквивалентности, так и адекватности в их общем понимании. С одной стороны, переводчик должен максимально сохранить форму оригинала на всех уровнях, с другой, – передать авторский замысел при помощи знаков другого языка, не только внешняя форма которых, но и внутреннее наполнение этой формы отличаются от таковых в языке оригинала. Оригинальный (исходный) текст и его перевод не могут быть полностью тождественными друг другу (ни в одном из пониманий этого критерия) ввиду расхождения языковых структур как на грамматическом, так и на семантическом уровнях, однако, именно к этому должен стремиться переводчик. При этом базовые для сознания носителей разных языков, а потому трудноопределяемые абстрактные понятия⁸, в том числе аксиологемы и антиаксиологемы, являются одними из самых сложных элементов на пути создания тождественных текстов на разных языках.

В 3 и 4 главах работы мы рассмотрим эквивалентность на лексико-семантическом уровне (по Комиссарову) и функциональную адекватность (по Ванникову) определённых единиц перевода, под которыми в настоящем исследовании понимаются полноценные в смысловом аспекте отрезки оригинального текста, содержащие одну (реже несколько) из рассматриваемых в работе лексем и её ближайшее контекстное окружение, устанавливающееся на основе семантико-синтаксических связей. Под эквивалентным переводом мы будем понимать лексико-семантическое тождество единиц перевода в ИТ и ПТ, а под адекватным переводом – тождество прагматическое.

---

⁸ В лингвокультурологии и в лингвистической концептологии подобные понятия часто называют «концептами» (см., напр., [Моспанова, 2005; Печагина, 2011; Цева, 2012]).

ГЛАВА 2. ДОБРО И ЗЛО В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЕГО ПЕРЕВОДАХ

2.1. Философское и этическое понимание *добра и зла*

Прежде чем перейти в анализу понятий «добро» и «зло» в творчестве Ф.М. Достоевского и в его переводах, следует остановиться на том, что в целом под этими понятиями имелось и имеется в виду. Вряд ли можно поставить под сомнение тот факт, что указанные понятия, как и средства их лексического выражения, существуют в картинах мира представителей большинства (если не всех) лингвокультур и понимаются как оценочные универсалии в сфере этики и морали. Это «наиболее общие понятия, употребляемые для обозначения положительной или отрицательной ценности предметов и явлений. Указанное находит отражение в языковом сознании человека, типичными для которого являются представления о добре как о положительном, хорошем, полезном, нравственном, противоположном злу» [Будько, 2017, с. 77].

Философия уделяла этим универсалиям много внимания на протяжении всего времени своего существования. Одни философские школы толковали их через Абсолют и непреходящие моральные ценности, другие – через достижение счастья человеком, третьи рассматривали как результат определённых человеческих договорённостей [Долгий, 2009, с. 3]. В XX веке формируется как отдельная дисциплина философская антропология: «наука о сущности и сущностной структуре человека, его отношениях к природе, обществу, другим людям, самому себе, о его происхождении, о социальных и метафизических основаниях его существования, об основных категориях и законах его бытия» [там же, с. 5]. Добро и зло как нравственные категории лежат в рамках исследований философской антропологии, хотя обращения к этим понятиям в философии начались задолго до ее возникновения. К понятиям добра и зла обращались мыслители древнего Китая и древней Индии (учение Конфуция и «Законы Ману»), древнегреческие философы Сократ, Платон, Аристотель, такие философы-

богословы как Ириней Лионский, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Нисский, Августин, Фома Аквинский и многие другие.

Добро и зло являются ключевыми универсалиями и в этике: они заполняют собой и делят между собой всю этическую сферу [Берестнев, 1999], через них толкуются все остальные этические представления. И добро, и зло в широком смысле означают, соответственно, всё положительное, хорошее, благое и всё отрицательное, плохое, бедственное.

И в философии, и в этике добро и зло обычно рассматриваются параллельно: одно на фоне другого. Эти понятия невозможно толковать друг без друга: не зная зла, нельзя познать и объяснить добро. «Смысл добра обретается через его противоположность злу. Зло есть искажение добра» [Гагинский, 2021, с. 44]. Они являются, с одной стороны, полярными категориями, а с другой, – взаимообусловлены, и, более того, при определенных условиях могут переходить друг в друга, а их изменчивость и неоднозначность являются результатом развития культур и смен эпох [Моспанова, 2005, с. 25].

В современном словаре «Новейшая философская энциклопедия» [НФЭ] добро определяется следующим образом: «в широком смысле слова как благо означает ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некоему стандарту или сам этот стандарт. В зависимости от принимаемого стандарта добро в истории философии и культуры трактовалось как удовольствие, польза, счастье, общепринятое, соответствующее обстоятельствам, целесообразное и т.д.» [НФЭ, т. 1, с. 675]. В этом же словаре зло – «ценностное представление, противоположное добру (благу), универсалия культуры, основополагающая для морали и этики» [НФЭ, т. 2, с. 47]. Таким образом, оба понятия представляют собой наивысшую абстракцию моральных оценок «хорошо» и «плохо», включая в себя представления о духовном и бездуховном, нравственном и безнравственном, ориентиры которого могут меняться со временем и от культуры к культуре. В философии уже предпринимались попытки рассматривать эти понятия со стороны, «стать по ту сторону добра и зла» [Гагинский, 2021, с. 37], «заняться переоценкой всех

ценностей» [там же]. Причина необходимости такой переоценки заключается в разворачивающемся кризисе основ и базовых понятий, которые со временем теряют ясность и однозначность и, следовательно, доверие [там же].

Английский философ Дж. Э. Мур в работе «Принципы этики», увидевшей свет в 1903 году, утверждал, что добро является принципиально неопределимым [Мур, 1984]. По его мнению, это некоторое «качество», причем настолько простое, понимаемое скорее интуитивно, что оно не может быть истолковано через описание его составляющих. Существующие в этике определения добра Дж. Мур критиковал за то, что они определяют не «добро вообще», а отдельные его виды: такое поведение – добро (или же не-добро, то есть зло), такая вещь, мысль – добро (или опять-таки зло) и т.д. Говоря о неопределимости добра и зла, Мур рассматривал их как кантовские «вещи в себе» («the good in itself» [там же, с. 27]). Ранее, в XVII веке, нидерландский философ Б. Спиноза сходным образом писал: «Что касается до добра и зла, то они также не показывают ничего положительного в вещах, если рассматривать их самих в себе, и составляют только модусы мышления, или понятия, образуемые нами путем сравнения вещей друг с другом. Ибо одна и та же вещь в одно и то же время может быть и хорошей, и дурной, равно как и безразличной» [Спиноза, 1957, с. 523]. В.Ш. Сабиров в философско-аналитической работе «Два лика зла» пишет, что эти понятия не имеют ни научной строгости, ни необходимой полноты [Сабиров, 1992, с. 5]. При этом, согласно Муру, возможно говорить о добре и зле как об отдельных разновидностях объектов, поступков, отношений, про которые можно сказать: «это – добро» или «это – зло» [Мур, 1984]. Таким образом, можно прийти к тому, что вроде бы естественное положительное состояние человека – ощущение удовольствия от чего-либо – может быть разновидностью зла, а, например, преступление при определенном взгляде на вещи и при определенных условиях может быть добром.

В русской философии проблематика добра и зла анализировалась в работах Н.А. Бердяева [Бердяев, 1924, 1931], Н.О. Лосского [Лосский, 1940, 1991], В.С. Соловьева [Соловьев, 1999], С.Н. Булгакова [Булгаков, 1999] и других мыслителей.

Но пока специалисты по философии и этике бьются над созданием новых определений, интуитивные понятия добра и зла настолько давно укоренились в сознании всех народов мира, проявляясь ментально (в сознании) и вербально (в языке), что на бытовом уровне не требуют толкования. При этом, как уже отмечалось выше, сами рамки понимания нравственного и безнравственного в мире постоянно меняются как с течением времени, так и от культуры к культуре. Так, добром может считаться то, что соответствует божественным заповедям или религиозному учению, служит на благо государства или нации, способствует сохранению жизни и благосостояния отдельного человека или группы людей, приносит удовлетворение и т. д. Зло же – то, что нарушает религиозно-этические установки данного времени и данной локации, то, что разрушительно влияет на жизнедеятельность или удовлетворенность индивида или общества / общественной группы. Из сказанного опять-таки следует, что дать понятиям добро и зло какое-то одно общепринятое на все времена определение невозможно; кроме того, данный вопрос остается за рамками данной работы. В дальнейшем для проведения анализа текстов и их переводов мы будем прибегать лишь к использованию материала отобранных для работы толковых и переводных словарей и словарей авторского идиолекта (словари языка Ф.М. Достоевского).

2.2. Роль понятий «добро» и «зло» в творчестве Ф.М. Достоевского

Ф.М. Достоевского часто причисляют к писателям-философам, а кроме того, к богословам (см., напр., [Касаткина, 2021, Шараков, 2020]), включая его имя в ряд философов, развивавших русскую философско-антропологическую и богословскую мысль наряду с А.С. Хомяковым, И.Л. Киреевским, Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, П.А. Флоренским, И.А. Ильиным, Н.О. Лосским, а среди писателей – Л.Н. Толстым. Однако, будучи прежде всего не философом, а писателем, Ф.М. Достоевский не давал в своем творчестве определений понятиям: «Точное определение – не его дело. Логически утонченного, четко очерченного и от соседствующих понятий заботливо отграниченного понятия идеи в его книгах не найти» [Степун, 1962].

Русский философ Н.А. Бердяев, изучавший творческое наследие Ф.М. Достоевского, в работе «Миросозерцание Достоевского» также указывает на его не столько теоретический, сколько практический интерес к философии, говоря, что творчество писателя является крайне важным и для философской антропологии, и для истории философии, и для философии религии и нравственности [Бердяев, 1924].

Современный исследователь творчества Достоевского Т.А. Касаткина пишет: «Философия и богословие Достоевского – это философия и богословие, изложенные принципиально другим способом, чем мы привыкли видеть в философских и богословских трактатах – Достоевский <...> принадлежит к философии, создающей не трактаты, а художественные тексты инициатического типа, заставляющие читателя переживать откровение и преображение в процессе чтения <...> он [читатель – Е.Ч.] начинает видеть реальность вокруг себя как содержащую в глубине своей божественное присутствие» [Касаткина 2021, с. 173-174].

Для русской и прежде всего религиозной философии характерной чертой является её связь с литературой. Период, в который творил Ф.М. Достоевский, совпадает с периодом становления и развития в русской философии её центральных идей [Валеева, 2017, с. 49]. Идея творчества Достоевского одновременно теологична («Христоцентрична» [Ковалевская, 2025, с. 8]) и антропологична: «человек – это не обезьяна и не ангел святой, но тот образ Божий, который хотя по своей богозданной природе добр, чист, прекрасен, однако в силу грехопадения человека глубоко исказился» [Осипов, 1997]. Неудивительно, что особое место в его творчестве всегда занимает тема борьбы добра и зла. Природа человека у Достоевского, по мнению Бердяева, динамична и при этом антиномична: столкновения полярных ценностей человека происходят как на физическом, так и на душевном уровне [Бердяев, 1924]. Эти столкновения составляют своего рода битву добра и зла, темного и светлого начала, о которой

сам Достоевский сам сказал устами своего героя Дмитрия Карамазова: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»⁹.

Столкновение полярных понятий можно наблюдать в любом произведении Достоевского: «Все герои его произведений мечутся между добром и злом, между пороками и добродетелями, и среди них нет абсолютно положительных персонажей» [Валеева, 2017, с. 51-52]. Л.А. Зандер также указывал на то, что творчестве Достоевского, с одной стороны, всегда можно найти как минимум один положительный или даже святой образ, а, с другой, «образы зла занимают в его творчестве несравненно более значительное место, чем образы добра» [Зандер, 1960].

Как уже говорилось выше, представления о добре и зле разнятся не только от культуры к культуре, но и от эпохи к эпохе. «В произведениях, действие которых разворачивается в России, Достоевский поднимает вечные вопросы и рассматривает их на материале российской жизни <...> Система смысловых доминант русской культуры, безусловно, делает эти романы более сложными для восприятия зарубежным читателем» [Седельникова, Шатохина, 2015, с. 155]. Последние воспринимают творчество автора глазами переводчика и не могут увидеть в переводе то, что осталось незамеченным самим переводчиком.

Т.А. Касаткина и А.Б. Кузнецова подчёркивают, что одной из основных проблем перевода текстов Достоевского на любой другой язык является то, что он «задействует в своем тексте слово не в его ограниченности контекстом, но в полноте его смыслового поля. Причем каждая из областей этого смыслового поля актуализируется в разных связях на разных уровнях, создавая очень глубокий текст очень высокой связности» [Касаткина, Кузнецова, 2020, с. 119]. Поскольку смысловые поля отдельных языковых единиц различаются от языка к языку, в переводе неизбежно приходится терять некоторые смысловые оттенки и семантические связи, и дополнительной задачей переводчика становится свести

---

⁹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990 (далее в работе – ПСС), т. 14, с. 100.

эти потери к минимальному показателю, сохранить все важные смыслы, при этом оставаясь «невидимым» читателю [там же].

Немалую сложность при переводе создают лексические единицы, репрезентирующие абстрактные понятия с широкой и размытой семантикой, которые исследователи творчества различных авторов иногда называют «авторскими концептами». Для того, чтобы создать полноценный, то есть в широком смысле адекватный переводной аналог любого произведения Достоевского, переводчик должен быть также квалифицированным и эрудированным филологом и отчасти даже религиоведом, обладающим не только инструментами тщательного текстового анализа, но и имеющим самые широкие представления о библейских и литургических текстах, существующих как в ИЯ, так и в ПЯ; он должен уметь находить и распознавать в тексте цитаты, даже косвенно относящиеся к библейским сюжетам, а также уметь подбирать их эквивалентны в ПЯ [там же, с. 132].

Как и само творчество автора, понятия добра и зла у Достоевского одновременно теологичны и антропологичны, то есть рассматриваются как категории, определяющие человеческое бытие, пронизанное присутствием Бога. С одной стороны, антропоцентрическая парадигма в лингвистике позволяла¹⁰ и сегодня позволяет утверждать, что мир воспринимаем нами в значительной мере сквозь призму человека. С другой, в творчестве Достоевского исследуется не только социальное: оно «вертикально структурировано и метафизично, и именно метафизика определяет все стороны земной жизни человека. <...> Одновременно в мысли Достоевского отношения человека с Богом и другими людьми всегда формируют треугольник, из которого нельзя вынуть какую-то одну сторону – треугольник немедленно рухнет весь» [Ковалевская, 2024, с. 35], а «христианская

---

¹⁰ Ещё раз подчеркнем, что, несмотря на то что в последнее время учёные говорят, что на смену антропоцентрической парадигме приходят иные парадигмы (космоцентризм [Кочергин А.А., Кочергин А.Н., 2016, с. 526]), постантропоцентризм [Ставцева, 2024]), человеческий язык по-прежнему рассматривается не как абстрактный объект изучения, а как основной инструмент как индивидуальной, так и социальной жизни, являющийся матрицей для формирования отдельной языковой картины мира.

метафизика покоится прежде всего на противостоянии добра и зла» [там же, с. 37]. Уточним, что под метафизикой в данной работе мы будем понимать предположение, что наблюдаемая человеком реальность не является единственной и за ней находится мир иного бытия, иных, вечных сущностей [Введенский, 1990, с. 384]. Метафизика «устанавливает между пластами реальности такую связь, в которой феномены наблюдаемой или представляемой реальности выступают проявлением и обнаружением смыслов другой, глубинной, ноуменальной реальности; последняя не сравнивается с ними, а раскрывается через них» [Мартишина, 2021, с. 320].

Кроме того, исследователи творчества Достоевского неоднократно отмечали так называемую «двусоставность» его художественных образов, под которой понимается «способность героя и самого проходного персонажа или самой злободневной романной ситуации заключать в себе евангельского персонажа или евангельскую сцену» [Касаткина, 2021, с. 175]¹¹. Эта образная многосоставность представляет собой отдельную проблему для переводчика, вынужденного подбирать переводные соответствия многоплановым структурам не только на фразовом, но и на лексическом уровне, учитывая несовпадения в семантической наполненности отдельных языковых единиц ИЯ и ПЯ, а, кроме того, их внешней формы, способной включать в себя разные компоненты содержания, то разделяя, то объединяя их.

Кроме многосоставности художественных образов Достоевского можно также указать на отмечаемый исследователями его творчества интерес к скрытым в его творчестве антитезам: «Он создает не просто героя, но антигероя в «Записках из подполья». Шатов в «Бесах» излагает идеи, похожие на идеи самого писателя, но радикально от них отличающиеся. Даже Кириллову с его откровенно богохульной идеей человекобога Достоевский отдает, как мы увидим далее, вариации собственных мыслей» [Ковалевская, 2025, с. 48]. Из этого вытекает, что

---

¹¹ Иногда исследователи указывают и на трёхсоставность художественных образов Достоевского: «наносное варварство / наносная грязь – человеческий образ – красота этого образа» (Касаткина, 2021, с. 178).

читатель произведений Достоевского постоянно «ставится в очень непростое положение, когда он должен суметь различить не просто противоположные, дисгармоничные голоса, но голоса, которые создают впечатление гармонии с тем, чтобы превратить эту гармонию в искушение для человека и увести его с пути истинного поиска, с пути, ведущего к Богу» [там же]. Одним из ключевых принципов подобного художественного метода является «различие смыслов при схожести формы» [там же, с. 63]. В процитированной выше работе данный метод предлагается назвать мимикрическим: «опровергаемые Достоевским идеи последовательно мимикрируют под те идеи, которые писатель полагает истинными» [там же, с. 8].

Во введении к данной работе мы указывали на многозначность русских лексем *добро* и *зло* и большинства их производных. Именно эта многозначность плохо передаваема при переводе на немецкий язык и практически непередаваема при переводе на английский. Указанные сложности являются таковыми не только для переводчика, но и для оценивающих качество перевода, причем независимо от того, является ли критерием адекватность, эквивалентность или любой другой принятый в переводоведческих исследованиях критерий, поскольку, как отмечалось в главе 1, в основе любой подобной оценки лежит принцип некоторого соответствия между ИТ и ПТ. В этой связи возникает вопрос: чему должен быть эквивалентен или адекватен перевод, то есть чему он должен в том или ином смысле соответствовать? В первом тексте, выбранном нами для исследования, повести «Записки из Мёртвого дома», центральная тема – не сознание преступления, то есть зла, совершённого человеком, а его искупление и те последствия, которые оно имеет прежде всего для человеческой души. Этот текст, казалось бы, в первую очередь иллюстрирует авторское понимание «социального» добра и зла. Однако и в преступлении у Достоевского исследователи находили метафизические мотивы: «Достоевский, действительно, убедительно показывает, что попытка прорваться за пределы повседневности, культурной и правовой нормативности, имеет в основе отрицание в себе человеческого, это прорыв за пределы человеческого» [Днепровская, 2011, с. 48]. Достоевский изучает идею

совершения человеком преступления не как выход за рамки человеческого закона, а как попытку испытать пределы своей человеческой природы и наблюдаемой действительности. Для того, чтобы наблюдать и познавать эти пределы, необходимо исследовать их не только с физической, но и с метафизической точки зрения [там же, с. 49-50].

Вторая выбранная нами повесть, «Записки из подполья», также не позволяет однозначно судить о социальной либо метафизической природе добра и зла ни в субстантивной (*добро, доброта / зло, злость, злоба*), ни в адъективной (*добрый / злой, злобный*) форме. Повесть начинается с самохарактеристики героя: «*Я человек больной. Я злой человек*» (ЗИП, с. 99). Злым «подпольный человек» называет себя на протяжении всего текста: «*Я был злой чиновник*» [там же], «*Я <...> со злости наврал*» [там же, с. 100], при этом чуть ниже он же говорит: «*Я <...> в сущности никогда не мог сделаться злым*» [там же], и в самом конце повести восклицает: «*Мне не дают ... Я не могу быть ... добрым!*» [там же, с. 175]. О каком зле в этих примерах идёт речь? О метафизическом «высшем» зле, о зле в основе человеческого характера, о зле-злобе, которая «*закипела вдруг в моем сердце*» [там же, с. 172]? Слово *зло* в русском языке, как мы уже отмечали ранее, может обозначать как нечто, исходящее извне по отношению к человеку, так и постоянное свойство человеческой природы, а также его временное эмоциональное состояние, репрезентуя уже упоминавшийся здесь «религиозно-философский треугольник “человек – Бог – человек”» [Ковалевская, 2024, с. 39]. «И ненависть к человеку и ненависть к Богу описываются одним и тем же словом “злой”» [там же]. «Таким образом, уже с самого начала задается двойная интерпретация образа подпольного – как на уровне бытовой раздражительности, злости, так и на уровне метафизического зла» [Ковалевская, 2025, с. 94]. И прежде чем подбирать по словарю эквивалент конкретному слову, переводчику сначала нужно определить, в каком именно значении (и в одном ли?) употребил его автор, а это, во-первых, не всегда очевидно, а во-вторых, в русском языке метафизическое и социальное в понятиях *добро* и *зло* связаны в том числе внешней формой соответствующих лексем. И, если в немецком языке можно указать на лексемы, в определённой

степени объединяющие эти смыслы в одной лексической форме, то в английском языке это зачастую невозможно, что будет практически показано, соответственно, в 3 и 4 главах исследования.

2.3. Добро и зло как единицы словаря

2.3.1. Частотность лексем

Первый шаг к поиску переводного соответствия – это, как правило, обращение к двуязычному словарю, но, если нужная лексема является многозначной, а кроме того, относится к классу абстрактных лексем с широкой и размытой семантикой, необходима также работа с толковыми словарями ИЯ.

Если обратиться к дефинициям добра и зла в русских толковых словарях XIX-XX веков, то можно наблюдать следующую картину. В хронологически близком Ф.М. Достоевскому четырёхтомном Словаре церковно-славянского и русского языка, изданного в 1847 году в типографии Императорской академии наук [СЦСРЯ, 1847], *добро* есть 1) все то, что хорошо, благопристойно, честно, полезно, 2) благотворение и 3) движимое имущество [СЦСРЯ, 1847, т. 1, с. 529], а *зло* – 1) вред, лихо, обида, неправда и 2) преступление [СЦСРЯ, 1847, т. 2, с. 87].

В более современном словаре А.П. Евгеньевой зафиксированы следующие толкования существительных: *добро* – 1) всё положительное, хорошее, противоп. зло; 2) хорошее, доброе дело, поступок, приносящий пользу; 3) имущество, вещи: пожитки [Евгеньева, 1985, т. 1, с. 409]; *зло* – 1) всё дурное, плохое, вредное, противоп. добро; 2) беда, несчастье, неприятность; 3) злое чувство, гнев, досада [там же, с. 611-612]. Таким образом, в словаре Евгеньевой зафиксирован третий, эмоциональный «аспект» зла, который отсутствует в СЦСРЯ, хотя примеры такого употребления существительного зло встречаются в исследуемых нами текстах: «...так меня зло взяло, что и с собой совладать не могу...» (ЗиП, с. 102); «... надо же было обиду на ком-нибудь выместить, свое взять, ты подвернулась, я над тобой и вылил зло и насмеялся» (ЗиП, с. 173); «... прошлого года на рождестве майор был не в духе: где-то проигрался, да и в остроге к тому же нашалили, вот он и запретил [театральное представление – Е.Ч.] со зла» (ЗиМД, с. 100). И действительно, в

таким значением лексема зло в русском языке XIX века уже употреблялась, «как видно из данных НКРЯ, где есть, например, пример из водевиля 1833 года: “Уж я тебе говорю, что ты **зол** на него! <...> Право нет; да и за что мне на него злиться, когда я его еще и в глаза не видал?”» [Ковалевская, 2024, с. 38].

В современном русском языке у лексем *добро* и *зло* есть и другое, не отмеченное в словаре СЦСРЯ, значение, связанное с метафизикой, с потусторонним, «надчеловеческим» началом, ср. напр., «силы добра» или «силы зла», и уже в словаре В.И. Даля находим: «В отвлеченном виде зло олицетворяется духом тьмы» [Даль, 1880, т. 1, с. 1704]. Стоит отметить, что в таком значении в двух исследуемых в работе текстах Достоевского только понятие «зло» в форме прилагательного злой встречается один раз, в одном из эпизодов повести ЗиМД, где описывается происходящее в театральной пьесе, в словосочетании «злые духи», которые впоследствии именуется «чертями». Все остальные контексты употреблений лексем *добро* и *зло* связаны исключительно с людьми, их характером («запретил со зла» (ЗиМД)), эмоциями («так меня зло взяло» (ЗиМД)), отношениями («ты в своей семье не видала добра» (ЗиП), «не имел ни на кого зла» (ЗиМД)) и результатами их поступков («Коли не бить бабу – не будет добра» (ЗиМД)), а также, в случае лексемы добро, с материальным аспектом существования («Всякий наблюдал за своим добром» (ЗиМД)).

В исследуемых нами текстах анализируемые лексемы имеют следующую частотность: *добро* встречается 11 раз, *доброта* – 2, *добрый* – 47, *зло* – 8, *злость* – 20, *злоба* – 25, *злой* – 27 и *злойный* – 17 раз, то есть лексемы с корнем *-зл-* встречаются в среднем чаще лексем с корнем *-добр-*, а самыми частотными классами лексем среди тех и других являются прилагательные. Эти лексемы встречаются в большинстве значений, зафиксированных в словаре [Евгеньева, 1985], и чтобы оценить адекватность и эквивалентность перевода контекстов их употребления, необходимо подробно рассмотреть их значения.

Ещё раз подчеркнём, что в нашем исследовании мы не всегда будем опираться при анализе значений на данные словарей, появившихся в эпоху, современную творчеству Ф.М. Достоевского, поскольку охват данных таких

словарей представляется неудовлетворительным для наших целей, а именно, не соответствующим реалиям словоупотребления как в современном русском языке, так и в русском языке эпохи Ф.М. Достоевского, в том числе языковым реалиям его произведений. Так, например, в [СЦСРЯ, 1847] отсутствует словарная статья *злой*, а также отсутствует зафиксированное в текстах Достоевского значение *зло* = *злость*, досада. Последнего значения нет и в словаре В.И. Даля, при этом оно отмечено в более современных словарях, например, в словаре С.Н. Ожегова, впервые вышедшем в середине XX века [Словарь Ожегова онлайн] и в словаре конца XX века под редакцией А.П. Евгеньевой [Евгеньева, 1985]. По этой причине часть толкований, отобранных нами для анализа лексем, была взята из современных словарей языка Достоевского (далее – [СЯД 2001, 2003, 2010] под редакцией Ю.Н. Караулова 2001, 2003 и 2010 годов издания (все они выходили в ИРЯ им. В.В. Виноградова). Указанные словари отличаются друг от друга охватом материала (например, издание 2010 года содержит только лексемы, начинающиеся на буквы Г-З, при этом в нем нет статьи для прилагательного *злой*) и структурой словарных статей. Ввиду вышесказанного при составлении списка значений лексем мы будем опираться на совокупные данные трех изданий СЯД, при необходимости привлекая для анализа и сопоставления сведения из других лексикографических источников конца XIX и второй половины XX века (см. раздел Список словарей и справочных материалов).

2.3.2. Словарные значения и примеры употребления лексем

добро, доброта, добрый, зло, злость, злоба, злой, злобный

Перед тем как перейти к изучению словарных значений лексем, следует указать на принятые в работе обозначения и сокращения:

1) в главах 2-4 данной работы примечания в примерах, заключённые в квадратные скобки с указанием выделенных курсивом инициалов автора (например, [... – *Е. Ч.*], принадлежат автору данного исследования и поясняют информацию, необходимую для понимания, но оставшуюся за пределами цитат или контекстов употребления лексем;

- 2) угловыми скобками с многоточием внутри обозначаются не влияющие на понимание текста фрагменты, опущенные для большей компактности и наглядности текстовых примеров;
- 3) во всех текстовых примерах сохранены орфография и пунктуация цитируемых публикаций;
- 4) в примерах из исследуемых текстов даются только ссылки на том (ЗиМД – [т. 4], ЗиП – [т. 5]) и на страницу оригинального текста; полные выходные данные словарей, русскоязычных текстов и их переводов можно найти в разделе Список источников;
- 5) примеры из оригинальных текстов выделены курсивом; анализируемые с точки зрения эквивалентности и адекватности единицы перевода (ЕП), включающие лексем с корнем *-добр-* и *-зл-*, выделены жирным шрифтом; сами лексем с этими корнями и их переводные варианты (в случае наличия отдельных лексем, а не описательного перевода) в главах 3-4 выделяются подчеркиванием.

2.3.2.1. Существительное *добро*

В СЯД 2010 для существительного *добро* выделены следующие значения [СЯД, 2010, с. 483-485]: 1. положительное нравственное начало (противоп. *зло*); 2. то, что хорошо, полезно, служит благу кого-л. (хорошее дело, поступок, отношение, совет); 3. имущество, пожитки; 4. о чем-л. плохом, наличествующем в большом количестве (иронически): «а у вас уж как этого добра много!»; 5. в значении наречия к значению 2: «добром не кончится». Примеров на значение 4 в СЯД в исследуемых текстах не встретилось, поэтому далее мы будем рассматривать только первые 3 значения, а значение 5 включать в значение 2. Таким образом, далее, в главах 3-4, мы будем рассматривать варианты перевода существительного *добро* в трёх пониманиях: «метафизическое добро» (значение 1; т.е. существительные, применимые к метафизическим понятиям, напр., «силы добра», «добро побеждает зло»), «социальное добро» (значение 2) и «имущественное добро» (значение 3). В качестве примеров можно привести следующие контексты (самое частотное и широкое значение в исследуемых

текстах – значение 2, поэтому для него приводится наибольшее количество разных примеров):

- значение 1

(1) Чем больше я *сознавал о добре и о всем этом «прекрасном и высоком»*, тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней (т. 5, с. 102).

- значение 2

(2) Гм... Оно, конечно, *коли не бить [бабу – Е.Ч.] – не будет добра*, – хладнокровно и методически заметил Черевин... [т. 4, с. 173].

(3) Ты [Лиза], видно, *в своей семье не видала добра*, что так говоришь. [т. 5, с. 157]

(4) ... а что если б его [человека – Е.Ч.] просветить, открыть ему глаза на его настоящие, нормальные интересы, то человек тотчас же перестал бы делать пакости <...>, следственно, так сказать, по необходимости *стал бы делать добро*? [т. 4; с. 102]

(5) Ишь собачье мясо: *добро ему [орлу – Е.Ч.] творишь*, а он всё кусается! [т. 4, с. 194].

- значение 3

(6) На кухне около жарко разгоревшихся печей шла суетня и толкотня, целая давка. *Всякий наблюдал за своим добром*. [т. 4, с. 108]

(7) Дом тут стоял, с краю города, и богатый тут жил один мещанин, *добра пропасть*. [т. 4, с. 163]

2.3.2.2. Существительное *доброта*

Лексема *доброта* является дериватом не непосредственно существительного *добро*, а прилагательного *добрый*. В СЯД лексема отсутствует. В СЦСРЯ 1847 у нее выделяются два значения: 1. ценность, достоинство вещей (*доброта сукна*) и 2. (церк.) красота, статность, взрачность [СЦСРЯ, 1847, т. 1, с. 331]. В словаре Даля зафиксировано значение, связанное с душевной *добротой*: «добродушие, доброжелательство, склонность к добру как качество человека» [Даль, 1880, т. 1,

с. 1102], в нем же у лексемы выделяется значение качества («добрость» [там же]). В исследуемых текстах существительное встретилось в обоих значениях, указанных в словаре Даля (значение 1 – «добродушие» и значение 2 – «добрость», хорошее качество). Метафизического значения у данной лексемы нет, в обоих случаях она описывает социальный (значение 1) и материальный (значение 2) аспекты человеческого существования:

- значение 1

(8) *Замечалась только в ней [в Настасье Ивановне – Е.Ч.], на каждом шагу, **одна бесконечная доброта**, непреодолимое желание угодить, облегчить, сделать для вас непременно что-нибудь приятное.* [т. 4, с. 68]

- значение 2

(9) *Почти всегда поставщик первоначально **испробывает доброту** водки и отпитое бесчеловечно добавляет водой.* [т. 4, с. 36]

2.3.2.3. Прилагательное **добрый**

В СЯД для лексемы *добрый* выделяются следующие значения: 1. расположенный к людям, отзывчивый, исполненный сочувствия к ним, готовности помочь («*добрая женщина*»); 2. исполненный расположения; выражающий сочувствие, отзывчивость («*доброе и умное лицо*»); 3. направленный на благо, добро («*доброе дело*»); 4. хороший, благоприятный, приносящий благо, успех («*добрый знак*»); 5. безупречный, очень хороший, отличный («*добрый внешний пример*»); 6.) дружеский, близкий («*добрый знакомый*»); 7. в пожеланиях, приветствиях («*доброй ночи*»); 8. в обращениях («*добрый мой друг*»); 9. полный, полноценный, настоящий («еще *добрых* дней десять»); 10. в значении сущ. ср.р. «все хорошее» («выходит ни то, ни се, ни *доброе*, ни *злое*»), 11. в зн. сущ. к зн. 1 («я не считаю его ни глупее умных, ни злее *добрых*» [СЯД, 2010, с. 494-499]). У данного прилагательного можно выделить метафизическое значение (ср. *добрые духи*), но ввиду ограничения нашего исследования определённым материалом, в котором не встретилось подобного употребления, мы не будем рассматривать его в работе.

Примеров на значения 4, 7, 8, 9 и 10 в СЯД в исследуемых текстах так же не встретилось, но они находятся в других текстах Ф.М. Достоевского:

7. «**Доброй** ночи тебе, сердце мое ненаглядное, голубь горячий мой, братец родной!»¹²; 9. «... а до жалованья еще **добрых** дней десять»¹³; 10. «... упорно считать его лучше, чем он в самом деле, сгоряча **преувеличивать** в нем всё **доброе**»¹⁴. Поскольку наше исследование ограничено материалом конкретных текстов, приведём примеры лишь встретившихся употреблений прилагательного *добрый* в соответствии со значениями в СЯД:

- значение 1 (расположенный к людям, отзывчивый)

(10) Часто говорил я с ними редко встречал **такое доброе, благодущное существо** в моей жизни. [т. 4, с. 33]

(11) Говорят, **от работы человек добрым и честным** делается. [т. 5, с. 123]

- значение 2 (исполненный расположения; выражающий отзывчивость)

(12) Нельзя было не заметить его **доброе, симпатизирующее лица** среди злых, угрюмых и насмешливых лиц остальных каторжных. [т. 4, с. 51]

(13) <...> бесконечная доброта, непреодолимое желание угодить, облегчить, сделать для вас непременно что-нибудь приятное. Всё это так и виднелось в **ее тихих, добрых взглядах**. [т. 4, с. 68]

- значение 3 (направленный на благо)

(14) Повторяю: арестанты не нахвалились своими лекарями, считали их за отцов, уважали их. Всякий видел от них себе ласку, слышал **доброе слово**... [т. 4, с. 137]

- значение 5 (безупречный, очень хороший)

(15) Только в пьяном виде ведь и можно сюда попасть. А будь ты в другом месте, **живи, как добрые люди живут**, так я, может быть, не то что волочился б за тобой, а просто влюбился б в тебя, рад бы взгляду был твоему, не то что слову... [т. 5, с. 159]

- значение 6 (дружеский, близкий)

¹² Достоевский Ф.М. ПСС, т. 1, с. 302.

¹³ Достоевский Ф.М. ПСС, т. 1, с. 61.

¹⁴ Достоевский Ф.М. ПСС, т. 3, с. 270.

(16) Действительно, глупо, мы собрались в дружеской компании, чтоб **проводить в вояж доброго приятеля**, а вы считаетесь, – заговорил Трудюлюбов, грубо обращаясь ко мне одному. [Т. 5, с. 144]

- значение 11 (в зн. сущ. к зн. 1)

(17) ... все остальные, то есть молчаливые, **резко разделялись на добрых и злых, на угрюмых и светлых**. <...> **Добрые** – очень маленькая кучка – были тихи, молчаливо таили про себя свои упования и, разумеется, более мрачных склонны были к надежде и вере в них. [Т. 4, с. 196]

2.3.2.4. Существительные зло, злость и злоба

У существительного *зло* в СЯД выделяются следующие значения: 1. отрицательное нравственное начало, противоп. *добро*; 2. то, что плохо, вредно для кого-л., чего-л.; дурное, недоброе дело, плохие поступки; совокупность неблагоприятных качеств, обстоятельств; несчастье; 3. *злость*, досада [СЯД, 2010, с. 981-983]. Эти значения, как и в случае с существительным *добро*, мы будем объединять в следующие категории: «метафизическое зло» (значение 1; т.е. существительные, применимые к метафизическим понятиям, напр., «силы зла») и «социальное зло» (значения 2 и 3).

Близкими к последнему значению можно считать существительные *злоба* и *злость*, которые оба относятся к социальному пониманию *зла*. В СЯД лексеме *злоба* дается следующее толкование: «Чувство гневного раздражения, враждебности по отношению к кому-чему-л.» [СЯД, 2010, с. 988]. Отдельная словарная статья для лексемы *злость* отсутствует в СЯД, но лексема упоминается в толковании существительного *злоба* как ее синоним [СЯД, 2003, с. 340]. В качестве примеров употребления данных существительных можно привести следующие контексты:

зло

- значение 1 (отрицательное нравственное начало)

(18) ... может быть, лет десять, восемь назад, эта же самая, с соленой-то рыбой, – приехала сюда откуда-нибудь свеженькая, как херувимчик, невинная, чистенькая; **зла** не знала, на каждом слове краснела. [т. 5, с. 161]

- значение 2 (то, что плохо, вредное, дурное)

(19) Гадкое, низкое желаньице **воздать обидчику тем же злом**, может, еще и гаже скребется в ней [в мыши, с которой ассоциирует себя «подпольный человек» - Е. Ч.]. [т. 5, с. 104]

- значение 3.1 (постоянная сущностная характеристика человека)

(20) К тому же не позволю представления, так, пожалуй <...> нарочно что-нибудь **напакостят со зла** и караульных подведут. [т. 4, с. 119]

- значение 3.2 (временная эмоция)

(21) Как узнал я, что в воскресенье они [семья Луизы – Е. Ч.], может быть, всё дело решат, **так меня зло** взяло, что и с собой совладать не могу. [т. 4, с. 102]

злоба

- значение 3.1 (постоянная сущностная характеристика человека)

(22) ...некоторые посторонние, но официозные люди, **по злобе или по ревности к службе, готовы были тайком донести** куда следует, что такого-то, дескать, разряда преступникам такие-то неблагонамеренные командиры дают поблажку... [т. 4, с. 212-213]

- значение 3.2 (временная эмоция)

(23) Повторяю опять, эта зависть, **посещавшая меня в минуты злобы**, имела свое законное основание. [т. 4, с. 197]

(24) **Страшная злоба против нее закипела вдруг в моем сердце**; так бы и убил ее, кажется. [т. 5, с. 172]

злость

- значение 3.1 (постоянная сущностная характеристика человека)

(25) А ведь я справедливости тут не вижу, добродетели тоже никакой не нахожу, а следственно, если стану мстить, то разве только из **злости**. [т. 5, с. 108]

- значение 3.2 (временная эмоция)

(26) Я было сконфузился, да злость уж меня сильно взяла. [т. 5, с. 102]

2.3.2.5. Прилагательные *злой* и *злобный*

Прилагательное *злой* связано и с существительным *зло*, и с существительными *злость* и *злоба*. Хотя более тесно в словообразовательном смысле со *зlobой* соотносится прилагательное *зlobный*, о котором речь так же пойдет ниже. От слова *злость* образуется также прилагательное *злостный* (например, *злостный курильщик* (заядлый, не знающий меры)), но в нашей работе это значение и, следовательно, прилагательное *злостный*, не рассматривается, так как примеров его употребления найдено не было.

Прилагательное *злой* отсутствует как отдельная единица в СЯД, а также в словаре СЦСРЯ, при этом в СЦСРЯ есть статья для прилагательного *зlobный*: «исполненный злобы, дышащий злобой» [СЦСРЯ, 1847, т. 2, с. 87]. В словаре Даля лексема *зlobный* толкуется так же («исполненный злобы [Даль, 1840, т. 1, с. 1705]), а лексема *злой* входит в словарную статью *зло* и имеет следующее толкование: «желающий, причиняющий зло другим, вредный, пагубный» (внутри данного определения толкования разделяются по отношению к человеку («у кого душа обратилась ко злу, противник всякого блага, добра, порочный, нечестивый») и по отношению к животному («лютый, опасный» [там же]). Отдельно отмечено, что прилагательное может также означать «высшую степень подразумеваемого свойства», а также имеет значение «старательный, ретивый («злой работник» [там же]). Также отдельно выделяется наречие *зло* со значением «со злостью, злобно» [там же]. Таким образом, в современном творчестве Достоевского словаре В.И. Даля зафиксированы 4 значения прилагательного *злой*: 1. вредный, недобрый (о человеке), 2. опасный [о животном, которое не может быть добрым или недобрым в человеческом понимании характеристики], 3. полный *злобы*, 4. крайне старательный («ретивый») [там же].

Встретившиеся нам в исследуемых текстах примеры позволяют сделать вывод, что контекстные употребления прилагательного *злой* не покрываются

четырьмя указанными значениями, поэтому мы снова обратимся к современным словарям, например, к словарю Евгеньевой, где выделяются уже 8 значений: 1. исполненный чувства недоброжелательства, враждебный, полный злобы, злости («злой человек»), а также выражающий злобу, злость («злые глаза»); 2. вызванный, проникнутый чувством злобы, недоброжелательством («злой умысел, злое чувство»); 3. свирепый, лютый (о животных: «злая порода»); 4. заключающий в себе зло («злое начало, злые поступки»); 5. приносящий беду, неприятности («злое время»); 6. причиняющий боль, вред, жестокий («злой недуг, злая тоска, злой язык»); 7. очень сильный по степени проявления («злой мороз»); 8. усердный, старательный ретивый («злой рыбак» [Евгеньева, 1985, с. 612]). Прилагательное *злбный* в словаре Евгеньевой является синонимом *злой* в первом значении: «исполненный злобы, вражды» и «выражающий, обнаруживающий злобу» [там же].

Таким образом, в словаре В.И. Даля не зафиксированы значения 2, 4, 5, 6, 7 из словаря Евгеньевой. В исследуемых текстах встретились примеры на значения 1, 2, 3, 4, 6. Примеры на значения 5, 7 и 8, тем не менее, находятся в других текстах Ф.М. Достоевского или в корпусе НКРЯ в текстах второй половины XIX века: 5. «*Прошло лето, прошла осень. Прошла теплая весна. Наступило злое время*». [Н. С. Лесков. Некуда (1864)]; «...все **причины злые** от вас самих спервоначалу произошли-с...»¹⁵; 7. «...по широким степям великороссийских губерний летала такая **злая зима**, какой никто из старожиллов ни разу не видал в своей жизни». [А. И. Левитов. Моя фамилия (1863)]; 8. «*Дядя, как он сам говорил, был **злой рыбак***». [Ф. М. Решетников. Между людьми (1864)]. Приведём контексты употребления прилагательных *злой* и *злбный* в соответствии со словарём Евгеньевой:

- значение 1 (недоброжелательный, враждебный, выражающий злость)

(27) *Сам по себе он только был беспорядочный и **злой человек**, больше ничего.* [т. 4, с. 28]

(28) *Я был **злой чиновник**. Я был груб и находил в этом удовольствие.* [т. 5, с. 99]

¹⁵ Достоевский Ф.М. ПСС, т. 3, с. 54.

(29) *Лицо у него было багровое, злое.* [т. 4, с. 28]

- значение 2 (вызванный злобой)

(30) ... я бы должен был догадаться. Но я не догадался, и злое чувство обхватило меня. [т. 5, с. 159]

(31) Товарищи встретили меня злыми и безжалостными насмешками. [т. 5, с. 139]

- значение 3 (свирепый, лютый)

(32) Багровое, угреватое и злое лицо его произвело на нас чрезвычайно тоскливое впечатление: точно злой паук выбежал на бедную муху, попавшую в его паутину. [т. 4, с. 214]

- значение 4 (закрывающий в себе зло)

(33) ... как ни желалось мне, я ничего не мог узнать о нем предварительно, кроме того, что на сцене появляются злые духи и уносят Кедрила в ад. [т. 4, с. 119]

- значение 6 (причиняющий боль, вред)¹⁶

(34) ... и чем дальше к лету, тем злее и злее они [блохи – Е.Ч.] становятся... [т. 4, с. 182].

Приведённые примеры употребления можно, как и в случае с существительными *добро* и *зло*, разделить на группы, схожие с группами существительных: *злой* = связанный с «метафизическим» *злом* и *злой* = связанный с «социальным» *злом*, то есть с результатом человеческой деятельности. Как будет показано в следующих двух главах, в английском и немецком языках существуют лексемы, тяготеющие к реализации разных пониманий, но, во-первых, для того, чтобы сделать между ними выбор, переводчику сначала необходимо понять, о каком именно *зле* идёт речь в оригинальном тексте, а, во-вторых, – что особенно важно для перевода произведений Достоевского – нужно ли эти значения

¹⁶ Данный пример может быть отнесён и к значению 3, особенно, если учесть перевод Э.И. Губера трагедии И.В. Гёте «Фауст», где строки «Der Herr der Ratten und der Mäuse, // Der Fliegen, Frösche, Wanzen, Läuse...» (см., напр., электронный ресурс [Гутенберг, 2024]) переводятся как «Владыка крыс и царь мышей, // клопов, лягушек, блох и вшей» (см., напр., [Губер, 1859, с. 79]). То есть блохи в русском переводе причисляются к спутникам дьявола наряду с крысами, мышами, мухами, лягушками, клопами и вшами в оригинале.

разделять, либо нужно выбрать (при наличии такового в ПЯ) максимально объёмное по значению прилагательное¹⁷. Если переводчик подходит к тексту с позиции буквализма и пытается сделать выбор, или если средства ПЯ не позволяют не делать такой выбор, то существует несколько стратегий. Иногда к выбору подталкивает контекст: «Сам по себе он только был **беспорядочный и злой** человек» ([т. 4, с. 28]; злой по характеру); «А что [Газин – Е.Ч.], крепко пьян? – Куды! **Злой, пристаёт**» ([т. 4, с. 28]; злой эмоционально), «**на сцене появляются злые духи** и уносят Кедрила в ад» ([т. 4, с. 119]; злой метафизически). Тем не менее, встречаются контексты употребления, в которых сложно определить заложенное в него автором понимание зла: «Я человек больной... **Я злой человек. Непривлекательный я человек**» [т. 5, с. 99]; «**Это я наврал про себя давеча, что я был злой чиновник. Со злости наврал**» [т. 5, с. 100]. Более того, в русском языке за счёт сходной формы слов (в данном случае однокоренных слов с корнями -добр- и -зл-) различные – метафизические и социальные – понимания добра и зла всегда связаны, и иногда не только невозможно, но и бессмысленно пытаться их разделить¹⁸. В этом случае переводчику приходится прибегать к собственной интуиции, и результаты понимания переводчика отражаются в его работе, влияя на эквивалентность и адекватность перевода. Кроме того, лексические средства ПЯ иногда не позволяют сделать это вовсе, делая переводческий выбор либо недостаточно эквивалентным, либо недостаточно адекватным.

2.3.2.6. Лексические единицы с корнями -добр- и -зл- и трудности перевода

Несмотря на то, что значения и подзначения исследуемых нами лексических единиц выделены и в толковых, и в переводных словарях, и в словарях авторского идиолекта, в реальном речевом употреблении однозначно установить, какое именно подзначение имелось в виду автором – даже если речь не идёт о произведениях Достоевского – в том или ином контексте бывает непросто.

¹⁷ О многосоставности образов Достоевского см. раздел 2.2.

¹⁸ Подробнее об этом см. раздел 2.3.2.6.

Зачастую подзначения могут быть установлены благодаря контексту, так, в примере «*Дом тут стоял, с краю города, и богатый тут жил один мещанин, добра пропасть*» [т. 4, с. 163] кажется очевидным, что речь идёт об имущественном понимании *добра*, а в примере «... *я признавал о добре и о всем этом «прекрасном и высоком»*» [т. 5, с. 102] – о его абстрактном, «метафизическом» понимании. В примере «*Как узнал я <...>, так меня зло взяло, что и с собой совладать не могу*» [т. 4, с. 102], по-видимому, подразумевается *зло* как временная эмоция, а в примере «*низкое желаньице воздать обидчику тем же злом*» [т. 5, с. 104] *зло* – это результат человеческого действия.

Другой пример сложности ориентации на контекст: прилагательное *злой* в значении «свирепый, лютый» (см. раздел 2.3.2.6). В этом смысле прилагательное, согласно словарям русского языка, чаще всего употребляется по отношению к животным: «... *злое лицо его произвело на нас чрезвычайно тоскливое впечатление: точно злой паук выбежал на бедную муху, попавшуюся в его паутину*» [т. 4, с. 214]. В этом контексте паук действительно представляется свирепым насекомым, безжалостно терзающим несчастную добычу. При этом в примере «... *я тебе никогда не прощу того, что ты застала меня в этом халатишке, когда я бросался, как злая собачонка, на Аполлона*» [т. 5, с. 174] странно выглядит связь между понятием «свирепый» и уменьшительной формой «собачонка». Тогда в каком подзначении употреблено прилагательное *злой* в последнем примере – «злой по характеру», «злой = раздосадованный»?

Есть и другие отрезки текста, в которых определить, в каком именно смысле употребляется та или иная абстрактная лексема или её дериват, возможно только условно, опираясь на интуицию читателя (в том числе переводчика, для которого понимание осложняется также тем фактом, что он чаще всего работает с языком, не являющимся для него родным, а значит, вероятность совершить интуитивную ошибку для него ещё больше). Так, герой повести ЗиП говорит о себе в самом начале: «*Я злой человек*» [т. 5, с. 99]. Что именно он имеет в виду? Метафизическое зло, окружающее человека, злобу характера, минутную досаду? При рассмотрении этого вопроса в отношении главного героя именно этой повести, подпольного

человека, ответить на этот вопрос невозможно: для него «личность, которая должна бы быть инструментом достижения истинной свободы, свободы от греха, оборачивается стремлением узурпировать свободу Бога и место Бога в мире. Однако подпольный – не просто мелкий чиновник, стремящийся к высотам демонизма. Подпольный – сам черт, и он почти естественно стремится занять место Бога в мире» [Ковалевская (Бузина), 2011, с. 23]. При этом в процитированной статье отмечается также то, что «подпольный человек живет в мире, который отрицает Бога и, как следствие, отрицает дьявола. Подпольный человек понимает, что в отсутствии Бога дьявол уходит в небытие; теперь его первостепенная цель – обрести сущность, то есть парадоксальным образом утвердить то, что он пытался ниспровергнуть: Бога и добро, которое и есть та сущность, которой у него нет и в которой он отчаянно нуждается, чтобы продолжать существовать» [там же, с. 24].

Учитывая вышесказанное, перед переводчиком Достоевского стоит сложная, а иногда неразрешимая задача: ему необходимо определить, при помощи каких лексических средств ПЯ возможно выполнить перевод настолько «многослойного» текста, и возможно ли это вообще, так как необходимого лексического соответствия в ПЯ может не быть. Если переводчик обращается в процессе работы только к видимой ему стороне произведения, как смысловой, так и формальной, то результат перевода будет отражать лишь его понимание контекста. Как будет показано в следующих главах, разные переводчики по-разному подходят к решению данной задачи – разделения и в то же время объединения разных значений в одной форме. Кто-то выбирает переводной вариант, соответствующий его пониманию контекста, не придавая значения различению метафизического и социального в ИТ (при этом читатели, для которых ПЯ родной, могут не согласиться с его выбором, посчитав такой перевод неэквивалентным или неадекватным), кто-то полностью изменяет оригинальную конструкцию, пренебрегая эквивалентностью в пользу адекватности, которая опять-таки оценивается разными воспринимающими текст читателями по-разному, кто-то и вовсе опускает сложные, неоднозначные места в ИТ, кто-то переводит одну многозначную лексическую единицу несколькими единицами ПЯ, чтобы охватить

не одно, а большее количество возможных её подзначений в ИЯ¹⁹. Всё это влияет на степень эквивалентности и адекватности и их соотношение в ПТ, определяя качество перевода и характеризуя мастерство переводчика. Также следует отметить, что лексема *зло* и её производные вообще представляют собой большую проблему как для понимания носителями языка, так и для переводчика, чем единица *добро* и её дериваты.

2.4. Обзор истории переводов прозы Ф.М. Достоевского на английский и немецкий языки

Прежде чем перейти к исследованию способов перевода текстовых фрагментов, содержащих указанные лексемы, мы предпримем небольшой обзор истории переводов творчества Ф.М. Достоевского на английский и немецкий языки. Творческое наследие Достоевского в переводах давно привлекает внимание многих исследователей [Reinholdt, 1886; Берков, Бушмин, Жирмунский, 1966; Дудкин, Азадовский, 1973; Реизов, 1978; Cadot, 2001; Криницын 2007] и мн. др.). Для каждого его крупного произведения существует не менее шести переводов как на английский, так и на немецкий языки. Одним из самых «громких» имён среди английских переводчиков является имя Констанс Гарнетт, известны так же переводы Евы Мартин, Ричарда Певира и Ларисы Волохонской, Ч. Дж. Хогарта, Дэвида Макдаффа, Дэвида Мэгаршэка и многих других. Среди немецких переводчиков необходимо упомянуть в первую очередь имена Элизабет Кэррик, Германа Рёля, Светланы Гайер (известной не только своими переводами, но и отдельными исследованиями творчества Достоевского [Филиппова, 2020, с. 37; Смоленская, 2014, с. 336-345]).

При этом при жизни Ф.М. Достоевский был мало знаком европейскому читателю. Хотя уже в сентябре 1846 года на немецком языке был опубликован дневник Вареньки Добросёловой из романа «Бедные люди» в переводе В. Вольфзона, к тому времени уже известного в Германии переводчика русской

---

¹⁹ Таким приёмом пользовался в своих собственных переводах и сам Достоевский (см. раздел 3.2.3.3.1).

литературы, настоящее его открытие для Европы произошло только после смерти автора. За последовавшие за его кончиной 20 лет было осуществлено 146 переводов на 19 европейских языков, и немецкий язык лидирует в их списке [Фокин, 2021, с. 64-65]. Германия сыграла огромную роль в популяризации творчества Достоевского в Европе: «масштабное знакомство иностранного читателя с его произведениями стало возможно благодаря многочисленным переводам и выпуску собраний сочинений писателя на немецком языке [Головачева, Седельникова, 2022 (a), с. 121-122]»

Первый немецкий перевод «Записок из Мёртвого дома» (русский текст написан в 1860-62 годах) был опубликован в Лейпциге в 1864 году (переводчик – В. Вольфзон; всего существует 13 переводов повести). Первый перевод «Записок из подполья» (русский текст создан в 1864 г.) – в 1895 г (переводчик Алексис Марков; повесть вышла под названием «Из самого темного угла большого города» («Aus dem dunkelsten Winkel der Grosstadt» [там же]). Для настоящего исследования были выбраны переводы Э. Керрик, А. Элиасберга, Г. Рёля и С. Гайер.

Элизабет (Лесс) Керрик (1886-1966) родилась в Прибалтике. Именно она под псевдонимом Э.К. Разин перевела большинство произведений Достоевского, изданные в рамках крупнейшего немецкого издательского проекта «Пипер» (Piper). В 1960 году за свой счёт издала перевод полного собрания сочинений Достоевского, за что получила премию от Немецкой Академии словесности и поэзии.

Во второй половине XX века появляются новые крупные проекты, издававшие новые переводы Достоевского на немецкий язык, в том числе в Австрии и Швейцарии. «Заинтересованность печатных домов в повышении уровня репрезентации Достоевского в Германии способствовала тому, что издатели обращались к услугам опытных и получивших признание переводчиков (Элиасберг, Хоффманн, Гайер)» [Головачева, Седельникова, 2022 (b), с.166-167].

Александр Самойлович Элиасберг (1878-1924) – писатель, переводчик, редактор. Родился в Минске, с 1906 г. жил в Германии (Мюнхен), переводил

русскую поэзию и прозу на немецкий язык. Элиасбергу, как утверждали исследователи и критики, принадлежал перевод немецкого заглавия романа Достоевского «Бесы» – «Böse Geister», при том что сам перевод принадлежал другому автору, С. Гайер [Хансен-Кокоруш, 2013, с. 27].

Светлана Гайер, урожд. С.М. Иванова (1923-2010) – переводчик с русского на немецкий. Родилась в Киеве, закончила там же факультет западно-европейских языков, впоследствии переехала жить в Германию. Переводила также Толстого, Булгакова и Солженицына. Некоторые исследователи утверждают, что при работе Гайер уделяла внимание не только письменному образу текста, но и его звучанию, читая вслух свои переводы, чтобы определить, насколько близка их акустическая реализация к оригиналу [Хансен-Кокоруш, 2013, с. 22].

Герман Рёль (1870-1945) родился в Виттстоке, работал учителем, а затем директором гимназии, защитил диссертацию в Берлинском университете. Кроме Достоевского, переводил произведения других русских писателей, в т.ч. Л.Н. Толстого. Г. Рёль – единственный из авторов отобранных переводов, не имеющий русских корней и не являющийся носителем русского языка.

В отличие от рассматриваемых нами немецких переводов, для многих авторов которых русский язык был родным, исследуемые английские переводы выполнялись исключительно носителями английского языка изучавшим русский как иностранный, что накладывает свой отпечаток на восприятие переводчиками оригинального текста и на отражение лингвокультурных различий в концептуальных представлениях.

Первые английские переводы Достоевского выходили в Великобритании уже в последние два десятилетия XIX века, в это же время начали появляться и первые англоязычные исследования его творчества, а уже к 1920 году стараниями таких переводчиков, как К. Гарнетт, М. фон Тило, Ф. Уишоу, Ч. Дж. Хогарт были переведены практически все его произведения [Ковалевская (Бузина), 2007, с. 317–318]. Изучение творчества Достоевского стало одним из центральных векторов в славистике [Седелникова, Шатохина, 2015, с. 154].

В 1881 году (в год смерти писателя) вышел первый английский перевод повести «Записки из Мёртвого дома» (под названием *Buried Alive: or Ten Years Life of Penal Servitude in Russia* – «Заживо погребённые или 10 лет каторги в России»). До конца столетия на английском языке была опубликована большая часть романов и повестей Достоевского, одним из нескольких исключений стала повесть «Записки из подполья», перевод которой увидел свет только в 1913 году [Маркова, 2021, с. 480].

Для исследования мы выбрали переводы Х.С. Эдвардса, К. Гарнетт, Ч. Дж. Хогарта и Б. Якима.

Про переводчика Х.С. Эдвардса практически нет никакой информации. Его перевод «Записок из Мертвого дома» был сделан в 1894 году, однако первое печатное издание увидело свет только в 1911 году.

Констанс (или Констанция) Гарнетт (также Гарнет, 1861-1946) – переводчица русской литературы (переводила произведения Пушкина, Достоевского, Толстого, Чехова, Тургенева и других русских писателей). Изучала русский язык сначала в колледже в Кембридже, а затем учила его у русского политического эмигранта Ф. Волховского²⁰. Гарнетт часто называют одной из основоположниц англоязычной традиции перевода [Седельникова, Шатохина, 2015, с. 157]. Именно благодаря ей – переведенные ею произведения классиков русской литературы составляют 71 том – англоязычные (британские, а позднее американские) читатели смогли близко познакомиться со многими русскими литературными произведениями XIX века [там же].

При этом переводы Гарнетт часто критиковали за то, что, как сказал однажды И. Бродский, «причина, по которой англоязычные читатели едва способны отличить Толстого от Достоевского в том, что они читают не прозу первого или второго. Они читают Констанцию Гарнетт» (цит. по [Седельникова, Шатохина, 2015, с. 154]). Однако для нашего исследования это скорее положительная черта.

---

²⁰ Ф.В. Волховский в 1871 году был судим, но оправдан по т. н. «Нечаевскому делу» (совершенное в 1869 году революционным кружком «Народная расправа» убийство студента). Это преступление вдохновило Ф.М. Достоевского на создание романа «Бесы».

Во-первых, мы имеем возможность сравнить восприятие *добра* и *зла* представителями разных лингвокультур изолированно от влияния родного языка на язык перевода, которое может наблюдаться в работах некоторых немецкоязычных переводчиков, знавших русский язык с раннего детства²¹. Во-вторых, в случае переводов Гарнетт, – мы можем изучить индивидуальное восприятие исследуемых понятий переводчиком, чей собственный, обусловленный другой лингвокультурой, стиль сильно влияет на перевод.

Борис Яким (так же Б. Джейким или Б. Хаким) известен как американский переводчик богословско-философской литературы. Из-под его пера на английском языке выходили переводы С.Л. Франка, П. Флоренского, В. Соловьева, С. Булгакова. В начале XXI века он обратился к произведениям Ф.М. Достоевского, что неудивительно, учитывая его переводческие интересы.

Чарльз Джеймс Хогарт (1869-1945) также занимался в основном переводами русской художественной литературы (романы Толстого, Тургенева, Гончарова, Достоевского и др.). «Он по каким-то причинам не стал переводить его [Ф.М. Достоевского – *Е. Ч.*] крупные романы, а предпочел обратиться к творческому дебюту Достоевского – эпистолярному роману “Бедные люди”, а также к “Игроку”, перевод которого он представил в 1917 г.» [Седельникова, Шатохина, 2015, с. 157]. В его переводе вышла и повесть Достоевского «Записки из подполья».

Для нашего исследования, лексикографической базой для которого по причинам, указанным в 3.3.1, являются словари XX и отчасти начала XXI веков, мы отобрали переводы, максимально широко распределённые по указанному временному периоду.

1. Немецкие переводы:

Е.К. Rahsin. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus (1908).

Е.К. Rahsin. Aufzeichnungen aus dem Untergrund (1922).

А. Eliasberg. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus (1923).

Н. Röhl. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus (1965)

---

²¹ Следует отметить, в что в нашем исследовании мы не рассматриваем специально степень влияния ИЯ на результат перевода в тех случаях, когда ИЯ является для переводчика родным.

S. Geier. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch (1986)

H. Röhl. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch. H. Röhl (2008)

2. Английские переводы:

H.S. Edwards. The House of the Dead, or: Prison Life in Siberia (1894)²².

C.J. Hogart. Letters from the Underworld by Fyodor Dostoyevsky (1913).

C. Garnett. The House of the Dead and Poor Folk (1915).

C. Garnett. Notes from the Underground (1918).

B. Jakim. Notes from Underground (2009).

B. Jakim. Notes from the Dead House (2013).

Практическая часть нашего исследования (Главы 3-4) посвящена оценке эквивалентности и адекватности перевода текстовых фрагментов (в данной работе – единиц перевода), содержащих определённые лексемы с корнем *-добр-* и *-зл-*, поэтому прежде чем обратиться к текстовому материалу, ещё раз уточним, какой перевод мы будем считать эквивалентным, а какой – адекватным. В дальнейшем мы будем опираться на труды В.Н. Комиссарова (эквивалентность) и Ю.В. Ванникова (адекватность). Комиссаров определял эквивалентность как максимально возможную лингвистическую близость ПТ к ИТ [Комиссаров, 1980, с. 152-153] и рассматривал лексико-синтаксическое соотношение единиц оригинала в отдельных его отрезках (т.н. единиц перевода; в нашей работе это ближайшее контекстное окружение исследуемых лексем, выделяемое в примерах жирным шрифтом и содержащее исследуемые лексемы, выделенные подчёркиванием) и соответствующих единиц в тексте перевода. Таким образом, мы будем рассматривать пятый уровень эквивалентности по Комиссарову, а именно, уровень словесных знаков. Под адекватностью мы будем понимать семантико-стилистическую и функциональную (также называемую прагматической или функционально-прагматической) адекватность, которая устанавливается на основе

---

²² Английский перевод Эдвардса был создан ещё в 1894 году, однако был издан (и отредактирован) только в 1911 году, поэтому мы так же относим его к переводам начала XX века.

оценки тождества, возникающего между ИТ и ПТ с точки зрения соответствия «коммуникативной интенции отправителя сообщения, реализованной в тексте оригинала» [Ванников, 1988, с. 34-37], поскольку именно его теория переводческой адекватности представляется нам максимально детальной.

В первых разделах глав 3-4 мы приведём списки и толкования немецких и английских лексем, являющихся основными словарными и реально зафиксированными в исследуемых переводах соответствиями указанным лексемам, на основании чего можно сделать предположительный вывод о том, какое именно подзначение приписывается той или иной немецкой или английской лексеме в переводных и толковых словарях, а затем провести попытку оценки эквивалентности и адекватности переводов.

Выводы по главе 2

Практически в любой культуре существуют представления о добре и зле, о том, «что такое хорошо» и «что такое плохо». Но представления эти различаются не только внутри отдельных лингвокультур, но и меняются от одной эпохи к другой. Вероятно поэтому противостояние двух этих понятий составляет сюжетную линию огромного количества художественных произведений на протяжении многих веков во всём мире. Творчество Ф.М. Достоевского – не исключение. В его произведениях и добро и зло противостоят, с одной стороны, в человеке, а с другой стороны, – над человеком. Его произведения, как отмечали некоторые исследователи, «метафизичны»: человек в них немислим без идеи Бога, таким образом, добро и зло являются для Достоевского не только социальными, но и метафизическими понятиями.

Толковые словари эпохи Ф.М. Достоевского (например, [СЦСРЯ, 1847] и [Даль 1880]) не могут служить полноценным лексикографическим справочным материалом для исследования как авторского идиолекта, так и переводов его творчества. Многие лексемы, представляющие интерес для исследования, в этих словарях отсутствуют, у лексем, наличествующих в них, зачастую не зафиксированы значения, встречающиеся в текстах писателя. По этой причине для

лексикографического и семантического анализа необходимо последовательное обращение к данным различных толковых словарей, лингвистических корпусов и словарей авторского идиолекта, при этом лексикографическая база последних на данный момент является неполной. Особую сложность для исследования представляют собой абстрактные лексемы, в том числе, лексемы с корнем *-добр-* и *-зл-*, так как эти корни в русском языке покрывают крайне обширный спектр значений.

Русскоязычные лексемы *добро* и *зло*, как и большинство их производных, охватывают широкую сферу понятий, будучи направлены как от высших сил (для Достоевского – от Бога и дьявола) к человеку, так и от одного человека к другому (или к другим). Прежде чем перевести подобные лексемы или содержащие их фрагменты текстов на какой-либо другой язык, переводчику необходимо разобраться с тем, какой смысл закладывался автором оригинального текста в то или иное словоупотребление. Иногда это очевидно, иногда переводчик сам ответственен за своё понимание авторского замысла. Сохранение внешней формы ИТ в переводе и последовательное обращение к словарной информации повышает эквивалентность перевода. Правильность понимания и максимально объёмная в смысловом аспекте передача значений отдельных лексем определяет его адекватность. При этом для произведений Достоевского определение объема актуализованных в (анти)аксиологемах смыслов через их разграничение – зачастую бесперспективная задача: за всеми его художественными образами стоит метафизическое, что отмечали многие исследователи его творчества. В следующих двух главах мы рассмотрим возможность достижения исследуемых критериев в переводах его художественных текстов на немецкий и английский языки.

ГЛАВА 3. ДОБРО И ЗЛО В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ ПРОЗЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

3.1. Лексические единицы с корнем *-добр-*

3.1.1. Лексемы *добро, доброта, добрый* в немецко-русском словаре

В словаре [РНС] приводятся следующие немецкие соответствия исследуемым в работе лексемами с корнем *-добр-*:

добро – 1. (благо) *die Güte*; я тебе *добра* желаю – *ich wünsche dir Gutes*; *добро* и зло – *Gut und Böse*. 2. разг. (имущество) *Gut*; всё *добро* – *das ganze Hab und Gut*; *Habseligkeiten* pl (пожитки). 3. (*доброе* дело) *die Wohltat*; творить *добро* – *Gutes tun*; это не к *добру* – *das hat nichts Gutes zu bedeuten*; дать *добро* – *seinen Segen geben*;
доброта – *die Güte, die Herzensgüte*;
добрый – *gut, gutherzig*; будьте *добры!* – *seien Sie so gut!*; всего *доброго!* – *alles Gute!*; *добрый* день! – *guten Tag!* [РНС, с. 112].

Таким образом, согласно словарным данным, в большинстве случаев в качестве соответствия русским лексемам *добро, доброта* и *добрый* в немецком языке употребляются лексемы с корнем *-gut-*, как в метафизическом, так и в социальном значениях. Добро в имущественном понимании так же может быть связано с лексемой с корнем *-gut-*, но наряду с ней употребляются существительные со значением «вещи», «пожитки».

3.1.2. Соответствия русским лексемам *добро, доброта* и *добрый* в толковом немецком словаре

Прежде чем перейти к анализу текстовых примеров, приведём список встретившихся нам в переводах немецких лексем (в алфавитном порядке), соответствующих исследуемым в работе русским лексемам, и рассмотрим их значения в толковых словарях. В данном разделе толкования приводятся на основании толково-этимологического онлайн-словаря [DWDS], толкового словаря Duden Deutsches Universalwörterbuch [Duden, 1989] и словаря синонимов “Das Wörterbuch der Synonyme” (далее – [Duden, 2020]), синонимы приводятся в

соответствии с [Duden, 2020], перевод толкований принадлежит автору настоящего исследования. Уточним, что лексемы представлены только в том случае, если перевод соответствующего контекста достаточно эквивалентен не только семантически, но и синтаксически, то есть отдельное существительное в ИТ соответствует одному существительному в ПТ, словосочетание типа прилагательное + существительное в ИТ соответствует словосочетанию с такой же структурой в ПТ и т.д.

Существительные:

das Gute (без артикля – **Gutes**) – *добро*, благо, что-то хорошее;

die Güte – 1. *доброта*, готовность помочь и всё простить (синонимы: *das Entgegenkommen, die Freundlichkeit, die Nachsicht, das Wohlwollen*); 2. «добротность», хорошее качество (синоним: *die Qualität*);

die Herzensgüte – чистая, настоящая *доброта*;

das Gut – что-л., что представляет ценность;

das Eigentum – что-л., что принадлежит кому-л.;

das Hab – только в сочетании *Hab und Gut* (возв.) – имущество (синоним: *das Eigentum*).

Прилагательные:

gut – 1. безупречного качества, превосходный (синонимы: *einwandfrei, lobenswert, nicht schlecht*)²³; 2. в большом количестве, обильный (синонимы: *reichlich, üppig*); 3. благоприятный, приятный, радующий (синонимы: *angenehm, erfreulich, positiv, schön*); 4. доброжелательный, дружелюбный (синонимы: нет); 5. морально безупречный (синонимы: *anständig, redlich, tugendhaft, untadelig*); 6. легкий, не требующий усилий (синонимы: *einfach, leicht, problemlos*); 7. праздничный, для особого случая (синонимы: *feierlich, festlich, sonntäglich*);

²³ В словаре [Duden, 1989] относительно этого значения есть помета «auf eine religiöse, ethische Grundlage bezogen» – «относительно религиозных и этических оснований», т.е. метафизическое подзначение включено в данное толкование.

gutmütig – 1. в хорошем расположении духа; 2. сострадательный (синоним: *gutherzig*);

gutherzig – добрый (синоним: *gutmütig*);

gütig – полный доброты, отзывчивый и прощающий;

kühn – проявляющий мужество, отвагу;

verwegen – 1. смелый (синоним: *kühn*); 2. отчаянный, безрассудный.

На основании словарных данных можно предположить, что лексемы с корнем *-gut-* в немецком языке позволяют охватить все смыслы, включённые в русские лексемы с корнем *-добр-*, рассматриваемые в работе: метафизическое *добро*, социальное *добро*, *доброта* как бытие *добрым*, *доброта* как качество, характеристика *добрый* во всех социальных подзначениях (*добродушный*, *нравственный*, *качественный*, *близкий*).

Перед тем как обратиться к примерам из ПТ, ещё раз уточним, что в работе при оценке эквивалентности переводов мы будем говорить об эквивалентности на уровне лексико-семантического соответствия, то есть о высокой степени параллелизма в структурной организации выделенных ЕП, а под адекватностью мы будем понимать соотношение ПТ с коммуникативной установкой автора ИТ, о чём шла речь в главе 2. Для творчества Достоевского и его двухсоставных или даже трёхсоставных образах однозначно определить коммуникативную установку представляется неразрешимой задачей. Поэтому говорить о снижении адекватности мы будем только в тех случаях, когда она является очевидной, например, игнорирование переводчиком коннотаций и потенциально актуализующихся смысловых компонентов некоторых лексем, использование соответствий разных стилистических регистров и т.п.

Во всех примерах из исследуемых текстов сохранены орфография и пунктуация цитируемых источников; в данной главе приняты следующие сокращения:

- El – A. Eliasberg. Aufzeichnungen aus einem toten Hause (электронный ресурс, без указания страниц);
- Ge – S. Geier. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch;

- Ra1 – E.K. Rahsin. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus;
- Ra2 – E.K. Rahsin. Aufzeichnungen aus dem Untergrund;
- Rö1 – H. Röhl. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus;
- Rö2 – H. Röhl. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch (электронный ресурс, без указания страниц).

3.1.3. Лексемы с корнем *-добр-* в переводах

3.1.3.1. Существительное *добро*

Встретившиеся нам примеры в основном подтверждают словарные данные: в большинстве случаев для передачи в переводе существительного *добро* как в метафизическом, так и в социальном значении, переводчики используют различные формы существительного *Gut*:- *Gutes, das Gute* и некоторые другие:

(1) Чем больше я сознавал о добре и о всем этом «прекрасном и высоком», тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней.

[Т. 5, с. 102]

- **Je mehr ich von der Erkenntnis des Guten und all dieses „Schönen und Erhabenen“ durchdrungen war**, desto tiefer sank ich in meinen Schlamm und desto fähiger war ich, völlig ihm zu verfallen. [Ra2, с. 10]
- **Je mehr ich von der Erkenntnis des Guten und von all diesem »Schönen und Erhabenen« durchdrungen war**, um so tiefer versank ich in meinem Schlamm, um so bereitwilliger war ich, völlig in ihm stecken zu bleiben. [Ge, с. 7]
- **Je mehr ich das Gute und all dieses „Schöne und Erhabene“ erkannte**, um so tiefer versank ich in meinen Sumpf und um so fähiger war ich, vollständig in ihm stecken zu bleiben. [Rö2]²⁴

²⁴ Здесь и далее в работе в большинстве случаев на каждый пример из русского текста даются по 3 варианта перевода. Если русские лексемы переводятся однообразно, т.е. в двух или во всех трёх переводах варианты совпадают, даются, соответственно, два или один переводной вариант. Все три одинаковых перевода приводятся в том случае, если необходимо продемонстрировать однозначность понимания переводчиками контекста или частотность употребления определенной лексемы в определенном контексте.

Переводы Разин и Гайер нельзя считать эквивалентными: они переводят фрагмент «чем больше я сознавал» как «чем больше я был проникнут». Вариант Рёля ближе к оригиналу за счёт использования глагольной лексемы со значением познания (*erkennen*): «чем больше я познавал добро». При этом, учитывая семантический охват лексемы *das Gute*, все три перевода можно признать полностью адекватными.

(2) *Ты, видно, в своей семье не видала добра, что так говоришь.* [т. 5, с. 102]

- **Du mußt wohl in deiner Familie wenig Gutes gesehen haben**, wenn du so sprichst. [Ra2, с. 110]
- **Du hast offenbar in deiner Familie nichts Gutes erlebt**, da du so sprichst. [Ge, с. 106]
- **Du hast offenbar in deiner Familie nichts Gutes erlebt**, da du so sprichst. [Rö2]

Здесь все три перевода являются недостаточно эквивалентными: у Гайер и Рёля ЕП переведена как «ты, очевидно, в своей семье не испытала добра». Разин использует для передачи способа восприятия *добра* более эквивалентный глагол «видеть», при этом отрицание «видения» он смягчает от «не видала» до «видала мало». Данное нарушение эквивалентности не влияет на адекватность ввиду употребления существительного *Gutes*²⁵, как и в примере (1).

(3) *Ишь собачье мясо: добро ему [орлу] творишь, а он всё кусается!* [т. 4, с. 194]

- **Sieh doch einer das Hundevieh: **ich tue ihm Gutes**, er aber beißt mich!** [Ra1, с. 255]
- **Dieses verdammte Vieh: **man tut ihm Gutes**, er aber beißt!** [E1]
- **Nun sehe mal einer den Racker; **man tut ihm Gutes**, und er beißt immer um sich!** [Rö1]

Некоторое нарушение эквивалентности во всех трёх переводах связано с различиями в способах передачи безличных конструкций: в немецком языке не распространены безличные предложения с «ты», вместо них значительно чаще употребляются конструкции с подлежащим *man*, употребляющимся с глаголами в

²⁵ Окончание субстантивированных прилагательных в немецком зависит от наличия и вида артикля перед ними: *das Gute* и *Gutes* являются одной лексемой разных типов склонений.

форме 3 лица единственного числа. В этом случае чуть менее приемлемо построен перевод Разин, в котором подлежащее – личное местоимение «я», но в целом во всех переводах достигаются максимально возможные эквивалентность и адекватность.

Лексемы с корнем *-gut-* позволяют добиться эквивалентности и при переводе существительного *добро* в значении «имущество», однако соответствие ближайшего контекстного окружения в следующем примере можно считать относительно эквивалентным лишь в переводе Элиасберга: «как у тебя горят глаза на чужое добро». У Разин это «чужое добро колет глаза», а у Рёля – «высмотришь себе все глаза из головы на чужое добро»:

(4) *Ишь, завидок востроглазый! Разгорелись глаза на чужое добро.* [т. 4, с. 200]

- **Seht doch diesen Neidhammel! Dir scheint ja fremdes Gut merklich in die Augen zu stechen!** [Ra1, с.263]
- **Du scheeläugiger Neidhammel! Wie dir die Augen nach fremdem Gut brennen!** [El]
- **Sie mal an, du, scharfblickender Neidhammel! Siehst dir die Augen aus dem Kopfe nach fremdem Gute!** [Rö1, с. 358]

Прагматическая адекватность присутствует во всех трёх вариантах: переводчикам удаётся передать ироничный злобный укол говорящего, упрёк в зависти, выраженный несколько грубо.

Эквивалентность перевода *добра-имущества* снижается в следующих примерах за счёт «расщепления» одной лексемы *добро* на устойчивое словосочетание *Hab und Gut*, в котором существительное *das Hab* образовано от глагола *haben* – «иметь» (имущественный смысловой компонент усиливается за счёт лексемы, означающей обладание (метафизическим *добром* или *добром-отношением* обладать нельзя)), и отсутствует в тех случаях, когда такое добро переводится другими лексемами (например, *das Eigentum* – «собственность» (пример (5))) и словосочетаниями (примеры (6), (7)):

(5) *На кухне около жарко разгоревшихся печей шла суетня и толкотня, целая давка. **Всякий наблюдал за своим добром.*** [т. 4, с. 108]

- In der Küche ging es lebhaft zu: ein ganzer Haufen drängte, stieß und quetschte sich vor den glühenden heißen Backöfen. **Ein jeder wollte sein Eigentum bewachen.** [Ra1, c. 141]
- In der Küche herrschten bei den glühenden Öfen ein Getue und ein Gedränge. **Ein jeder gab auf sein Eigentum acht.** [E1]
- In der Küche herrschte bei den heißglühenden Öfen ein eifriges Treiben und Gedränge; es fand geradezu ein Handgemenge statt. **Jeder gab auf sein Eigentum acht.** [Rö1, c. 191]

Согласно словарным данным, перевод существительного *добро* в имущественном значении как *Eigentum* можно считать эквивалентным (эквивалентность снижена здесь лишь у Разин, которая добавляет в перевод глагол *wollte*: «каждый хотел наблюдать за своим добром»). Если же говорить об адекватности, то более адекватным было бы переводное соответствие *das Eigentum* – «вещи, имущество», а не *добро*: во-первых, у русской лексемы *добро* в словарях присутствует помета «разг.», которой нет у немецкого *Eigentum*, во-вторых, при таком переводе из всего спектра пониманий исключается метафизический компонент. Словосочетание *Hab und Gut* в примере (6) позволяет его сохранить, при этом за счёт расщепления одной лексемы на две, как уже отмечалось выше, снижается эквивалентность:

(6) ... я уверен, и обворовывая, он жалел меня. «Эх, дескать! – думал он, может быть, запуская руку в мое добро, – что ж это за человек, который и за добро-то свое постоять не может!» [Т. 4, с. 86]

- ...so bin ich doch fest überzeugt, daß er, während er stahl, mich bemitleidete. „Ach“, dachte er vielleicht in dem Augenblick, **wenn er sich mein Eigentum aneignete**, „was ist denn das für ein Mensch, **der nicht einmal für sein Hab und Gut einstehen kann!**“ [Ra1, c. 114]
- ... so bin ich doch überzeugt, daß er mich, indem er mich bestahl, bedauerte. „Ach,“ sagte er sich vielleicht, **wenn er bei mir etwas stahl**, „was ist das für ein Mensch, **der nicht mal sein Hab und Gut zu schützen versteht!**“ [E1]
- ... so bin ich doch überzeugt, dass er auch beim Stehlen mich bedauerte. „Ach“, dachte er vielleicht, **während er die Hand nach meinem Eigentum ausstreckte**,

„was ist das für ein Mensch, **der nicht einmal sein Hab und Gut zu schützen versteht!**“ [Rö1, с. 153]

Эквивалентность переводов снижена и в рамках всей выделенной ЕП: возможно, чтобы избежать повторного употребления слова *добро* (хотя этот повтор есть в оригинальном тексте), все трое переводчиков пользуются для перевода первого вхождения лексемы следующими способами: Е.К. Разин и Г. Рёль – существительным *das Eigentum*, «собственность», а А. Элиасберг – описательной конструкцией *wenn er bei mir etwas stahl* – «когда он воровал что-либо у меня». Перевод Элиасберга цельной ЕП совершенно не эквивалентен, и более того, его адекватность снижается в том числе за счёт того, что в оригинале используется разговорное выражение «запускать руку куда-либо», переданное нейтральным «воровать у кого-либо».

В примере (7) лексема *добро* в значении «имущество» относится не к каторжникам, а к богатому городскому жителю, в собственности которого не только тулуп, шапка, белье и посуда, но и более дорогое имущество, в том числе, дом и деньги. Отражение этого факта мы наблюдаем в переводах, являющихся полностью неэквивалентными:

(7) *Дом тут стоял, с краю города, и богатый тут жил один мещанин, добра пропасть.* [т. 4, с. 163]

- **Dort außerhalb der Stadt stand ein Haus, das einem reichen Bürger gehörte.** [Ra1, с. 215]
- **Im Rande der Stadt stand ein Haus, darin wohnte ein Kleinbürger, ein reicher Mann.** [El]
- **Es stand da am Rande der Stadt ein Haus, in dem ein reicher Kleinbürger wohnte. Er hatte klotzig viel Geld.** [Rö1, с. 291]

У Разин «дом ... добра пропасть» передается как «дом, который принадлежал богатому гражданину», у Элиасберга – «дом ... там жил мещанин, богатый человек», у Рёля – «дом, в котором жил богатый мещанин ... у него было бешено много денег». Все три варианта нельзя считать эквивалентными, но более прагматически адекватным (хотя и не полностью, ввиду отсутствия соответствия

полисеманту *добро*) является перевод Рёля, в котором эмоциональное и разговорное «пропасть добра» передано как эмоциональным и разговорным «бешено много денег». Формулировки Разин и Элиасберга не соответствуют прагматике разговорного выражения «добра пропасть», особенно, учитывая, что реплика принадлежит бедным вора́м – бывшим крестьянам. Можно также подчеркнуть, что Разин и Элиасберг объединяют две характеристики: «богатый» и «владелец пропасти добра» в одном похожем варианте «богатый человек», притом, что в русском языке это очевидно разные вещи: богатство подразумевает скорее деньги, а *добро* – предметы окружения, движимое имущество. Это противопоставление имеет частичное отражение только у Рёля, в переводе которого присутствуют и «богатый мещанин» и «бешеные деньги», но именно противопоставления деньги-вещи у него нет.

Таким образом, можно сделать вывод, что для перевода существительного *добро* в метафизическом (*добро*, которое можно «сознавать») и социальном (*добро*, которое можно «творить» или «видать», как нечто осязаемое) значении немецкий язык позволяет достичь как эквивалентности, так и адекватности в переводе. Для *добра* в имущественном значении (*добро*, которое можно «иметь») из-за несовпадения в идиоматике двух языков переводчики чаще всего прибегают к перефразировке, но и уровень адекватности перевода не повышается, в том числе, потому, что русская лексема *добро*, в отличие от немецких лексем *Gut*, *Eigentum*, *Geld* и других соответствий в переводах, как правило, имеет в словарях помету «разг.».

3.1.3.2. Существительное *доброта*

Существительное *доброта* встречается в исследуемых текстах лишь дважды и употребляется в двух разных значениях: внутренняя характеристика *доброто* человека (пример (1)) и качество неодушевленного объекта («добротность»; пример (2)):

(1) *Замечалась только в ней* [в Настасье Ивановне], *на каждом шагу, одна бесконечная доброта, непреодолимое желание угодить, облегчить, сделать для вас непременно что-нибудь приятное.* [Т. 4, с. 68]

- **Man sah in ihr nur eine unendliche Güte**, den unbezwingbaren Wunsch zu helfen, zu erleichtern, einem etwas Angenehmes zu tun. [Ra1, с. 90]
- **Man merkte an ihr nur eine grenzenlose Güte**, ein unüberwindliches Verlangen, das Schicksal der anderen zu erleichtern und ihnen etwas Angenehmes zu tun. [E1]
- **Was einem an ihr bei jedem Schritt sichtbar wurde, das war nur eine unendliche Herzengüte**, der unbezwingliche Wunsch, einem hilfreich zu sein, einem sein Los zu erleichtern, einem unter allen Umständen etwas Angenehmes zu erweisen. [Rö1, с. 120]

Перевод Разин примера (1) является адекватным и достаточно эквивалентным (учитывая уже упоминавшееся выше расхождение в передаче безличных конструкций в двух сравниваемых языках): «бесконечная *доброта*» – *unendliche Güte*. Немного отклоняется от эквивалентности Элиасберг («безграничная *доброта*»). Ещё менее эквивалентен перевод Рёля («что в ней сразу было видно – это бесконечная сердечная *доброта*»), однако все три перевода примера являются адекватными.

(2) *Почти всегда поставщик первоначально испробывает доброту водки и отпитое бесчеловечно добавляет водой.* [Т. 4, с. 36]

- Gewöhnlich **probt der Lieferant zunächst die Güte des Branntweins** und ersetzt das Ausgetrunkene in unmenschlicher Weise durch Wasser. [Ra1, с. 50]
- **Der Lieferant probiert erst fast immer die Güte des Branntweins** und ersetzt die ausgetrunkene Menge in unmenschlicher Weise durch Wasser. [E1]
- Fast immer **probiert der Lieferant zuerst die Güte des Branntweins** und ersetzt das Weggetrunkene in unmenschlicher Weise durch Wasser. [Rö1, с. 63]

Для перевода лексемы *доброта* в обоих значениях все переводчики использовали лексему *die Güte*, образованную от прилагательного *gut*, которое, помимо значения

добрый (характер или поступок), имеет также значение «хороший», «качественный», ср.:

(3) *Да ты мне, говорю, хорошей водки давай.* – *Злость-то, значит, меня уж очень берет.* – *Это хорошая водка.* [Т. 4, с. 102]

- „**Gib mir guten Branntwein**“, sage ich. Die Wut, wie man so sagt, ergriff mich schon gar zu heiß. „**Das ist guter Branntwein.**“ [Ra1, с. 135]
- „Du sollst mir aber **guten Branntwein geben**“, sage ich ihm. Die Wut packt mich immer mehr. „**Dieser Branntwein ist gut.**“ [E1]
- „**Gib mir aber guten Branntwein!**“ sagte ich. Nämlich meine Wut wurde immer größer. „**Das ist guter Branntwein.**“ [Rö1, с. 182]

Таким образом, все варианты перевода существительного *доброта* в значении «качество» являются адекватными и эквивалентными.

3.1.3.3. Прилагательное *добрый*

Как и существительное *добро*, прилагательное *добрый* в разных значениях в большинстве случаев переводится прилагательным *gut* («хороший, *добрый*»), встречаются так же однокоренные лексемы *gütig* («*добрый*»), *gutmütig* («добродушный»), *gutherzig* («добросердечный»). Использование композитных прилагательных снижает уровень эквивалентности перевода, однако, как правило, в этом значении не влияет на его адекватность:

(1) *Добрый и наивный Нурра!* [Т. 4, с. 51]

- **Guter, treuherziger** Nurra! [Ra1, с. 69]
- **Der gute, naive** Nurra! [E1]
- **Guter, treuherziger** Nurra! [Rö1, с. 90]

(2) *Всякий [больной в лазарете] видел от них [от докторов] себе ласку, слышал доброе слово.* [Т. 4, с. 137]

- Ein jeder sah sich freundlich von ihnen behandelt, **hörte ein gutes Wort.** [Ra1, с. 184]
- Jeder Arrestant war von ihnen schon freundlich behandelt worden, **hatte von ihnen ein gutes Wort gehört.** [E1]

- Ein jeder sah sich von ihnen freundlich behandelt und **bekam von ihnen ein gutes Wort zu hören**. [Rö1, с. 245]

(3) *Всё это так и виделось в ее тихих, добрых взглядах*. [Т. 4, с. 68]

- Alle ihre Gefühle lagen **in ihrem stillen, gütigen Blick**. [Ra1, с. 90]
- Dies alles konnte man **in ihren stillen, guten Blicken** lesen. [E1]
- Das alles las man ohne weiteres **in ihrem stillen, guten Blicke**. [Rö1, с. 120]

(4) *Часто говорил я с ним [со стариком-старовером] и редко встречал такое доброе, благодущное существо в моей жизни*. [Т. 4, с. 33]

- Ich habe oft mit ihm gesprochen und selten nur ist mir in meinem Leben **ein so guter, so großmütiger Mensch** begegnet. [Ra1, с. 46]
- Ich unterhielt mich oft mit ihm und muß sagen, daß ich in meinem Leben selten **ein so gutmütiges und freundliches Wesen** gesehen habe. [E1]
- Ich sprach häufig mit ihm und bin selten in meinem Leben **einem so gutherzigen, edeldenkenden Menschen** begegnet. [Rö1, с. 58]

Эквивалентность перевода снижается в примере (5), где «я <...> доброй души человек» Разин передаёт как «я имею доброе сердце», Элиасберг – как «очень хороший / *добрый* человек», а Рель – как «очень *добросердечный* человек»:

(5) *Он мне сам сказал один раз, как-то нечаянно, что я уже «слишком добррой души человек»*. [Т. 4, с. 87]

- Er sagte es mir einmal sogar selbst – wohl halb aus Versehen –, daß **ich ein „schon gar zu gutes Herz“ hätte...** [Ra1, с. 114]
- Einmal sagte er mir selbst, wie unabsichtlich, ich sei „**ein gar zu guter Mensch**“... [E1]
- Er sagte mir selbst einmal wie unabsichtlich, ich sei schon „**ein gar zu gutherziger Mensch**“... [Rö1, с. 154]

Вероятно, такой неэквивалентный выбор связан с тем, что в немецком языке в принципе, средоточие *доброты* в человеке находится не в душе (*die Seele*), а в сердце (*das Herz*) или в «нраве» (*der Mut*). Прилагательное *gutseelig* («*добродушный*») крайне редко, в отличие от *gutherzig* («*добросердечный*»), встречается даже в корпусах, однако это не снижает адекватности перевода: у

человека не может быть *доброе* сердце и *злая* душа или наоборот, поэтому такая замена не влияет на суть характеристики.

Прилагательное *добрый* в русском языке может характеризовать также не *доброту* характера, а высокую нравственность человека, который является образцом для подражания, примером порядочности, что отражено в переводах следующего контекста:

(6) *А будь ты в другом месте, живи, как добрые люди живут, так я <...> просто влюбился б в тебя...* [т. 5, с. 159]

- *Wärest du aber in einem anderen Ort, lebest du wie anständige Menschen leben, <...> ich würde mich einfach in dich verlieben...* [Ra2, с. 114]
- *Wärest du aber an einem anderen Ort, lebstest du, wie gute Menschen leben, so würde ich <...> mich einfach in dich verlieben...* [Ge, с. 110]
- *Wärest du aber an einem andern Orte und lebstest du so, wie ordentliche Leute leben, dann würde ich <...> mich vielleicht einfach in dich verlieben...* [Rö2]

У С. Гайер мы встречаем для характеристики «нравственной жизни» прилагательное *gut*, включающее в себя подзначение «нравственный», поэтому такой перевод можно считать эквивалентным, и учитывая потенциальную возможность актуализации метафизического подзначения, полностью адекватным. Разин и Рель выбирают из синонимического ряда «хороший – приличный – нравственный» лексемы, более точно передающие именно представление о нравственности, высокой морали: соответственно, *anständige Menschen / ordentliche Leute*. Оба этих прилагательных соответствуют в словарях русским лексемам «приличный», «порядочный», а не *добрый*. Таким образом, перевод в рамках нашей работы может быть оценен как недостаточно адекватный и недостаточно эквивалентный.

Отсутствие эквивалентности может наблюдаться и при переводе прилагательного *добрый* в значении «близкий»:

(7) *Действительно, глупо, мы собрались в дружеской компании, чтоб проводить в вояж доброго приятеля, а вы считаетесь.* [т. 5, с. 144]

- Wir haben uns hier als Freunde versammelt, zum letzten Mal, um **Abschied zu nehmen von unserem verreisenden Freund**, und Sie müssen es natürlich wieder zu einem Streit bringen... [Ra2, c. 86]
- Wir haben uns im vertrauten Kreise versammelt, **um unseren guten Freund zu verabschieden**, Sie aber wollen hier alte Rechnungen begleichen. [Ge, c. 83]
- ... wir sind hier als eine Gesellschaft von Freunden zusammengekommen, um **mit einem guten Freunde vor seiner Abreise eine Abschiedsfeier zu begehen**, und da fangen Sie Streit an! [Rö2]

В примере (7) Гайер и Рёль используют то же самое прилагательное *gut*, что и для описания просто *доброго человека*, что позволяет сохранить максимальную адекватность характеристики в конкретном тексте, а Разин опускает в переводе сему близости и возможность потенциальной реализации метафизического компонента значения, переводя «проводить в вояж *доброго* приятеля» просто как «попрощаться с нашим уезжающим другом». Возможно, понятие близости уже включено в немецкую лексему *Freund*, но такой перевод представляется не только неэквивалентным, но и неадекватным, потому что «проводить уезжающего друга» возможно и в том случае, когда он не очень близок. В рамках же выделенной ЕП все три перевода неэквивалентны: перевод Разин мы уже приводили выше, у Гайер ЕП переведена как «попрощаться с нашим добрым другом», а у Рёля – «устроить с нашим добрым другом перед отъездом прощальный праздник».

Наименьшая степень как эквивалентности, так и адекватности при переводе прилагательного *добрый* наблюдается при переводе устойчивых восклицаний-обращений «люди добрые» и «добрые люди» (в отличие от «жить, как добрые (= порядочные) люди» в примере (8)):

(8) *Ты и есть [холоп]. Слышите, добрые люди, не верит! Удивляется!* [т. 4, с. 133]

- <...> **Hört doch, Kinder**, er glaubt's nicht einmal! Wundert sich noch! [Ra1, c. 178]
- <...>**Hört ihr es, Leute**, er glaubt es nicht! Er wundert sich noch! [El]

- <...> **Hört nur, liebe Leute**, er glaubt es nicht! Er wundert sich noch! [Rö1, с. 238]

В немецком языке наиболее распространённой адъективной составляющей обращения к аудитории при относительно неформальном общении является прилагательное *lieb* (например, *liebe Gäste* – «дорогие гости»). В связи с этим все три перевода примера (8) являются неэквивалентными и неадекватными. Наименьшая степень того и другого наблюдается в переводе Разин: «люди *добрые*» здесь становится *Kinder* («дети»), наибольшая, но не полная – в переводе Рёля (*liebe Leute* – «дорогие люди»). Элиасберг превращает гневное восклицание в оригинале в простое и нейтральное обращение *Leute* – «люди», тем самым эквивалентность снижается за счёт опущения эпитета, а в адекватность – за счёт прагматической наполненности восклицания (в русском языке обращение-восклицание «люди добрые» выражает возмущение и, как правило, сопровождается явно выраженным или подразумеваемым компонентом с примерным значением «что же такое творится!»). При этом в примере (9) мы наблюдаем возможность эквивалентного и адекватного перевода:

(9) ... *пустите, добрые люди, еще раз на свете пожить!..* [Т. 5, с. 161]

- ... **lasst mich, gute Leute**, nur noch einmal leben auf der Welt! [Ra2, с. 119]
- ... **laßt mich, ihr guten Menschen**, noch einmal leben! [Ge, с. 114]
- ... **laßt mich** noch einmal ein bißchen auf der Erde leben, **ihr guten Leute!**“ [Rö2]

Не меньшую проблему для сохранения эквивалентности и адекватности представляет собой передача другого обращения, «*добрый молодец*», распространённого в русской литературе и не имеющего полных эквивалентов в немецком языке:

(10) *Прости и ты меня, добрый молодец, а я зла на тебе никакого не знаю.* [Т. 4, с. 172]

- Vergib auch du mir, **Verwegener**, doch habe ich nichts Böses von dir erfahren. [Ra1, с. 227]

- Vergib auch du mir, **du kühner Bursche**²⁶, ich aber habe dir nichts vorzuwerfen. [E1]
- Verzeih auch du mir, **guter junger Mann**; ich aber bin nicht böse auf dich. [Rö1, с. 308]

В примере (10) ни один перевод нельзя назвать полностью эквивалентным: у Разин «добрый молодец» переведён субстантивированным прилагательным *Verwegener* – «храбрец», у Элиасберга это *kühner Bursche* – «смелый парень». Чуть более эквивалентным за счёт эпитета *gut*, но не полностью эквивалентным из-за расщепления одного существительного «молодец» на словосочетание *junger Mann* можно считать вариант Рёля («*добрый* / хороший молодой мужчина»). Первые два варианта перевода нельзя оценить как полностью адекватные: с одной, стороны, Разин и Элиасберг включили в свой перевод некоторое положительное качество «доброты молодца», но не *доброту* или «хорошесть», а храбрость. Вариант Рёля можно считать адекватным в рамках нашей работы: многозначность немецкого прилагательного *gut* позволяет охватить посредством его семантики все возможные смысловые компоненты оригинала.

Лексема *добрый* в значении «хороший, качественный» так же соответствует в немецких переводах прилагательному *gut* (выше мы уже сталкивались с примерами употребления ее деривата *die Güte* в значении *доброта* как «качество»): (11) *Гнедко служил у нас уже очень давно. Лошадка была добрая, но поизносившаяся.* [т. 4, с. 185]

- Unser Brauner hatte schon sehr lange im Ostrogg gedient, **war sonst ein gutes Tier**, nur mit den Jahren etwas alt und steif geworden. [Ra1, с. 244]

---

²⁶ Существительное *der Bursche* в средневерхненемецком (свн. *burse*) означало место проживания таких групп людей, как студенты, подмастерья, солдаты (а также самих проживающих в таких местах (*das Gemeinschaftshaus für Studenten, Handwerksgelesen, Soldaten sowie die dort aus gemeinschaftlicher Kasse lebende Genossenschaft* [DWDS] – общежитие для студентов, подмастерьев, солдат, а также проживающее там сообщество), ср. «бурса» и «бурсак»). В русских переводах немецких писателей-романтиков словом «бурши» так же называли студентов.

- Der alte Braune hatte bei uns schon sehr lange gedient. **Das Pferdchen war gut**, aber abgearbeitet. [EI]
- Der bisherige Braune hatte bei uns schon sehr lange gedient. **Er war ein gutes Pferd gewesen**, aber schon abgenutzt. [Rö1, с. 332]

В примере (11) есть некоторая сложность в понимании, которая ведёт к сложности при переводе: «*добрая* лошадка» может быть как *доброй* по характеру, так и *доброй* в значении «хорошего качества», однако немецкий язык за счёт прилагательного *gut*, употребляющегося в обоих этих подзначениях, позволяет сохранить перевод прилагательного эквивалентным и адекватным (эквивалентность ЕП снижается в переводах Разин и Рёля, где «лошадка» становится просто «животным» (*Tier*)). При этом наиболее адекватным является перевод Элиасберга, в котором он сохраняет и основу «лошадь», и диминутивную форму существительного благодаря суффиксу *-chen-*, который в данном случае, по-видимому, передаёт информацию не о размерах животного (вряд ли лошадь, используемая для перевозки грузов, была маленькой), а о добром отношении к ней говорящего (у Разин это просто «животное», а у Рёля – «лошадь»), которое мы наблюдаем в форме «лошадка» в оригинале.

3.2. Лексические единицы с корнем *-зл-*

3.2.1. Лексемы *зло, злость, злоба, злой и злобный* в немецко-русском словаре

В словаре [PHC] приводятся следующие немецкие соответствия исследуемым в работе лексемами с корнем *-зл-*:

зло – *das Übel; das Böse*; он мне причинил много зла – *er hat mir viel Böses gerichtet*; меня зло берёт – *mich packt der Zorn*; со зла – *vor Wut, aus Ärger*; корень зла – *die Wurzel des Übels*.

злоба – *die Bosheit; Zorn, die Wut* (ярость); *die Erbitterung* (озлобление); *die Gehässigkeit* (враждебность)

злость – *die Bosheit; die Wut* (ярость); *der Zorn* (гнев);

злой – **1.** *böse, boshaft; erbost* (озлобленный); он на меня зол – *er ist mir [auf mich] böse*; злая насмешка – *beißender Spott [Hohn]*; со злым умыслом – *boswillig*; **2.**

(дурной) – *arg, schlimm, böse*; злые вести – *böse [üble] Nachrichten*; **З.** (жестокий) – *grimmig, grausam*;

злобный – *boshaft, böse; erbittert* (озлобленный); *gehässig* (враждебный); *tückisch* (коварный) [РНС, с. 163].

В отличие от лексемы *добро*, разным подзначениям лексемы *зло* в немецком языке может соответствовать довольно большое множество разных единиц. Так, «метафизическое» *зло* – это, в соответствии со словарными данными, скорее *Böse* и *Übel*, а «социальное» *зло*, то есть *злоба* и *злость* в характере или злонамеренность в поступках может переводиться различными лексемами с корнем *-bo/ös-* (*Boshaft, böse, böseartig, boshaft, erbost*), *зло, злоба* и *злость* как временная эмоция чаще соответствуют лексемам со значением «гнев», «ярость» (*Zorn, Wut, Ärger*). Характеристика «злой», в зависимости от подзначения, может пониматься также как «плохой» (*arg, schlimm, übel*), «жестокий» (*grimmig, grausam*).

3.2.2. Соответствия русским лексемам *зло, злость, злоба, злой* и *злобный* в толковом немецком словаре

Прежде чем перейти к анализу текстовых примеров, приведём список отдельных встретившиеся нам в текстах переводов немецких лексем (в алфавитном порядке), соответствующих исследуемым в работе русским лексемам оригинальных текстов, а также рассмотрим значения данных лексем в толковых словарях. В данном разделе толкования приводятся на основании толково-этимологического онлайн-словаря [DWDS] и толкового словаря [Duden, 1989], синонимы приводятся в соответствии с этими же словарями, а также со словарём [Duden, 2020], перевод толкований принадлежит автору настоящего исследования. Лексемы представлены только в том случае, если перевод соответствующего контекста достаточно эквивалентен не только семантически, но и синтаксически, то есть отдельное существительное в ИТ соответствует одному существительному в ПТ, словосочетание типа прилагательное + существительное в ИТ соответствует словосочетанию с такой же структурой в ПТ и т.д.

Существительные:

die Bitterkeit – горькое чувство (синонимы: *Erbitterung, Verbitterung*);

das Böse – зло, вред, грех;

die Bosheit – злобное отношение к ближним; злонамеренные действия, злые слова;

die Erbitterung – горькая обида (синонимы: *die Wut, der Zorn*);

die Feindschaft – враждебное отношение;

die Gehässigkeit – злоба (синонимы: *die Bösamkeit, die Bosheit, die Gemeinheit*);

der Grimm – сильный гнев, сильное бешенство (синонимы: *die Wut, der Zorn*);

der Groll – сдерживаемый гнев, тихая ненависть (синонимы: *der Hass, der Zorn*);

der Ingrim – устаревший синоним *der Grimm*;

der Hass – сильное враждебное чувство (синоним: *die Feindschaft*);

die Missstimmung – плохое, раздражённое настроение;

die Niedertracht – намеренно подлое и злобное отношение;

die Raserei – гнев, ярость, бешенство;

die Wut – сильное гневное возбуждение, доходящее до безумия (синонимы: *der Ärger, die Empörung, der Zorn, (geh.): der Groll, das Säuernis, (ugs.): die Rage*);

der Zorn – бурное негодование, сильный гнев (синонимы: *der Ärger, die Empörung, der Zorn, (geh.): der Groll, das Säuernis, (ugs.): die Rage*);

der Ärger – 1. ярость (синонимы: *der Groll, die Rage*); 2. обида, горечь (синонимы: *die Aufgebrachtheit; das Säuernis, der Unmut, das Unwillen, (ugs.): die Rage*); 3. неудовлетворённость (синонимы: *der Unmut, das Unwillen*);

das Übel – неблагоприятное, неприятное состояние (синонимы: *das Elend, die Katastrophe, die Plage, (geh.): die Misere, die Krankheit, das Leiden*);

Относительно существительных можно предположить, что в метафизическом понимании русского слова *зло* наиболее близкой будет немецкая лексема *Böse*, в понимании *зло* как постоянная *злобность* характера (так же *злоба* и *злость*) – существительные *die Bosheit, die Gehässigkeit*, социальное *зло*, связанное не с характером человека, а с результатом его деятельности предположительно соответствует лексеме *das Übel*, а в понимании *зло* как

временная злая эмоция ожидаемы существительные *die Erbitterung, die Wut, der Zorn, der Ärger*.

Прилагательные:

boshaft – злой (синонимы: *bösartig, heimtückisch, hinterhältig*);

bösartig – 1. злой (синонимы: *boshaft, böse*); 2. скверный; 3. опасный.

böse – 1. плохой (синонимы: *schlecht, schlimm, unangenehm, ungut*); 2. злой (синонимы: *ärgerlich, erbost, wütend, zornig*); 3. (разг.) очень сильный (синонимы: *fürchterlich*);

gehässig – обидчивый и злобный (синоним: *bösartig*);

giftig – злой, злобный (синонимы: *böse, gehässig*);

grimmig – исполненный ярости;

schlecht – злобный, враждебный (синонимы: *böse, gehässig*);

wild – гневный (синоним: *zornig*);

wütend – исполненный гнева, очень возбуждённый (синоним: *zornig*);

zornig – исполненный гнева, негодования (синоним: *wütend*);

ärgerlich – недовольный, раздражённый.

Относительно прилагательных можно предположить, что в метафизическом понимании русского слова *злой* наиболее близкой будут немецкие лексемы *böse, bösartig* и *boshaft*. В социальном понимании *злой* и *злобный* как имеющий *злобность* в характере скорее соответствуют прилагательным *boshaft, bösartig, böse, gehässig, giftig, schlecht*. Социальное понимание характеристики *злой* как охваченный злой эмоцией скорее соответствует прилагательным *böse, grimmig, wild, wütend, zornig, ärgerlich*.

В целом на основании словарных данных можно предположить, что лексемы с корнем *-bös-* в немецком языке позволяют охватить все смыслы, включённые в русские лексемы с корнем *-зл-*, рассматриваемые в работе: метафизическое зло, социальные постоянные зло, злоба и злость, характеристика злой в метафизическом (связанный с высшим злом) и во всех социальных подзначениях (*злой* по характеру и разозлившийся).

3.2.3. Лексемы с корнем -зл- в переводах

3.2.3.1. Существительное зло

В отличие от существительного *добро*, русское существительное *зло* имеет значительно большее разнообразие соответствий в немецких переводах, и выбор переводной лексемы в общих случаях зависит от конкретного подзначения существительного *зло* или связанных с ним в словообразовательном смысле слов, но, как мы уже отмечали в предыдущей главе, при переводе произведений Достоевского определять подзначение часто становится задачей, противоречащей смыслу всего творчества автора. Как уже говорилось выше, русское «*зло*» может означать «метафизическое», высшее зло (которое в исследуемых текстах, как и *добро*, можно «знать» («сознавать»)) и эмоциональное *зло*, связанное либо с постоянным свойством человеческого характера, либо с преходящими эмоциями. Имущественного значения у *зла*, в отличие от *добра*, нет, но и различие первых двух значений, а также двух подзначений второго может представлять собой переводческую проблему. Универсальными лексемами, являющимися переводными соответствиями русской лексеме *зло* практически во всех подзначениях, в немецком языке являются существительные с корнем *-bo/ös-*, что подтверждается переводами:

(1) ... *может быть, лет десять, восемь назад, эта же самая, с соленой-то рыбой, – приехала сюда откуда-нибудь свеженькая, как херувимчик, невинная, чистенькая; зла не знала, на каждом слове краснела.* [Т. 5, с. 161]

- ... vielleicht ist auch diese selbe mit dem gesalzenen Fisch vor zehn, vor acht Jahren **rein und unschuldig wie ein Engelchen** hierher gekommen; **wußte von nichts Bösem**, errötete womöglich bei jedem Wort. [Ra2, с. 117]
- ... vielleicht kam gerade diese mit dem gesalzenen Fisch vor etwa zehn oder acht Jahren hierher – sie kam **frisch, wie ein kleiner Engel, unschuldig und rein; sie ahnte nichts Böses** und errötete bei jedem Wort. [Ge, с. 112]

- ... vielleicht war zehn, acht Jahre vorher dieses selbe Mädchen mit dem Salzfish von irgendwo hierher gekommen, **frisch und unschuldig und rein wie ein Engel Gottes; sie wußte von nichts Schlechtem** und errötete über jedes arge Wort. [Rö2]

В рамках выделенной ЕП все трое переводчиков использовали неэквивалентные соответствия слову «херувимчик» («ангелочек» у Разин, «маленький ангел» у Гайер и «ангел Божий» у Рёля). Относительно лексемы *зло* первые два перевода можно считать достаточно эквивалентными (у Разин отсутствует соответствие слову «свеженькая») и полностью адекватными. Максимально неэквивалентен и при этом неадекватен перевод Рёля: «не знала ни о чём плохом». С одной стороны, одно из толкований существительного *зло* в словаре Евгеньевой – 1) всё дурное, плохое, вредное, противоп. *добро* [Евгеньева, 1985, т. 1, с. 409]. С другой стороны, пример (1) является единственной иллюстрацией употребления существительного *зло* в котором можно предполагать именно метафизическое понимание зла (в том числе, учитывая контекст, включающий «херувимов» и «ангелов»). Ввиду вышесказанного адекватным можно признать вариант перевода *зло* – *das Böse*, включающий в себя и метафизическое, и социальное понимание, а употребление прилагательного *das Schechte*, не имеющего метафизических коннотаций, делает такой выбор абсолютно не адекватным.

Дальнейшие примеры связаны с социальным пониманием *зла*, но и за ним у Достоевского чаще всего стоит метафизика. В примере (2) *зло*, по-видимому, употребляется в значении «постоянное свойство характера человека» (напакостят со *зла* – напакостят, потому что это *злые* люди, преступники), но утверждать, что здесь исключается эмоциональный компонент, нельзя:

(2) *К тому же не позволяй представления, так, пожалуй (кто их знает? народ каторжный!), нарочно что-нибудь напакостят со зла и караульных подведут.*

[т. 4, с. 119]

- Hinzu kommt, dass **sie**, falls ich das Spiel verbiete, womöglich – wer kann denn sicher sein bei dieser Räuberbande! – **mit Absicht irgend etwas losschießen** und noch die Wache hineinziehen. [Ra1, с. 157]

- Außerdem: wenn ich die Aufführung nicht erlaube, so **werden sie vielleicht aus Ärger absichtlich etwas anstellen** (sie sind doch nur Zuchthäusler!), damit die Wache eine Rüge bekommt. [E1]
- Außerdem: Erlaube ich die Vorstellung nicht, so **werden sie** vielleicht (denn wer kennt diese Sträflingsbande?) **absichtlich aus Bosheit etwas anrichten** und das Einschreiten der Wache nötig machen. [Rö1, с. 213]

Перевод Рёля («нарочно со зла что-нибудь натворят») можно считать эквивалентным и адекватным ввиду использования однокоренного с *Böse* существительного *die Bosheit*, которое в словарях скорее соответствует *злобе*, но *злоба* является синонимом *зла* в этом значении. Переводы Разин и Элиасберга не эквивалентны и неадекватны (соответственно, «с намерением что-нибудь устроят» и «возможно, со злости что-нибудь натворят»). Вариант Элиасберга более эквивалентен, так как в нём присутствует элемент, соответствующий русскому «со зла», чего нет в переводе Разин, тем не менее, такой вариант нельзя признать адекватным по причине использования лексемы *der Ärger*, основное словарное значение которой в толковом словаре – «раздражение, досада», и у него нет связи не только с метафизикой, но и со *зlobой* в характере. Эта лексема (наряду с существительным *die Wut* (см. ниже), является довольно частотным соответствием русскому существительному *зло* в значении «злая эмоция», *злость*, ср.:

(3) Но прошлого года на рождестве майор был не в духе: где-то проигрался, да и в остроге к тому же нашалили, **вот он и запретил** [театральное представление] **со зла**. [Т. 4, с. 100]

- Damals war er gerade zum Weihnachtsfest sehr schlechter Laune gewesen: hatte im Kartenspiel verloren, und außerdem hatte man sich auch im Ostrogg nicht zum besten aufgeführt – und **so hatte er's denn einfach verboten**. [Ra1, с. 132]
- Aber im vorigen Jahre war der Platzmajor in der Weihnachtszeit schlechter Laune: er hatte irgendwo im Kartenspiel verloren, außerdem hatte man im Zuchthause etwas angestellt; **darum verbot er aus Ärger die Aufführung**. [E1]
- Er habe irgendwo im Spiel eine bedeutende Summe verloren gehabt, und zu dem

sei auch im Gefängnis allerlei Unfug verübt worden, und da **habe er die Vorstellung aus Ärger verboten**. [Rö1, с. 178]

В примере (3) *зло* в характере майора «всколыхнулось» из-за неприятной для него ситуации: то ли проиграл деньги, то ли произошло еще что-то плохое. На и так недобрый характер майора повлияла негативная эмоция, и, по-видимому, *зло* здесь «преходяще-социальное», хотя подзначение постоянной *злости* так же можно предполагать. В связи с этим как неадекватным, так и полностью неэквивалентным кажется перевод Разин: *so hatte er's denn einfach verboten* – «так что он это просто так запретил». Здесь потеряны семы как постоянной, так и временной *злости*, вместо них присутствуют семы спонтанности и беспричинности. Компонент «со зла» присутствует в переводах Элиасберга и Рёля, но их нельзя считать адекватными, поскольку, даже если исключить метафизическую составляющую, лексема *Ärger* относится скорее к сфере эмоционального зла, таким образом потенциально возможный смысл «зло в характере» ввиду использования именно этого существительного в переводах отсутствует.

В следующем примере есть формальные основания предполагать, что *зло* употребляется в значении «временная эмоция»: в русском языке такое *зло* может «нахлынуть» или «взять», близкой по значению в русском языке является лексема *ярость*, которой в немецком языке, согласно словарным данным, соответствует существительное *die Wut*:

(4) Как узнал я, что в воскресенье они [семья Луизы – Е. Ч.], может быть, всё дело решат, **так меня зло взяло**, что и с собой совладать не могу. [т. 4, с. 102]

- Als ich erfuhr, daß sie am Sonntag vielleicht alles beschließen würden, **da packte mich so eine Wut**, daß ich mich kaum noch beherrschen konnte. [Ra1, с. 134]
- Als ich erfuhr, daß sie am Sonntag vielleicht die Sache endgültig abmachen würden, **packte mich die Wut**, so daß ich mich gar nicht beherrschen konnte. [E1]
- Als ich erfuhr, dass sie am Sonntag vielleicht die Sache zum Abschluss bringen würden, **da packte mich eine solche Wut**, dass ich alle Selbstbeherrschung verlor. [Rö1, с. 181]

Все три переводчика используют выражение *die Wut packte mich*, «ярость схватила меня», и такой перевод представляется эквивалентным. Степень адекватности переводов невелика, потому что понимание зла здесь сужается до эмоционального. С одной стороны, контекст подталкивает читателя именно к такому пониманию, с другой, – этого нельзя утверждать. На первый взгляд, переводчики стремятся к большей эквивалентности, передавая кажущуюся очевидной смысловую связь «злость – ярость / гнев», но при этом результат представляется менее адекватным, поскольку в нём исключена любая иная возможность прочтения.

Интересен следующий пример, в котором можно сравнить параллельно передачу лексем *обида* и *зло*:

(5) Я приехал к вам с тем, чтоб исколотить одного из них, офицера; но не удалось, не застал; **надо же было обиду на ком-нибудь выместить**, свое взять, ты [Лиза – Е. Ч.] подвернулась, **я над тобой и вылил зло** и насмеялся. [т. 5, с. 173]

- Ich aber fuhr zu euch, um einen von ihnen, den Offizier, zu verprügeln; das konnte ich nicht, ich fand ihn nicht mehr vor; **da mußte ich meine Wut an einem anderen Menschen auslassen**, du kamst mir in die Quere, und **so ließ ich denn meine Wut an dir aus**, indem ich einen anderen Menschen verspottete. [Ra2, с. 139]

- Ich aber fuhr zu euch, um einen von ihnen, den Offizier, zu verprügeln; das klappte nicht, ich traf ihn nicht mehr; **ich musste aber die Wut an irgend jemandem auslassen**, zu meinem Recht kommen, da bist du mir über den Weg gelaufen, und **so ließ ich denn meine Wut an dir aus und trieb meinen Spott mit dir**. [Ge, с. 134]

- Ich kam zu euch in der Absicht, einen von ihnen durchzuprügeln, den Offizier; aber das gelang mir nicht, da ich ihn nicht mehr antraf. **Da mußte ich meinen Ingrimm über die erlittene Kränkung an irgend jemandem auslassen**, jemandem meine Überlegenheit zu fühlen geben; du kamst mir in den Wurf, und **da goß ich denn meine Bosheit über dich aus** und machte mich über dich lustig. [Rö2]

У Разин и Элиасберга лексемой *Wut* переводится и *зло*, и обида («выместил обиду» – «вылил зло»). «Обида» также тесно связана с представлением о возникшей негативной эмоции по отношению к кому-либо, но употребление одинаковых лексем для перевода разных существительных, не являющихся синонимами, представляется неэквивалентным и неадекватным решением. Рёль использует для обиды и для *зла* разные лексемы: *der Ingrimm* (связана с эмоциональным озлоблением, синонимы – *Wut, heftiger Zorn* («ярость (злоба), сильный гнев»)) и уже встречавшееся выше как вариант перевода лексемы *зло* в значении «злой характер» существительное *die Bosheit*. Таким образом, если у двух первых переводчиков пара «обида – зло» передаётся через лексический дубликат *die Wut – die Wut* («ярость» – «ярость»), то в третьей паре *der Ingrimm – die Bosheit* («озлобление» – «злобность») Рёль как бы противопоставляет временную обиду постоянному свойству героя – злобному характеру, что не соответствует прагматике оригинального высказывания, и делает такой перевод неадекватным. Переводы Разин и Гайер могут считаться адекватными только в том случае, если абстрагироваться от прагматики конкретного произведения конкретного автора, обращаясь при работе с текстом почти исключительно со словарными данными и постулировать здесь контекстную синонимию «обиды» и «зла».

В следующем примере *зло* может пониматься как *злой* поступок, но не исключается и метафизические коннотации, особенно, если учитывать, что смышью ассоциирует себя герой повести ЗиП, подпольный человек, о метафизике в действиях и размышлениях которого писали исследователи творчества Достоевского²⁷:

(б) *Гадкое, низкое желаньице воздать обидчику тем же злом, может, еще и гаже скребется в ней, чем в l'homme de la nature et de la vérité.* [Т. 5, с. 104]

- Das gemeine, niedrige Wünschlein der Maus, **dem Beleidiger mit derselben Münze heimzuzahlen**, kann vielleicht noch heißer in ihr sieden als in diesem *homme de la nature et de la vérité.* [Ra2, с. 14]

²⁷ См., напр., [Ковалевская (Бузина), 2011].

- Der gemeine niedrige Wunsch, **dem Beleidiger mit derselben Münze heimzuzahlen**, macht sich in ihr noch widerlicher bemerkbar als in dem *homme de la nature et de la vérité*. [Ge, c. 11]
- Der häßliche, gemeine Wunsch, **dem Beleidiger Böses mit Bösem zu vergelten**, kann sie vielleicht noch heftiger peinigen als den *homme de la nature et de la vérité*. [Rö2]

Максимально эквивалентным (и максимально адекватным, ввиду употребления многозначной лексемы *Böses*) является лишь перевод Рёля, в двух других случаях мы встречаем перевод выражения «воздать тем же злом» через устойчивое выражение «отплатить той же монетой», которое, хотя и не содержит компонентов, буквально указывающих на негативное действие, тем не менее обычно употребляется применительно к *злым, недобрым* поступкам: за *добро* «той же монетой» не платят. В результате такого перевода из всего спектра пониманий контекста полностью исключается метафизическая составляющая, что делает переводы Разин и Гайер неадекватными.

3.2.3.2. Существительные *злоба* и *злость*

3.2.3.2.1. Существительное *злоба*

Существительные *злость* и *злоба* на первый взгляд не имеют метафизических коннотаций и относятся лишь к сфере социальных взаимоотношений. Но при этом они являются однокоренными со словом *зло*, и иногда, особенно при анализе однокоренных прилагательных, невозможно определить, например, является ли «злой человек» злым, потому что движим высшим злом, или потому что разозлился на что-то.

Выше в переводах мы уже сталкивались с тем, что лексема *die Wut* отождествляется с жидкостью: её можно «вылить» (пример (5)), так же она может мешать дышать («душит») или кипеть, как русские *ярость* или *гнев* (см. примеры (7) и (8) ниже):

(7) Иногда злоба меня просто душила. [т. 5, с. 129]

- Mitunter **raubte mir die Wut förmlich den Atem**. [Ra2, c. 59]

- Zuweilen **würgte die Wut mich** geradezu. [Ge, с. 56]
- Manchmal **war ich nahe daran, vor Wut zu ersticken**. [Rö2]

(8) *Страшная злоба против нее закипела вдруг в моем сердце*. [т. 5, с. 172]

- **Eine furchtbare Wut auf sie** erhob sich plötzlich in meinem Herzen. [Ra2, с. 138]
- **Ein schrecklicher Zorn auf sie** kochte plötzlich in meinem Herzen. [Ge, с. 133]
- **Ein furchtbarer Grimm gegen sie** wallte plötzlich in meinem Herzen auf. [Rö2]

В примере (7) эквивалентным можно считать только практически дословный перевод Гайер (у Разин *злоба* «отбирала дыхание», у Рёля *злоба* даже не является подлежащим: «я был близок к тому, чтобы задохнуться от злобы»). В примере (8) достаточно эквивалентны все три перевода. В обоих примерах русское *злоба* соответствует понятиям «ярость» и «гнев». Такие переводы можно считать адекватными только вне контекста: в произведениях Достоевского, и особенно в откровениях его героя «Записок из подполья», переводчик не должен исключать метафизические коннотации у слова *злоба*, сохраняющиеся в русском тексте за счёт морфологического родства со словом *зло*.

«Ярость» и «гнев» могут так же соответствовать в немецком языке лексеме *der Zorn*, которую мы встречаем во всех трех переводах примера (9):

(9) *He об этом, не об этом я тебя спрашиваю, палач! – закричал я, трясаясь от злобы*. [т. 5, с. 170]

- „Ach, nicht davon, nicht davon rede ich, Henker!“ **schrie ich zornbebend**. [Ra2, с. 133]
- „Es geht nicht darum, nicht darum, du Henker“, **schrie ich zornbebend**. [Ge, с. 128]
- „Das ist keine Antwort auf meine Frage, du Henkersknecht!“ **schrie ich, vor Zorn zitternd**. [Rö2]

Кроме самого существительного *der Zorn* у Рёля, корень *-zorn-* входит в композитное наречие *zornbebend* – «трясаясь от гнева» в переводах Разин и Гайер (в которых из-за употребления наречия вместо словосочетания можно говорить о снижении эквивалентности). Что касается адекватности перевода, то здесь

возникает следующий вопрос: герой повести «трясётся» от нахлынувшей злобы или от того, что он «злой человек», о чём он сам неоднократно заявляет в тексте? Общий корень у русских лексем позволяет оставить этот вопрос без ответа, или, точнее, «переложив ответственность за ответ» на читателя. Употребление «эмоциональных» немецких лексем с корнем *-zorn-* не оставляет такой возможности.

В следующих двух примерах так же нелегко однозначно сказать, имела ли в виду злоба постоянная или преходящая. Скорее всего, в примере (10) речь идёт всё-таки о временной злобе, то есть гнев и ярости, но утверждать этого нельзя, хотя подобную уверенность мы наблюдаем у Разин и Рёля:

(10) *И потому если [ростовщик – Е.Ч.] ругался иногда потом, то без всякой злобы, а так только, для очистки совести.* [Т. 4, с. 18]

- Und **wenn** er dann später auch mal **darüber schimpfte**, so tat er es **eigentlich ohne jeden Groll**; er schimpfte sich einfach aus, um sich das Herz zu erleichtern. [Ra1, с. 27]
- **Wenn** er daher zuweilen nachträglich **schimpfte**, so tat er es **ohne jede Bosheit**, sondern eher um einer Pflicht zu genügen. [El]
- Und **wenn** er auch manchmal nachher **schimpfte**, so tat er es **ohne allen Grimm**, nur zu Beruhigung seines Gewissens. [Rö1, с. 32]

Максимально эквивалентным является перевод Рёля: Разин и Элиасберг добавляют отсутствующее в оригинале сочетание «то делал это» (*so tat er es*). При этом единственной лексемой, при употреблении которой сохраняется возможность двоякого понимания, а значит, наиболее адекватным вариантом, является перевод при помощи существительного *die Bosheit* у Элиасберга.

В примере (11) допускается такое же разделение смыслов:

(11) *Он [старик-старовер] не уступал ничего из своих убеждений; но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было в его возражениях.* [Т. 4, с. 33]

- Er gab nicht das geringste von seinen Überzeugungen auf, aber **niemals habe ich irgendeine Mißstimmung oder einen Haß in seinen Entgegnungen wahrnehmen können.** [Ra1, с. 46]

- Er gab keine von seinen Überzeugungen preis, aber **in seinen Entgegnungen war nicht die geringste Bosheit, nicht der geringste Haß**. [E1]
- Er gab nichts von seinen Überzeugungen auf; **aber in seinen Er widerungen war nie etwas von Ärger oder Hass wahrzunehmen**. [Rö1, с. 59]

Перевод Разин, в отличие от переводов Элиасберга и Рёля, является неэквивалентным: «никогда я не слышал какой-либо злобы». При этом Разин и Рёль используют «эмоциональные» существительные, соответственно, *Missstimmung* («плохое возбужденное настроение») и *Ärger* («ярость»). Элиасберг переводит *злобу* как *Bosheit*, что допускает оба понимания, поэтому его перевод можно считать наиболее адекватным.

В следующем примере *злоба* скорее преходящая, такое состояние, согласно контексту, возникает в определённый момент:

(12) ... *желание заявить себя, свою приниженную личность, вдруг появляющееся и доходящее до злобы, до бешенства, до омрачения рассудка, до припадка, до судорог*. [Т. 4, с. 67]

- ... das Verlangen, diesen Menschen zu beweisen, seine erniedrigte Persönlichkeit hervorzukehren... **Dieses Bedürfnis erwacht plötzlich mit einer Wucht in ihm, die zur Raserei, zur Tollwut, zu völliger Besinnungslosigkeit, zu einem Anfall, einem Krampf werden kann**. [Ra1, с. 89]
- ... **der Wunsch**, sich irgendwie zu äußern und seine unterdrückte Individualität zu zeigen, ein Drang, **der sich bis zur Wut, bis zur Raserei, bis zum Wahnsinn, bis zu einem Krampfe steigern kann**. [E1]
- ... das Verlangen, sich zu zeigen, seine erniedrigte Persönlichkeit zur Geltung zu bringen, ein Verlangen, **das plötzlich hervortritt und bis zum Ingrimm, bis zur Raserei, bis zur Trübung der Denkkraft, bis zum Krampfanfall geht**. [Rö1, с. 118]

В примере (12), помимо уже встречавшихся «эмоциональных» существительных, в переводе Е.К. Разин наблюдаем лексему, еще теснее связанную с понятием нахлынувших негативных эмоций: *die Raserei* («неистовство, безумие, бешенство»); она же употребляется как соответствие именно «бешенству» в

переводах Элиасберга и Рёля. Поскольку в оригинале *злоба* и бешенство не являются в полном смысле синонимами, такой перевод неэквивалентен и в рамках нашего исследования неадекватен.

В следующих примерах мы приведём только те переводы, в которых наблюдается выраженное снижение эквивалентности, адекватности, либо и того, и другого:

(13) *Про Жеребятникова хоть и рассказывали довольно равнодушно, без особенной злости, но все-таки <...> не хвалили его.* [Т. 4, с. 150]

- Über Sherebjatnikow sprach man zwar ziemlich gleichgültig, ohne besondere Gehässigkeit, aber <...> man lobte ihn nicht. [E1]

Существительное *die Gehässigkeit*, «ненависть», в примере (13) является эквивалентным соответствием русскому *злоба*, поскольку подобное соответствие встречается в словарях, при этом перевод неадекватен, потому что передаёт только сему временной неприязни в эмоциях.

(14) *... что эта зависть, посещавшая меня в минуты злости, имела свое законное основание.* [Т. 4, с. 197]

- ... daß dieser Neid, der mich in trüben Augenblicken erfaßte, seinen guten Grund hatte. [Ra1, с. 259]

В примере (14) Разин отступает от обоих исследуемых критериев: «зависть, посещавшая меня в минуты *злости*» превращается в «зависть, охватывающая меня в мрачные моменты». Такой перевод можно считать как неэквивалентным, так и неадекватным, потому что «*злобу*» и «мрачные моменты» никак нельзя считать равнозначными соответствиями хотя бы потому, что *злоба* концентрируется внутри человека, а мрачные моменты могут окружать его снаружи и могут быть связаны не со *зlobой*, а, например, с тоской.

В следующем примере эквивалентность отсутствует в переводах Разин («без какого-либо злого чувства») и Рёля («не в злом настроении»), перевод Элиасберга можно считать эквивалентным:

(15) *Это отчуждение делается иногда совсем без злости со стороны арестантов, а так, бессознательно.* [Т. 4, с. 198]

- **Diese Ausscheidung** als Fremder **geschieht von seiten der Sträflinge zuweilen ohne jedes böse Gefühl**, völlig unbewußt. [Ra1, с. 261]
- **Diese Isolierung geschieht zuweilen ohne jede Gehässigkeit seitens der Arrestanten**, sondern irgendwie unbewußt. [E1]
- **Dieses Fernhalten vollzieht sich manchmal seitens der Sträflinge nicht in böser Gesinnung**, sondern ganz von selbst, unbewusst. [Rö1, с. 355]

Несмотря на сказанное об эквивалентности, употребление многозначного прилагательного с корнем *-bö-* у Разин и Рёля делает их переводы более адекватными, чем вариант Элиасберга.

В примерах (16) и (17) перевод снова неэквивалентен и не всегда адекватен:

(16) *Я думал: нет ли в этих словах какой-нибудь иронии, злости, насмешки?* [Т. 4, с. 207]

- Ich fragte mich: **liegt in diesen Worten nicht Ironie, Bitterkeit, Spott?** [Ra1, с. 272]

Разин использует здесь для *злости* лексему *Bitterkeit* – «горечь», теряя сему направленности эмоции вовне, даже если не учитывать более широкий потенциальный семантический объём русского существительного.

(17) ... *ни малейшего упрека, ни малейшего намека на упрек мы не слышали, никакой особенной злости не прибавилось.* [Т. 4, с. 207]

- ... nicht die leiseste Andeutung eines Tadels hörten wir, und **ihre Feindschaft gegen uns verstärkte sich nicht im mindesten.** [Ra1, с. 272]
- ... nicht die geringste Spur eines Vorwurfes bekamen wir zu hören, und **die Feindschaft gegen uns erfuhr keine besondere Verstärkung.** [Rö1, с. 371]

В примере (17) переводчики употребляют лексему *die Feindschaft*²⁸, «враждебность», которая включает в себя сему направленности вовне, однако не является эквивалентом *злости* в словарях. Сема направленности сохранена и в

²⁸ Корень *-feind-*, который в современном немецком языке связан в первую очередь с понятием социальной вражды, имеет и метафизические коннотации: *altnord. fjāndi 'Feind, Teufel'* (древнесканд. «враг, дьявол» (DWDS); ср. тж. английскую лексему *fiend*, о которой пойдёт речь в разделе 4.3.

примере (18) за счёт употребления существительного *der Hass* («ненависть»), но эквивалентом *злости* его считать нельзя:

(18) Злоба моя даже укреплялась и разрасталась с годами. [Т. 5, с. 129]

- **Mein Haß** vertiefte sich und wuchs noch mit den Jahren. [Ra2, с. 59]

Кроме того, отметим, что все выделенные в примерах (16) – (18) немецкие лексемы указывают на то, что переводчики считают такую злобу временной, «эмоциональной», что не очевидно, поэтому признать такие варианты адекватными нельзя.

3.2.3.2.2. Существительное *злость*

Слово *злость*, как и *злоба*, само по себе – то есть вне конкретного произведения, связано в первую очередь с эмоциональным аспектом межчеловеческого взаимодействия, и в переводах мы так же часто встречаем «эмоциональное» существительное *die Wut*, а кроме него – перечисленные выше лексемы, которые использовали переводчики для передачи понятия *зла* как *злой* эмоции или *злости*:

(1) Я было сконфузился, да злость уж меня сильно взяла. <...> Да ты мне, говорю, хорошей водки давай. – Злость-то, значит, меня уж очень берет. [Т. 4, с. 102]

- Ich war schon im Begriff, mich verwirren zu lassen, aber **da geriet ich wieder in Wut**. <...> „Gib mir guten Branntwein“, sage ich. **Die Wut, wie man so sagt, ergriff mich schon gar zu heiß.** [Ra1, с. 135]
- Ich war etwas verwirrt, **aber die Wut packte mich**. <...> „Du sollst mir aber guten Branntwein geben,“ sage ich ihm. **Die Wut packt mich immer mehr.** [E1]
- Einen Augenblick lang würde ich verlegen; aber **dann überkam mich eine heftige Wut**. <...> „Gib mir aber guten Branntwein!“ sagte ich. **Nämlich meine Wut wurde immer größer.** [Rö1, с. 182]

В данном контексте угадывается представление о временности эмоции, но здесь переводчики отклоняются от эквивалентности в контекстном окружении лексемы: «*злость* взяла» и «*злость* берёт» Разин передаёт, соответственно, как «я впал в ярость» и «ярость охватила меня горячо», Элиасберг – как «ярость охватила меня»

и «ярость охватывает меня ещё больше», а Рёль – как «на меня напала сильная ярость» и «моя ярость становится всё больше». Таким образом, наиболее эквивалентным является перевод Элиасберга, двое других переводчиков отступают от принципа эквивалентности без видимых причин. Адекватным такое соответствие можно считать только при постулировании у слова *злость* отсутствия иных потенциальных смыслов.

В примере (2) встречаем все три перевода не эквивалентны:

(2) ... *сплетни, интриги, бабьи наговоры, зависть, свара, злость* были всегда на первом плане в этой кромешной жизни. [Т. 4, с. 13]

- ... und so waren denn **Klatsch, Intrigen, Verleumdungen, Neid, Hader und jede Niedertracht** in diesem Höllenleben an der Tagesordnung. [Ra1, с. 21]

- ... und darum standen **Klatsch, Intrigen, Verleumdungen, Neid, Zwietracht und Haß** im Vordergrund dieses Höllenlebens. [E1]

- ... und so standen denn **Klatschereien, Intrigen, weibische Verleumdungen, Hass, Hader und Feindschaft** in diesem Höllenleben immer im schönsten Blüte. [Rö1, с. 24]

Вариант Разин, существительное *die Niedertracht*, соответствует русским понятиям «подлость» и «низость», и его перевод ЕП нельзя считать ни эквивалентным, ни адекватным. Два других варианта («ненависть» у Элиасберга и «враждебность» у Рёля) более адекватны ввиду наличия у «ненависти» и «враждебности» смыслового компонента «эмоция», но полностью адекватными их считать нельзя.

Злость как постоянная черта характера, а не как нахлынувшее чувство, намного чаще переводится лексемой *die Bosheit*, а не *die Wut*. В примере (3) переводчики подтверждают это, и все три перевода являются эквивалентными:

(3) *Это я наврал про себя давеча, что я был злой чиновник. Со злости наврал.* [Т. 5, с. 100]

- Das habe ich übrigens vorhin gelogen, daß ich ein **böser Beamter** gewesen sei. **Aus Bosheit hab ich's gelogen.** [Ra2, с. 7]

- Übrigens habe ich mich vorhin verleumdet, als ich sagte, daß ich ein **boshafter Beamter** gewesen sei. **Aus Bosheit habe ich gelogen.** [Ge, с. 5]

- Wenn ich vorhin von mir selbst gesagt habe, **ich sei ein boshafter Beamter gewesen**, so habe ich damit gelogen, **aus Bosheit gelogen**. [Rö2]

Относительно примера (3) следует сделать два следующих замечания. Во-первых, что именно подразумевает Достоевский в словосочетании «*злой* чиновник» – метафизическое, социально-постоянное или социально временное зло? Во-вторых, два этих высказывания, стоящие рядом, заставляют читателя задаться и другим вопросом: как человек «со злости» может «наврать», что он «злой»? Так злой он или нет? Если «наврал», то нет, но наврал он «со злости», значит, он всё-таки «злой»? Ответ на первый вопрос переводчики в достаточно адекватной мере «оставляют на откуп» и читателям немецкого текста: лексем с корнем *-böös-*, повторяющиеся в каждом из трёх переводов, как и однокоренные русские слова *злой* и *злость* в оригинале, – допускают любое из трёх пониманий. Ответ на второй вопрос переводчику не требуется: каждый читатель, как носитель русского, так и носитель немецкого языка, волен решать его для себя самостоятельно, и адекватность переводческих решений позволяет сделать это.

В примере (4) нет контекстных указаний на то, какой именно потенциально возможный смысловой компонент русского слова *злость* требуется реализовать в переводе в том случае, если переводчик по каким-либо причинам не выбирает вариант перевода среди лексем с корнем *-bo/ös-*:

(4) **Злости-то в ней [в подпольной мышши], может, еще и больше накопится, чем в *l'homme de la nature et de la vérité***. [т. 5, с. 104]

- **Wut kann sich in ihr vielleicht noch mehr ansammeln** als in einem homme de la nature et de la vérité. [Ra2, с. 14]
- **Bosheit kann sich in ihr noch mehr ansammeln** als in dem homme de la nature et de la vérité. [Ge, с. 11]
- **Ingrimm sammelt sich in ihr vielleicht noch mehr an** als in dem homme de la nature et de la vérité. [Rö2]

Эквивалентными на уровне лексического соответствия могут считаться все три варианта. Несущественную синтаксическую неэквивалентность выделенной ЕП, не влияющую на общий смысл, можно отметить во всех трёх переводах. При этом

выбор существительного *die Bosheit* у Гайер допускает все возможные понимания, поэтому её перевод ЕП можно считать максимально адекватным. Разин и Рёль выбирают менее адекватные варианты, связанные исключительно с эмоциональной *злостью*.

В примере (5) *злость*, по-видимому (т.е., судя по контексту), подразумевает нахлынувшую эмоцию, от которой можно задрожать:

(5) *Но как только я увидел эту первую вспышку оскорбленного достоинства, я так и задрожал от злости и тотчас же прорвался.* [Т. 5, с. 173]

- Kaum aber sah ich dieses erste Anzeichen einer beleidigten Würde, da **erzitterte ich geradezu vor Wut** und verlor – sofort meine letzte Selbstbeherrschung. [Ra2, с. 139]
- Kaum aber sah ich diesen ersten Funken gekränkter Würde, als **ich vor Bosheit förmlich zu zittern begann** und es sofort mit mir durchging. [Ge, с. 134]
- Aber sowie ich diese erste Äußerung beleidigter Würde wahrnahm, **fieng ich an zu zittern vor Bosheit** und brach sofort los. [Rö2]

Здесь наиболее эквивалентным является перевод Разин, в то время как Гайер и Рёль добавляют в свои варианты глагол «начал» (дрожать), что формально, но несущественно для общего смысла снижает эквивалентность. При этом, если исходить из предположения, что *злость* здесь только эмоциональная, все три перевода можно считать адекватными, но в рамках данного исследования большая адекватность присуща переводам Гайер и Рёля ввиду использования семантически многозначного существительного *die Bosheit*.

Лексема *злость* в русском языке может употребляться в устойчивом сочетании, означающем «изо всей силы» с добавлением семы ярости. Если предположить, что *злость* здесь именно сила + ярость, то адекватным выглядит использование всеми переводчиками существительного *die Wut* и его адъективного деривата *wütend*, «яростно» (при этом последний вариант не будет считаться эквивалентным):

(6) ... изо всей злости били потом [палками – Е.Ч.], так били, что в другой раз две тысячи легче... [Т. 4, с. 146]

- ... **da rissen sie, was sie nur reißen konnten, aus voller Wut**, so daß ein andermal selbst zweitausend leichter sind... [Ra1, с. 195]
- ... bei den letzten Zweihundert **schlugen sie mich aus Wut** so, daß es schrecklicher war als gewöhnliche Zweitausend Spießbruten... [E1]
- Nun bleiben noch die letzten zweihundert; **sie schlugen mich wütend aus voller Kraft**, schlugen mich so, dass sonst zweitausend leichter zu ertragen waren als diese zweihundert. [Rö1, с. 261]

Перевод Разин *aus voller Wut* является достаточно эквивалентным, Элиасберг отступает от эквивалентности, опуская компонент «изо всей» (*aus Wut*), нарушение эквивалентности наблюдается и у Рёля, который переводит «изо всей злости» как «яростно изо всей силы». Адекватными можно признать все три перевода, только если снова ограничиться здесь пониманием *зла* как злой эмоции.

3.2.3.3. Прилагательные *злой* и *злойный*

3.2.3.3.1. Прилагательное *злой*

Русские прилагательные *злой* и *злойный* могут выступать как синонимы в тех контекстах, где они относятся к характеристике человеческой натуры и средств выражения эмоций: *злой / злобный человек, злое / злобное лицо*. В случае если прилагательное относится, например, к характеристике метафизических объектов (духи или силы), употребляется только лексема *злой*. В немецком языке наиболее универсальным (встречающимся во всех значениях) соответствием прилагательному *злой* во всех указанных случаях является лексема *böse*, она же может быть соответствием прилагательному *злойный*. Единственным встретившимся примером исключительно «метафизического» употребления прилагательного *злой* является следующий:

(1) ... я ничего не мог узнать о нем предварительно, кроме того, что на сцене появляются злые духи и уносят Кедрила в ад. [Т. 4, с. 119]

- ... so konnte ich vorläufig nichts Näheres erfahren, ausgenommen das eine, dass auf der Szene **böse Geister** erschienen und **den Vielfrass Kedrill in die Hölle schleppen**. [Ra1, c. 156]
- ... so konnte ich trotz meiner Bemühungen, vorher nicht mehr darüber erfahren, als daß darin **böse Geister** auftreten und **den Kedrill in die Hölle schleppen**. [E1]
- ... so konnte ich trotz meines lebhaften Wunsches über diesels Stück nichts im voraus erfahren, außer **dass böse Geister** auf der Bühne erscheinen und **Kedril in die Hölle schleppen**. [Rö1, c. 212]

Все три перевода примера (1) можно считать эквивалентными и адекватными. При этом можно привести пример, в котором Достоевский использует синоним словосочетания «злые духи» – лексему «черти», которую Разин по-прежнему передаёт как «злые духи» в примере (2):

(2) ... *трактирщик, Нецветаев, предуведомляет, что в комнате водятся черти*. [т. 4, с. 126]

- Der Wirt, Nezwetäjeff, fühlt sich verpflichtet, dem Herrn mitzuteilen, daß **es in seinem Zimmer böse Geister gebe**. [Ra1, c. 165]
- Der Gastwirt, Nezwetajew, teilt dem Gast warnend mit, daß **es im Zimmer Teufel gebe**, und verschwindet. [E1]
- Der Wirt, Nezwetajew, macht im voraus darauf aufmerksam, dass **dieses Zimmer ein Tummelplatz von Teufeln sei**. [Rö1, c. 224]

Здесь по-прежнему все три перевода являются адекватными, но Разин при этом отступает от принципа эквивалентности. Оценка адекватности при разных «наименованиях» чертей в русском и немецком языках связана с прилагательными *злой* и *böse*, которые могут выразить в обоих языках значение «метафизически злой». Немецкое прилагательное *böse* в форме субстантива также используется для обозначения дьявола как уникальной метафизической фигуры (хотя в русском языке дьявол не *злой*, а *лукавый*: ...*sondern erlöse uns vom Bösen!* – *но избави нас от лукавого!*)²⁹

²⁹ <https://www.bibleserver.com/de/verse/Matthäus6,13>

Как было показано выше, в разных значениях существительные *зло* и *злоба* наиболее часто переводятся на немецкий язык не только лексемами с корнем *-bo/ös-*, но и «эмоциональными» существительными, такими как *die Wut, der Ärger* и некоторыми другими. Адъективная характеристика *злой* так же может переводиться как прилагательным *böse* (или однокоренными прилагательными), так и лексемами *wütend* или *ärgerlich*:

(3) Сам по себе он (майор) только был **беспорядочный и злой человек**, больше ничего. <...> **Невоздержный, злой**, он врывался в острог даже иногда по ночам. [Т. 4, с. 28]

- An sich war er nur ein **unordentlicher und böser Mensch**, und weiter nichts. <...> Zuweilen **stürzte er unbeherrscht, böse**, mitten in der Nacht in unseren Ostrogg. [Ra1, с. 40]
- An sich war er nur **ein unordentlicher und böser Mensch**, sonst nichts. <...> **Unbeherrscht und wütend** überfiel er das Zuchthaus manchmal sogar nachts. [E1]
- An sich war es nur **ein schlechter Mensch ohne Selbstzucht**, weiter nichts. <...> **Boshaft, wie er war, und unfähig, sich zu beherrschen**, kam er manchmal sogar nachts in das Gefängnis hereingestürmt. [Rö1, с. 49]

В примере (3) прилагательное *злой* встречается в оригинале дважды, при этом в обоих случаях возможны различные понимания: при первом вхождении прилагательного *злой* неясно, имеется в виду метафизика или свойство характера. При втором вхождении допустимо смешение смыслов «злой по характеру» и «злой в определенный момент» (когда врывался в острог). Употребление Разин в обоих случаях многозначной лексемы *böse* позволяет объединить в одном корне все допустимые понимания, что делает перевод как эквивалентным, так и адекватным. Степень адекватности ниже у Элиасберга, где он ограничивает понимание употреблением во втором вхождении «эмоциональной» лексемой *wütend*. Перевод Рёля не только неадекватен, но и неэквивалентен: при первом вхождении «невоздержанный и злой человек» переводится как «плохой человек без самообладания».

В примере (4) речь, скорее всего, идёт о злом характере (предположить это можно на основании расширенного контекста: «*впрочем, трезвый смирен; когда же напьется, то весь наружу; на людей с ножом кидается*» [т. 4, с. 32]); то есть речь идёт о внутренней злобе, которая сдерживается в трезвом состоянии рассудка и прорывается наружу под воздействием алкоголя), но, как уже неоднократно говорилось выше, допустимо и наличие метафизических коннотаций:

(4) Он (Газин – Е. Ч.) торгует здесь вином. Когда наторгует денег, тотчас же их пропивает. **Он жесток и зол.** [т. 4, с. 32]

- Er handelt hier mit Branntwein. Hat er genug verdient, so vertrinkt er sofort das ganze Geld an einem Tage. **Er ist grausam und böse.** [Ra1, с. 44]
- Gasin, der hier den Schnapsverkauf hat. Sobald er etwas Geld verdient, vertrinkt er es sofort. **Er ist grausam und boshaft.** [El]
- „Er handelt hier mit Branntwein. Wenn er mit seinem Handel Geld verdient hat, vertrinkt er sich sofort wieder. **Er ist dann roh und wild.** [Rö1, с. 56]

Ввиду сказанного выше, переводы Разин и Элиасберга адекватны и эквивалентны, перевод Рёля же лишён и той, и другой составляющей: «жесток и зол» он передаёт как «груб и бешен». При этом важно отметить, что в переводе Рёля присутствует элемент, которого нет в оригинале: наречие *dann* – «тогда». Таким образом, его перевод дословно означает «Тогда он [становится – Е. Ч.] грубый и бешеный» (указание на временность: «тогда» – в какой-то конкретный момент, например, выпив), что неверно, потому что в оригинале такого указания нет. По-видимому, с таким неверным пониманием контекста и связано неадекватное употребление «эмоциональной» лексемы, связанной со временным состоянием духа.

Интересны как с точки зрения словоупотребления в оригинальном тексте, так и с точки зрения перевода примеры (5) и (6):

(5) Я злой человек. [т. 5, с. 99]

- Ich bin ein **schlechter** Mensch. [Ra2, с. 5]
- Ich bin ein **böser** Mensch. [Ge, с. 3]
- Ich bin ein **schlechter** Mensch. [Rö2]

(6) Я был **злой** чиновник. [т. 5, с. 99]

- Ich war ein **bösartiger Beamter**. [Ra2, с. 6]
- Ich war ein **boshafter Beamter**. [Ge, с. 3]
- Ich war ein **boshafter Beamter**. [Rö2]

В четырех вариантах из шести мы встречаем прилагательные с корнем *-bö/os-*, однако именно «злого человека», в отличие от «злого чиновника» переводчики дважды характеризуют при помощи более «общей» лексемы *schlecht* – «плохой», не являющейся ни эквивалентным, ни адекватным соответствием прилагательному *злой*. Более того, в обоих примерах неясно, ни какое из значений характеристики «злой» вложено в оба примера, ни является ли оно единственно возможным. Поскольку ответ на второй вопрос для творчества Достоевского скорее отрицательный, наиболее адекватными здесь являются перевод Гайер примера (5) и все три перевода примера (6).

Пример неадекватного и неэквивалентного перевода прилагательного *злой* мы находим в следующем контексте:

(7) *Служанка моя – деревенская баба, старая, **злая от глупости**, и от нее к тому же всегда скверно пахнет*. [т. 5, с. 101]

- Meine Aufwartefrau ist ein Weib vom Lande, ein altes, **das vor Dummheit frech geworden ist** und zudem noch abscheulich riecht. [Ra2, с. 9]
- Meine Aufwartefrau – ein Bauernweib, alt, **vor lauter Dummheit böse**, zudem noch ständig unausstehlich riechend. [Ge, с. 6]
- Meine Aufwärterin ist ein altes Bauernweib, das **vor lauter Dummheit boshaft** ist und überdies immer häßlich riecht. [Rö2]

Разин переводит словосочетание «злая баба» как «нахальная», «наглая» (*frech*). Ни *наглый*, ни *нахальный* не эквивалентны русскому понятию *злой*, и перевод Разин можно считать неадекватным. Переводы Гайер и Рёля адекватны, но несколько неэквивалентны ввиду добавленного ими слова *lauter*: *vor lauter Dummheit* – «от чистой глупости», «от одной лишь глупости».

Злым может быть не только человек, но и способы выражения его *злостности* и *злости*, как постоянной, так и временной (*злой смех, взгляд, тон, злое лицо*):

(8) *Багровое, угреватое и злое лицо его [майора – Е.Ч.] произвело на нас чрезвычайно тоскливое впечатление.* [Т. 4, с. 214]

- **Sein rotes, finniges und böses Gesicht** machte auf uns einen äußerst unerfreulichen Eindruck. [Ra1, с. 279]
- **Sein blaurotes, von Finnen übersätes, böses Gesicht** machte auf uns einen höchst bedrückenden Eindruck [E1]
- **Sein dunkelrotes, von Pickeln übersätes, grimmiges Gesicht** machte ein uns einen höchst unerfreulichen Eindruck. [Rö1, с. 382]

Полностью эквивалентным, а также адекватным можно считать перевод Разин. Перевод Элиасберга является менее эквивалентным: «угреватый» он переводит как «усыпанный угрями», но это не снижает адекватности. Снижается последняя (как и эквивалентность: «угреватый» – «усыпанный прыщами») у Рёля, где переводчик ограничивает понимание характеристики «злой» «эмоциональной» лексемой *grimmig*.

На первый взгляд, именно «временная» *злость* встречается в примере (9), где герой Газин *злой*, потому что в данный момент пьяный:

(9) – *А что, (Газин) крепко пьян? – Куды! Злой, пристаёт.* [Т. 4, с. 32]

- „Wie, ist er steif besoffen?“ „Was – steif! Noch längst nicht! **Wild ist er geworden, zudringlich, gefährlich.**“ [Ra1, с. 44]
- „...Ist er denn sehr betrunken?“ „Und wie! **Ist schon ganz wütend und greift alle an.**“ [E1]
- „Aber ist er den besinnungslos betrunken?“ „Bewahre! **Er ist wütend und krakeelt.**“ [Rö1, с. 55]

Тем не менее, при разборе примера (4) в данном разделе мы отмечали, что Газин является сам по себе *злым*, а не временно разозлённым человеком. Поэтому относительно эквивалентным можно признать только перевод Рёля («он зол и буянит»). Адекватным же, ввиду выбора исключительно «эмоциональных» лексем, не является ни один перевод.

В примере (10) перевод Рёля («своим бессмысленно жестоким обращением») неэквивалентен и неадекватен:

(10) Он только озлоблял уже озлобленных людей **своими бешеными, злыми поступками...** [Т. 4, с. 14]

- **Durch seine rasenden, wilden Handlungen** verbitterte er nur diese ohnehin schon erbitterten Menschen... [Ra1, с. 22]
- Er erbitterte nur die schon ohnehin erbitterten Menschen **durch seine rasenden, bösen Handlungen...** [E1]
- Er erbitterte nur Menschen, die ohnehin schon erbittert waren, noch mehr **durch seine sinnlos harte Behandlung...** [Rö1, с. 25]

Перевод Разин неадекватен по той же причине, а также неэквивалентен в виду передачи характеристики «злой» как «дикий». Перевод Элиасберга можно признать эквивалентным и адекватным.

В том случае, когда в контексте употребления лексемы *злой* имеется в виду интенсивность причиняемых страданий³⁰ (ср. «изо всей злости били» в примере (6) в § 2.3.2), все три перевода являются неэквивалентными:

(11) И чем дальше к лету, **тем злее и злее они [блохи – Е. Ч.] становятся.** [Т. 4, с. 182]

- Und je mehr der Sommer vorrückte, **um so schlimmer wurde die Plage.** [Ra1, с. 240]
- Je weiter wir in den Sommer kamen, **um so wütender wurden sie.** [E1]
- Und je mehr wir in den Sommer hineinkamen, **um so bösartiger wurden sie.** [Rö1, с. 326]

Разин в данном случае прибегает к описательному переводу: *um so schlimmer wurde die Plage* – «тем хуже становилось мучение», чем снова демонстрируется связь *зла* и чего-либо плохого (*schlecht, schlimm*). Варианты Элиасберга и Рёля более эквивалентны за счёт использования прилагательных *wütend* и *bösartig*. Синтаксическая неэквивалентность объясняется здесь тем фактом, что в немецком языке нераспространенно удвоение прилагательных в сравнительной степени (ср.

³⁰ См. примечание 15 в разделе 2.3.2.5.

immer besser – «всё лучше и лучше»), то есть она обусловлена структурными расхождениями в разных языках. Что касается адекватности перевода, то мы склоняемся считать более адекватным вариант Рёля, в котором используется максимально многозначная композитная лексема, включающая корень *-bö-*.

3.2.3.3.2. Прилагательное *злой*

Неэквивалентность отмечается во всех трёх переводах следующего примера:
(1) Он [Зверков – Е. Ч.] потом еще несколько раз одолевал меня, но без злобы, а как-то так, шутя, мимоходом, смеясь. Я злойно и презрительно не отвечал ему. [Т. 5, с. 136]

- Später besiegte er mich noch mehrmals, doch eigentlich ganz ohne Bosheit, mehr scherzend, so im Vorübergehen, lachend. **Ich tat, als ob ich ihn verachtete, und schwieg.** [Ra2, с. 72]
- Später behielt er noch öfter die Oberhand, doch ohne Bosheit, irgendwie scherzend, im Vorbeigehen, lachend. **Ich verharrte in grimmigem und verächtlichem Schweigen.** [Ge, с. 69]
- Er trumpfte mich später noch einige Male ab, aber ohne Bosheit, sondern bloß so im Scherz, en passant, mit lachendem Munde. **Aus Ärger und Geringschätzung gab ich ihm keine Antwort.** [Rö2]

Гайер и Рёль переводят «злойно ... не отвечал» как, соответственно, «упорствовал в злобом молчании» и «от злости я не дал ему ответа». Разин ещё дальше отступает от принципа эквивалентности, при этом понижается и адекватность перевода: *Ich tat, als ob ich ihn verachtete, und schwieg* – «я делал вид, что я его презирал, и молчал» (из презрения никак не следует наличие *злобы*). Адекватными также нельзя признать все три варианта: у Разин *злойности* нет вовсе, у Гайер и Рёля понимание *злобы* ограничивается «эмоциональным» в виду использования лексем с корнями *-grimm-* и *-ärger-*.

В следующих двух примерах за счёт объединения всех возможных пониманий *злойности* в корне *-bö-*, адекватным можно считать лишь перевод Гайер примера (2):

(2) – *Вот и помрешь. – Ну и помру, – **ответила она совсем уж злобно** и быстро пошевельнулась.* [Т. 5, с. 154]

- „Nun, und dann wirst du eben sterben.“ – „Nun, dann werde ich eben sterben!“ **sagte sie wütend** und bewegte sich hastig. [Ra2, с. 105]
- „Nun, und dann wirst du eben sterben.“ – „Dann werde ich eben sterben!“ **antwortete sie, nun ganz böse**, und machte eine heftige Bewegung. [Ge, с. 101]
- „Siehst du, dann wirst du sterben.“ – „Na, dann sterbe ich!“ **antwortete sie, nunmehr ganz ärgerlich**, und bewegte sich schnell hin und her. [Rö2]

(3) ... *он <...> вдруг, **злобно** взглянув на меня, бросился бежать в противоположную сторону.* [Т. 4, с. 7]

- ... und plötzlich stürzte er, **nach einem wütenden Blick auf mich**, in der entgegengesetzten Richtung davon. [Ra1, с. 10]
- ... er <...> **warf mir** plötzlich **einen gehässigen Blick zu** und rannte in die entgegengesetzte Richtung davon. [E1]
- ... er <...> **blickte mich grimmig an** und lief plötzlich nach den entgegengesetzten Seite davon. [Rö1, с. 12]

Лексемы *grimmig*, *wütend* и *ärgerlich* в обоих примерах связаны со временной злобой, за счёт чего содержащие их варианты перевода нельзя считать адекватными: исключается допустимое понимание постоянной *злобы*. Что касается эквивалентности, то в примере (2) она является наименьшей у Разин (отсутствует компонент «совсем уж», а вместо «ответила» употреблён глагол «сказала»). В примере (3) невозможно добиться полной эквивалентности ввиду того, что в немецком языке отсутствует такая часть речи как деепричастие. По этой же причине не могут быть полностью эквивалентны переводы примеров (4):

(4) – *Ишь, безобразный человек! – проворчал шедший подле меня хохол, с **злобным презрением** скосив на него глаза.* [Т. 4, с. 72]

- „Sieh einer, so'n blödsinniger Mensch!“ knurrte der neben mir gehende Kleinrusse, **der ihn mit gehässiger Verachtung von der Seite ansah**. [Ra1, с. 96]
- „Ist das ein ekelhafter Kerl,“ brummte der neben mir gehende Kleinrusse, **indem er ihn mit gehässiger Verachtung von der Seite ansah**. [E1]

- „Nein, was für ein widerwärtiger Mensch!“ brummte der neben mir gehende Kleinrusse und **blickte zornig und verächtlich von der Seite nach ihm hin**. [Rö1, с. 137]

Адекватными все три перевода можно признать только в том случае, если исходить из предположения, что «скосить глаза со злобным презрением» возможно в том случае, если этот жест – проявление эмоциональной злобы: *gehässig* – «с ненавистью»³¹ – у Разин и Элиасберга и *zornig* – «гневно» – у Рёля. Вариант Рёля при этом абсолютно неэквивалентен не только по причине расхождения языковых структур: «посмотрел гневно и с презрением в его сторону».

Все три перевода примера (5) неэквивалентны:

(5) *Чеченец был мрачное и угрюмое существо; почти ни с кем не говорил и постоянно смотрел вокруг себя с ненавистью, исподлобья и с отравленной, злобно-насмешливой улыбкой*. [Т. 4, с. 50]

- Der Tschetschenze war ein finsterer, mürrischer Mensch, der fast nie sprach und beständig **unter der Stirn hervor haßerfüllt auf seine Umgebung sah und dazu widerlich boshaft und höhnisch lächelte**. [Ra1, с. 68]
- Der Tschetschenze war ein düsteres, mürrisches Geschöpf; er sprach fast mit niemand und **blickte immer gehässig mit gerunzelter Stirn und einem giftigen, höhnischen Lächeln** um sich. [El]
- Der Tschetschene war ein finsterer, mürrischer Mensch; er sprach fast mit niemand, **blickte beständig unter der Stirn hervor hasserfüllt um sich und lächelte dabei in einer giftigen, boshaft spöttischen Manier**. [Rö1, с. 89]

Перевод Разин при этом можно считать достаточно адекватным: «смотрел с отравленной злобно-насмешливой улыбкой» она переводит как «смотрел и улыбался отвратительно злобно и насмешливо», используя для «злобно» лексему с корнем -bos-. В переводе Элиасберга выделенная ЕП переведена как «смотрел ненавистливо с наморщенным лбом и ядовитой насмешливой улыбкой»,

³¹ В текстах Достоевского встречается прилагательное «ненавистливый» (ср. *Между угрюмыми и ненавистливыми лицами остальных каторжных я не мог не заметить тоже несколько добрых и веселых*. [Т. 4, с. 57]).

компонента «злбно» нет вовсе, поэтому адекватным его признать нельзя. В переводе Рёля переданы все характеристики улыбки: «отравленная» (*giftig*), «злбная» (*boshaft*), «насмешливая» (*spöttisch*), поэтому его можно считать адекватным, но он так же не эквивалентен: «улыбался в отравленной, злбной, насмешливой манере».

3.3. Композитные лексемы с корнем -зл-

Интересным для дальнейшего исследования нам представляется вопрос об адекватности и эквивалентности в переводах композитных лексем с исследуемыми корнями. Какое именно «добро» заключается в лексеме *добродетель* – «делание добра»? Какое именно «зло» предвещается в семантике лексемы *зловещий*? Поскольку в работе мы исследуем в первую очередь простые, однокорневые лексем, для примера анализа композитов мы отберём лишь несколько близких в словообразовательном смысле слов с корнем -зл-, а именно, *злодей*, *злодеяние* и *злодейство*. Почти все контексты их употребления встретились нам в тексте произведения ЗиМД, где повествование развивается вокруг арестантов-каторжников, отбывающих наказание за преступления, и подавляющем большинстве случаев переводные соответствия русскому *злодей* в немецких переводах – *der Verbrecher*, «преступник», а *злодеяние* или *злодейство* – *das Verbrechen*, «преступление». При этом, например, в словаре [БНРС] для лексем *Verbrecher* и *Verbrechen* не приводятся соответствий *злодей* и *злодеяние*: это именно «преступник» и «преступление» [БНРС, т. 2, с. 741], а в словаре [РНС] в качестве соответствия русскому *злодей* представлены существительные *der Bösewicht*, *der Missetäter* и *der Verbecher* [РНС, с. 163]. Таким образом, в соответствии со словарными данными, перевод слов *злодей* и *злодеяние* как, соответственно, *der Verbrecher* и *das Verbrechen* мы можем считать эквивалентным переводом на уровне лексем, и такой перевод мы встречаем как минимум в одном из трёх случаев для каждого контекста. Тем не менее, внутренняя этимология русского композита *злодей* (и его производных) включает в себя две основы, происходящие от понятий «зло» и «деяние», и основу *зло* можно понимать

максимально широко: это и социальное зло, так как *злодей* в исследуемых текстах – человек, и, видимо, метафизическое зло тоже. Адекватными соответствиями немецкие лексемы с корнем *-verbrech-*³² можно считать лишь прагматически, так как *преступник* всегда совершает («*деет*») какое-либо зло. Тем не менее, в исследуемых переводах встретились варианты, которые можно считать и менее, и более адекватными и по своей внешней форме (ср. перевод Рёля примера (1)):

(1) *Это был злодей, каких мало, резавший хладнокровно стариков и детей.* [Т. 4, с. 47]

- Es war **ein Verbrecher**, wie es deren nicht viele gibt, einer, der kaltblütig Greise und Kinder mordete. [Ra1, с. 64]
- Er war **ein Unmensch**, wie es ihrer wenig gibt, der kaltblütig Greise und Kinder abschlachtete. [E1]
- Er war **ein Bösewicht**, wie es ihrer wenige gibt, ein Verbrecher, der kaltblütig Greise und Kinder mordete. [Rö1, с. 82-83]

(2) *Конечно, остроги и система насильных работ не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие.* [Т. 4, с. 15]

- Daß das System der Gefängnisstrafe und die Zwangsarbeit keinen einzigen Verbrecher bessert, ist wohl selbstverständlich: sie „bestrafen“ ihn nur und **sichern die Gesellschaft vor weiteren Anschlägen des Bösewichts auf ihre Freiheit und ruhige Sicherheit.** [Ra1, с. 23]
- Die Zuchthäuser und das System der Zwangsarbeit bessern die Verbrecher natürlich nicht; sie strafen sie nur und **schützen die Gesellschaft vor ferneren Attentaten des Verbrechers auf ihre Sicherheit.** [E1]
- Natürlich haben die Gefängnisse und das System der Zwangsarbeit nicht die Wirkung, den Verbrecher zu bessern; sie bestrafen ihn nur und **sichern die menschliche Gesellschaft vor weiteren Attentaten des Bösewichts auf ihre Ruhe.** [Rö1, с. 27]

---

³² По своему происхождению лексема связана с глаголом *brechen* – «ломать».

(3) Я несколько лет прожил *среди убийц, развратников и отъявленных злодеев...*

[Т. 4, с. 63]

- Ich habe lange Jahre **unter Mördern, Wollüstringen und den abgefieimtesten Spitzbuben** gelebt... [Ra1, с. 84]
- Ich habe mehrere Jahre **unter Mördern, Wüstlingen und den schlimmsten Verbrechern** zugebracht... [E1]
- Ich habe mehrere Jahre lang **unter Mördern, Wüstlingen und Bösewichten schlimmster Art gelebt...** [Rö1, с. 111-112]

(4) Я видел в Тобольске *знаменитого своими злодеяниями разбойника Каменева.*

[Т. 4, с. 40]

- Ich habe in Tobölsk **den berüchtigten Verbrecher Kämenjeff** gesehen³³. [Ra1, с. 55]
- Ich sah zu Tobolsk den **wegen seiner Verbrechen berühmt gewordenen Raubmörder Kamenew.** [E1]
- Ich habe in Tobolsk **den durch seine Übeltaten berüchtigen Räuber Kamenew** gesehen. [Rö2, с. 71]

В качестве переводных соответствий существительному *злодей*, отличных от *Verbrecher*, мы встречаем лексемы *der Bösewicht*, *der Unmensch* и *der Spitzbube*, а для *злодеяния* – *die Übeltat*. Интересным в ряду вариантов перевода лексемы *злодей* представляется существительное *der Unmensch*, которое нельзя считать ни эквивалентным, ни адекватным соответствием. Данное существительное образованно при помощи приставки *un-* по той же модели, что и, например, антонимическая пара *Freundlichkeit* – *Unfreundlichkeit* (*дружелюбность* – *недружелюбность*). *Unmensch* – это не-человек, то есть человек, переставший быть таковым, поскольку он потерял свои положительные нравственные качества, которыми он отличается от животных.

Лексема *der Spitzbube* представляется минимально эквивалентной русскому *злодей* с его толкованием «враг, нечеловек, супостат», т.е. творящий преступления,

---

³³ Здесь переводчик передаёт также через лексему *Verbrecher* существительное «разбойник», а идею *злодеяния* вкладывает в прилагательное *berüchtigt* – «имеющий дурную славу».

зло. В словаре [БНРС] ей соответствуют существительные «озорник», «плут», «мошенник» [БНРС, т. 2, с. 163]. Такой перевод на уровне выбора лексемы так же представляется неадекватным.

Лексема *der Übeltäter* – тот, кто творит или сотворил зло, – представляет собой поморфемное соответствие русскому композиту *злодей*, включая в себя корень *übel* – еще один словарный эквивалент слову *зло* наряду с *böse* – и корень *-tat-*, тот же, что и в глаголе *tun* – *делать*. При этом стоит отметить, что, хотя переводные словари и приводят лексему *übel*³⁴ в качестве одного из соответствий русскому *зло*, в нашем материале такого соответствия ни разу не встретилось. Найденные переводы связаны скорее с представлением «мерзкий», чем «злой»:

(5) ... *da sieht man Bildung mit einer Barbarei vereint, mit einem Zynismus, daß einem übel wird...* [Ra1, с. 260] – ... образование уживается иногда с таким варварством, с таким цинизмом, **что вам мерзит**... [т. 4, с. 198]

(6) *Es stellte sich Reue ein; aber ich jagte sie davon: Es war mir sowieso schon gar zu übel.* [Rö2] – Наступало раскаяние, я его гнал: **слишком уж тошнило**. [т. 5, с. 132].

(7) *Sein **Gestöhn** wird übel, boshaft, gemein...* [Ge, с. 16] – **Стоны** его [человека с больным зубом] **становятся какие-то скверные, пакостно-злые**... [т. 5, с. 107]

(8) ... *in ihrer häßlichen, übelriechenden, unterirdischen Behausung...* [Rö2] – ... в своем **мерзком, вонючем подполье**... [т. 5, с. 104]

Такое «мерзкое», «скверное» зло не кажется адекватным соответствием тому злу, которое подразумевается в русском существительном. Наиболее адекватным представляется соответствие *Böse-*, входящее в состав лексемы *der Bösewicht* (в словаре БНРС это и «злодей», и «грешник» [БНРС, т. 1, с. 359]). При этом для второго корня, происходящего от лексемы *der Wicht*, мы находим в БНРС следующие варианты перевода: 1. существо, создание. 2. (разг.) малыш, малый, парень. 3. (разг.) негодяй [БНРС, т. 2, с. 871]. В онлайн-словаре немецкого языка dwds.de предоставлены следующие сведения о происхождении данного слова *Wicht*: *kleines Wesen, Kobold, charakterloser Mensch*, <...> '(Lebe)wesen, Ding,

³⁴ Ср. англоязычный когнат *evil* в главе 4.

Dämon' (9. Jh.), <...> 'Ding, Dämon, Wesen, Sache' <...> 'Zwerg, Kobold' (19. Jh.). *Bösewicht* m. 'böser, heimtückischer Kerl'; 'verachteter und verächtlicher Mensch – «маленькое существо, кобольд, бесхарактерный человек, <...> (живое) существо, вещь³⁵, демон (IX век), <...> вещь, демон, существо, дело <...>, гном, кобольд (XIX век))» [DWDS]. Таким образом, слово *der Wicht* связано с понятием «существо» в самом широком смысле: среди условно живых объектов в связи с ней упоминаются гномы, карлики, кобольды и даже демоны, а по отношению к человеку лексема, согласно словарным данным, употребляется с пометой «презр.» («презрительно»). Здесь можно прийти к выводу о том, что *Wicht* – это некое небольшое, неприятное, недоброе, презираемое существо, а в сочетании с корнем *-bö-* (*der Bösewicht*) – это существо злое.

В итоге рассмотрения шести переводов мы не встретили ни одной лексемы, полностью адекватной объёму смыслов, включённых в русскую лексему *злодей* и её производные. При этом в главе 4 будет показано, что подобные лексемы существуют в английском языке.

Выводы по главе 3

Немецкий язык, благодаря наличию многозначных (имеющих как метафизические, так и социальные коннотации) лексем с корнями *-gut-* и *-bo/ös-*, позволяет осуществить перевод соответствующих русских лексем практически без семантических и прагматических потерь, что даёт возможность в большинстве случаев добиться как эквивалентного, так и адекватного перевода, при этом, как и в русском языке, сохранив в переводе единство формы и тем самым предоставив читателю самому решать, что именно он видит за этой формой. Немецкие лексемы с корнем *-gut-* позволяют охватить все смыслы, включённые в русские лексемы с корнем *-добр-*, рассматриваемые в работе: метафизическое *добро*, социальное *добро*, имущественное *добро*, *доброта* как бытие *добрым*, *доброта* как качество, характеристика *добрый* во всех подзначениях

³⁵ Лексема является так же этимологически родственной русскому «вещь» [ЭСРЯ, 1986, т. 1, с. 309].

(добродушный, нравственный, близкий, качественный). Лексемы с корнем *-bo/ös-* позволяют охватить спектр значений метафизического *зла*, социального сущностного *зла* и социального эмоционального *зла*.

Отклонения в эквивалентности перевода русских лексем с корнем *-добр-* в немецких переводах в основном являются следствием либо сознательного выбора переводчиков (а не невозможностью эквивалентно и адекватно передать формы и значения данных лексем), либо, возможно, не всегда тщательной работой переводчика с семантикой и прагматикой оригинала. Единственным значением существительного *добро*, в переводе которого наблюдается максимальное количество неэквивалентных соответствий, является имущественное значение, хотя и здесь немецкий язык позволяет использовать в переводе существительное *Gut*.

Подбор в переводе соответствия существительному *зло*, а также многим однокоренным с ним лексемам, представляет для переводчика значительно большую проблему, чем в случае передачи лексемы *добро* и однокоренных с ней слов. Проблема возникает как следствие трёх причин:

1. Во-первых, хотя у лексемы *зло*, как и у лексемы *добро*, есть и метафизическое, и социальное толкования (абстрактные понятия *добра* и *зла* и *добро* и *зло* в человеческих взаимоотношениях), социальное толкование подразделяется на два подзначения: *зло* как постоянная характеристика *злого* человека и *зло* как преходящая эмоция (и тогда их синонимами с некоторыми оговорками могут быть лексемы *злоба* и *злость*). Немецкие словари предоставляют информацию о том, что все эти значения (метафизическое, социальное постоянное и социальное временное) покрываются лексемами с корнем *-bo/ös-*, однако больше всего последние тяготеют к выражению значений «метафизическое *зло*» и «постоянное социальное *зло*». Для «временного социального *зла*» существует довольно широкий набор других лексических соответствий (*Wut, wütend, Ärger, ärgerlich, Zorn, zornig, (In)Grimm, (in)grimmig* и др.).

2. Второй фактор, рождающий переводческую проблему, – вопрос, насколько верно переводчики понимают, какое именно подзначение имелось в виду в

оригинальном тексте. Переводчики могут, во-первых, ошибаться в своём понимании, и такие ошибки могут осознаваться носителем ПЯ, что делает перевод менее или вовсе не адекватным. Во-вторых, переводчики могут колебаться между выбором лексем и в итоге остановиться на синониме, не являющемся эквивалентным или адекватным, а иногда ни тем, ни другим (например, *злоба* – *Feindschaft, Hass, Bitterkeit* и др.).

3. Третьим вызывающим переводческие проблемы фактором является отмеченная выше «метафизичность» творчества и многосоставность образов героев Достоевского: делать выбор между лексемами далеко не всегда обязательно, то есть переводчику нужно понимать, где необходимо различие, а где, наоборот, – слияние смыслов и значений в одной форме. И если неэквивалентность в переводе может быть вызвана исключительно желанием переводчика (и реже – его неправильным или неполным пониманием контекста), то неадекватность следует скорее из стремления разграничить смыслы, объединённые в русском языке одним корнем.

Последний вывод, который можно сделать на основании рассмотренного материала, заключается в том, что переводческую эквивалентность художественного перевода можно оценить объективно, если рассматривать эквивалентность как многоуровневый критерий, и проводить оценку отдельно на каждом уровне. Переводческая адекватность является для оценки художественного перевода значительно более субъективным критерием: оценка на основании этого критерия проводится оценивающим в зависимости от того, как именно он представляет себе коммуникативную установку автора ИТ и какие требования к передаче этой установки он выдвигает при чтении перевода.

ГЛАВА 4. ДОБРО И ЗЛО В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПРОЗЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

4.1. Лексические единицы с корнем *-добр-*

4.1.1. Лексемы *добро, доброта, добрый* в англо-русском словаре

В большом современном англо-русском и русско-английском словаре [Мюллер, 2009] приводятся следующие английские соответствия исследуемым в работе лексемам с корнем *-добр-*:

добро – 1. (нечто положительное, хорошее) – *(the) good*; *добро* и *зло* – *good and evil*; делать добро – *to do good*; это не к добру – *it's of bad omen, it is a bad sign*; 2. (разг. имущество) – *property, goods pl, chattels pl*;

доброта – *goodness, kindness, kindliness, gentleness, benignity*;

добрый – 1. *kind, kindly, kind-hearted, benign, genial, gentle*; доброе имя – *good name, reputation*; добрая воля – *goodwill*; добрые пожелания – *good wishes*; добрые дела – *good works*; 2. (целый, полный) – *a good, a full*; добрых два часа – *a good two hours*; в добрый час! – *good luck!*; всего доброго! – *all the best!, goodbye!*; доброго пути! – *have a good journey*; добрый вечер! – *good evening!* [Мюллер, 2009, с. 546-547]

Таким образом, согласно словарным данным, наиболее частотные переводные соответствия русским лексемами с корнем *-добр-* в английском языке – это лексемы с корнем *-good-*³⁶ и его супплетивными формами (*all the best!*), а для *доброты*, кроме *goodness*, употребляется также лексема *kind(li)ness*.

4.1.2. Соответствия русским лексемам *добро, доброта* и *добрый* в толковом английском словаре

Так же, как и в предыдущей главе, прежде чем перейти к анализу текстовых примеров, мы выделим встретившиеся нам в текстах переводов английские лексемы, соответствующие исследуемым в работе русским лексемам оригинальных текстов. Поскольку в работе мы опираемся на понятие

---

³⁶ Здесь можно отметить, что лексема *goodness* в английском языке может являться эвфемизмом для слова Бог (см., напр., [Мамушкина, 2015, с. 35]).

эквивалентности прежде всего как максимально возможного семантического и структурного соответствия ИТ и ПТ, отдельные лексемы (в алфавитном порядке) представлены только в том случае, если перевод соответствующего контекста достаточно эквивалентен структурно, то есть отдельное существительное в ИТ соответствует одному существительному в ПТ, словосочетание типа прилагательное + существительное в ИТ соответствует словосочетанию с такой же структурой в ПТ и т.д.

В данном разделе толкования лексем приводятся на основе толково-этимологического Оксфордского словаря английского языка и толково-этимологического онлайн-словаря merriam-webster.com ([MW]), синонимы (если они указаны) взяты также из словаря MW и Англо-русского синонимического словаря Ю.Д. Апресяна ([Апресян, 1979]), перевод толкований принадлежит автору настоящего исследования.

Существительные:

belongings – что-л. Принадлежащее кому-л., контролируемое (синоним: *property*);

compassion – сочувственное осознание чужого горя и желание облегчить его (синоним: *sympathy*);

the good – 1. что-л., что хорошо; 2. благосостояние; 3. что-л. полезное;

goodness – бытие хорошим, «хорошесть» (синонимы – *integrity, morality, honesty, virtue*);

kindness – *доброта*, бытие *добрым* (синонимы: *benevolence, mercy*);

kindliness – 1. бытие *доброжелательным* (синонимы: *benevolence, friendliness, cordiality, sympathy*); 2. *добрый* поступок (синонимы: *charity*);

property – что-л. обладаемое;

quality – 1. степень совершенства (синонимы: *grade, rate*); 2. высокое положение в обществе (синонимы: *dignity, nobility*);

stuff – принадлежащее кому-л. движимое имущество (синонимы: *things, belongings*).

Прилагательные:

decent – соответствующий высокому стандарту морали или добродетели (синонимы: *good, moral, honest*);

fine – самого лучшего сорта (синонимы: *great, lovely, wonderful*);

good – 1. приятного характера (синонимы: *nice, kind, respectable*); 2. подходящий, годный (синонимы: *reasonable, adequate, commonsensical*); 3. выгодный;

good-natured – имеющий приятные манеры, особенно в обществе (синонимы: *nice, pleasant*);

honest – уважаемый, почтенный (синонимы: *good, honorable, decent*);

kind – 1. добрый и отзывчивый (синонимы: *good, benevolent, considerate, attentive*); 2. мягкий по характеру (синонимы: *tender, humane*); 3. доставляющий удовольствие (синонимы: *nice, caring*);

kind-hearted – имеющий симпатию к другим (синонимы: *benignant, compassionate, kind*);

noble – 1. обладающий выдающимися качествами (синонимы: *great, honorable*); 2. обладающий превосходством ума, характера или морали (синонимы: *honest, ethical*);

pleasant – имеющий приятные манеры, особенно в обществе (синоним: *nice*);

worthy – имеющий ценность (синонимы: *good, meritorious*);

Далее в работе мы рассмотрим английские соответствия интересующим нас лексемам на материале речевого употребления. Ещё раз уточним, что при оценке эквивалентности переводов мы будем говорить о высокой степени параллелизма в структурной организации текстов и максимально возможном соотношении лексики в ИТ и ПТ, а под адекватностью мы будем понимать соотношение ПТ с коммуникативной установкой автора ИТ. Так же, как и в предыдущей главе, подчеркнём, что коммуникативная установка автора художественного текста может быть неправильно истолкована как носителем языка, так и переводчиком. Как уже говорилось выше, для творчества Достоевского и его двухсоставных или даже трёхсоставных образах однозначно определить коммуникативную установку, вложенную в тот или иной фрагмент текста, иногда является неразрешимой (а

иногда бессмысленной) задачей. Поэтому говорить о снижении адекватности мы будем только в тех случаях, когда это снижение является очевидным, например, переводчики игнорируют коннотации или словарные пометы некоторых лексем, существенно изменяют смысл ЕП, используют переводные соответствия иных стилистических регистров и т.п.

Во всех примерах сохранены орфография и пунктуация цитируемых источников; в данной главе приняты следующие сокращения:

- Ga1 – Constance Garnett. The House of the Dead and Poor Folk;
- Ja1 – В. Jakim. Notes from the dead House;
- Ed – H.S. Edwards. The House of the Dead or: Prison Life in Siberia;
- Ga2 – C. Garnett. Notes from the Underground;
- Ja2 – В. Jakim. Notes from Underground;
- Ho – C.J. Hogart. Letters from the Underworld.

4.1.3. Лексемы с корнем *-добр-* в переводах

4.1.3.1. Существительное *добро*

Встретившиеся нам примеры в основном подтверждают словарные данные: в большинстве случаев для передачи в переводе существительного *добро* в метафизическом значении переводчики используют различные формы существительных с корнем *-good-* как в метафизическом, так и в социальном значении:

(1) Чем больше я сознавал о добре и о всем этом «прекрасном и высоком», тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней.

[т. 5, с. 102]

- **The more conscious I was of goodness and of all that was “lofty and beautiful,”** the more deeply I sank into my mire and the more ready I was to sink In it altogether. [Ga2, с. 183]
- **The more I was conscious of the good, and of all this “beautiful and sublime” stuff,** the deeper I sank into my shit, and the more capable I was of becoming totally enmired in it. [Ja2, с. 7]

- **The more I have recognised what is good and what constitutes "the great and the beautiful,"** the deeper I have plunged into the mire, and the more I have been ready to smear myself over with the sticky stuff. [Ho, c. 10]³⁷

От принципа эквивалентности отклоняется перевод Хогарта: «чем больше я познавал, что есть хорошо»; тем не менее, ввиду использования наиболее многозначной лексемы с корнем *-good-*, включающей в себя как метафизическое, так и социальное подзначения, все три перевода остаются адекватными.

Если *добро* понимается как *добрые*, тёплые отношения между людьми (общая атмосфера, создаваемая совокупностью взаимных *добрых* поступков, то есть речь идёт о «социальном *добре*»), большинство переводчиков избегают использовать существительные *good* и *goodness*, либо прибегая к описательному переводу, либо используя лексемы с корнем *-kind-*:

(2) Гм... Оно, конечно, **коли не бить** [бабу – Е. Ч.] – **не будет добра**, – хладнокровно и методически заметил Черевин... [т. 4, с. 173]

- "H'm... to be sure, **if you don't beat them there will be trouble**," Tcherevin observed coolly and methodically, pulling out his tobacco-pouch again. [Ga1, c. 225]
- "H'mm. ... Of course, **if you don't beat them, there'll be trouble!**" Cherevin observed indifferently and sententiously, taking out his snuff horn again. [Ja1, c. 228]
- "Yes, **if you don't beat'em you make no way at all**," said Tcherevine sententiously, taking out his snuff-box once more. [Ed, c. 262]

В примере (2) все три перевода полностью неэквивалентны: у Гарнетт и Якима «не будет добра» переведено как «будет беда», у Эдвардса – «ничего не добьёшься», а

---

³⁷ Здесь и далее в работе (как и в главе 3) в большинстве случаев на каждый пример из русского текста даются по 3 варианта перевода. Если русские лексемы переводятся однообразно, т.е. в двух или во всех трёх переводах варианты совпадают, даются, соответственно, два или один переводной вариант. Все три одинаковых перевода приводятся в том случае, если необходимо продемонстрировать однозначность понимания переводчиками контекста или частотность употребления определенной лексемы в определенном контексте.

учитывая отсутствие в переводах какого бы то ни было соответствия слову *добро*, ни один из них нельзя признать адекватным.

(3) Ты [Лиза], видно, в своей семье не видала добра, что так говоришь. [Т. 5, с. 157]

- You must have seen wickedness in your own family, if you talk like that. [Ga1, с. 264]
- Obviously, you didn't see much kindness in your own family, if you talk like that. [Ja2, с. 87]
- To judge by your words, I think that you yourself cannot come of a very loving family – that you have been made to suffer. [Ho, с. 108]

Гарнетт переводит фразу «не видала *добра*» как *have seen wickedness* – «видела зло». Существительное *wickedness* образовано от прилагательного *wicked*, этимологически родственного существительному *witch* (ср. *wicked witch* – «злая ведьма»). В англоязычных библейских текстах встречается как соответствие русскому «нечестивый» (то есть означает постоянное свойство человека, ср.: *And the men of Sodom were very wicked* [Genesis 13:13]³⁸ – «Жители Содома были нечестивы» [Бытие 13:13]). Антонимический перевод в рамках данной работы нельзя считать эквивалентным, при этом его можно считать достаточно адекватным ввиду использования лексемы с библейскими, т.е. метафизическими коннотациями. В переводе Якима встречаем существительное *kindness*, которое встречается в словарях для перевода слова «добро» и соответствует таким понятиям, как *доброта*, *сердечность*, *доброжелательность*, и такой перевод является эквивалентным, если предположить, что речь идёт о социальном *дobre*. Если оценивающий степень адекватности перевода подойдёт к результату, учитывая сказанное относительно творчества Достоевского в главе 2, то ввиду сужения сферы семантического охвата существительного *kindness* до сугубо социальной перевод Якима адекватным быть признан не может. Полностью

---

³⁸ См. <https://drbo.org/>

неэквивалентен и неадекватен и перевод Хогарта: «ты не можешь происходить из любящей семьи».

Существительное *kindness* встречается как переводной вариант «социального» *добра* в значении «результат *доброго* поступка», здесь речь идет о *доброжелательности* в отношении, на этот раз по отношению не к человеку, а к птице:

(4) *Ишь собачье мясо: добро ему [орлу – Е. Ч.] творишь, а он всё кусается!* [т. 4, с. 194]

- "See, the cur, **one does something for his³⁹ good**, and he keeps biting one," said the convict who was carrying him, looking at the fierce bird almost with affection. [Ga1, с. 254]
- "Geez, what an animal! **You want to do him a kindness**, but he keeps biting!" said the convict who was holding him, looking at the angry bird almost lovingly. [Ja1, с. 258]
- "Oh, the wretched brute. **One wants to do him a kindness**, and he tears your hand for you by way of thanks," said the man who held him, looking almost lovingly at the spiteful bird. [Ed, с. 300]

Эквивалентными не являются все три перевода: «добро ему творишь» Гарнетт переводит как «делаешь что-то для его блага» (наиболее неэквивалентный перевод из трёх представленных), Яким и Эдвардс – как «хочешь сделать ему добро». При этом Гарнетт использует лексему, включающую в себя как метафизическое, так и социальное, но такой перевод всё равно нельзя считать полностью адекватным: *добро*, которое можно «творить», не равно благу (т.е. в данном случае пользе) для кого-либо. Более того, в отличие от примера (3), где существительное *kindness* употреблялось как неисчисляемое, здесь оно употреблено с неопределённым артиклем, то есть становится исчисляемым, будучи приравненным таким образом к исчисляемому понятию «добрый поступок», вследствие чего снижается

---

³⁹ Отметим, что Гарнетт выбирает по отношению к орлу притяжательное местоимение *his*, а не *its*, что было бы более ожидаемо в английском языке, учитывая, что речь идёт не о человеке, а о птице.

потенциальный охват представлений о «творении добра». Таким образом, все три перевода нельзя считать адекватными.

Для перевода лексемы *добро* в значении «имущество» (в отличие от немецкого языка, где встречалось существительное *Gut (Hab und Gut)*) англоязычные переводчики предпочитают использовать существительные со значением «собственность», «имущество» (*property, stuff, belongings*):

(5) *На кухне около жарко разгоревшихся печей шла суетня и толкотня, целая давка. **Всякий наблюдал за своим добр***. [Т. 4, с. 108]

- In the kitchen round the glowing ovens there was great crowding and bustling, quite a crush. **Everyone was looking after his property**. [Ga1, с. 137]
- In the kitchen, around the red-hot ovens, there was a lot of pushing and shoving, a regular riot. **Everybody was watching his own stuff**. [Ja1, с. 138]
- Bound the flaming stoves of the kitchen the convicts were rubbing and pushing against one another. **Every one was watching his own property**. [Ed, с. 157]

Здесь все три перевода являются максимально эквивалентными, но о полной адекватности переводов Гарнетт и Эдвардса говорить нельзя уже потому, что русское слово *добро* в значении имущество имеет в словарях помету «разг.» (см., напр. [Евгеньева, 1985, т. 1, с. 409]), которая отсутствует у английского существительного *property*. Степень адекватности можно считать более высокой у Якима, поскольку его вариант для слова «добро», лексема *stuff*, в некоторых словарях (например, в [Cambridge Dictionary]) имеет аналогичную помету «informal».

(6) «*Эх, дескать! – думал он [Петров – Е.Ч.], может быть, запуская руку в мое добро, – что ж это за человек, который и за добро-то свое постоять не может!*» [Т. 4, с. 86]

- "Ech! " he may have thought **as he laid hands on my property**, "what a man, **he can't even defend his own property!"** [Ga1, с. 109]
- It's unbelievable! he may have thought **as he was laying his hands on my property**. What sort of man is this **who can't even protect his own belongings**? [Ja1, с. 109]

- "What a strange person! " he must have said to himself, **as he lay hands on my property; "he does not even know how to take care of what he possesses."** [Ed, с. 123]

По той же причине, что и в примере (5), недостаточно адекватными, хотя и относительно эквивалентными (не «запуская руку», а «когда он накладывал руки») в отношении первого вхождения существительного *добро*, являются все три перевода. В случае второго вхождения («за добро-то своё постоять не может») неэквивалентным является перевод Эдвардса: «даже не знает, как позаботиться о том, чем он обладает»⁴⁰ (у Гарнетт и Якима это «не может защитить свои вещи», что более адекватно с точки зрения адекватности вне конкретного текста, т.е., без учёта потенциально возможной «коммуникативной установки автора», так как речь здесь действительно идёт лишь о небольшом количестве вещей, имеющихся у арестантов). В рамках нашей работы такой перевод не может быть признан адекватным.

В примере (7) речь идёт уже не о скудном *добре* арестантов, а об имуществе богатого человека:

(7) *Дом тут стоял, с краю города, и богатый тут жил один мещанин, добра пропасьть, ночью и положили проведать.* [Т. 4, с. 163]

- There was a house at the end of the town and a rich man lived there, **with lots of property**; so we decided to call on him at night. [Ga1, с. 212]
- There was this house at the edge of town, and a rich tradesman lived there, **with lots of loot**, and so we decided to pay a visit at night. [Ja1, с. 214]
- Then they tell us of a place where there's a real good stroke of business to be done – a house at the end of the town belonging to a wealthy merchant fellow; **lots of good things there**, so we make up our minds to try the job during the night... [Ed, с. 242]

Все три перевода примера (7) полностью неэквивалентны: у Гарнетт «добра пропасьть» – это «много собственности». Кроме того, несопоставимы по масштабам

⁴⁰ Ср. его же перевод словосочетания «чужое добро» в примере (8) ниже.

представления о просто большом количестве собственности и о её «пропасти». Перевод Якима неэквивалентен, но при этом более адекватен прагматически: в нём передана идея того, что ситуацию обсуждают потенциальные грабители, и Яким «смотрит» на «пропасть добра» глазами человека, собирающегося отнять это добро: *lots of loot* – «много добычи, трофеев». Эдвардс в данном случае предлагает неадекватный «сдержанный» вариант перевода, как и Гарнетт: *lots of good things* – «множество хороших вещей».

В примере (8) уже Гарнетт акцентирует внимание на глазах смотрящего на чужое добро с завистью:

(8) *Ишь, завидок востроглазый! Разгорелись глаза на чужое добро.* [Т. 4, с. 200]

- Ah, the sharp-eyed, envious fellow! **His eyes smart to see others well off.** [Ga1, с. 262]
- Look at him – his eyes are green with envy! **They're afire with desire when he looks at other people's stuff.** [Ja1, с. 266]
- There's a fellow with eyes that do their work, bursting with envy he is. **Don't his eyes glisten when he sees something that doesn't belong to him?** [Ed, с. 312]

Здесь так же все три перевода нельзя назвать эквивалентными: «разгорелись глаза на чужое добро» у Гарнетт – «его глазам больно видеть, что другие живут хорошо», у Якима – «они [его глаза – *Е.Ч.*] горят желанием, когда он смотрит на чужие вещи», у Эдвардса – «Разве его глаза не блестят, когда он видит что-то, что ему не принадлежит». Потеря эквивалентности сопровождается здесь и потерей прагматической адекватности даже без учёта упоминавшегося в главе 2 авторского метода «мимикрии»: все три перевода представляют собой простую констатацию факта, притом, что в оригинале мы видим явственный упрёк.

4.1.3.2. Существительное *доброта*

В рассматриваемых нами английских текстах существительное *доброта* в двух разных значениях (*доброта* характера и высокое качество какого-либо объекта) переводится разными лексемами. *Доброта* характера морфологически связана с английскими соответствиями понятию *добро* в социальном подзначении:

(1) *Замечалась только в ней [в Настасье Ивановне – Е. Ч.], на каждом шагу, одна бесконечная доброта, непреодолимое желание угодить, облегчить, сделать для вас непременно что-нибудь приятное.* [Т. 4, с. 68]

- **All that one could see in her was an infinite kindliness**, an irresistible desire to please one, to comfort one, to do something nice for one. [Ga1, с. 86]
- **The only thing you noticed about her**, at every moment, **was an infinite kindness**, an overwhelming desire to be agreeable to you, to make things easier for you, to do something pleasant for you. [Ja1, с. 85]
- **But in her actions could be seen infinite compassion**, an irresistible desire to please, to solace, to be in some way agreeable. [Ed, с. 96]

Наиболее эквивалентным является перевод Якима: «единственное, что можно было заметить в ней, была бесконечная доброта». Перевод Гарнетт менее эквивалентен ввиду использования глагола *to see* – «увидеть», а не «заметить». Эдвардс подбирает для *доброты* неэквивалентное соответствие *compassion* – «сострадание». Дальнейший контекст подтверждает, что речь идёт именно о сострадании: «желание облегчить». Если исходить из предпосылки, что *доброта* в этом значении – это социально значимое качество человека, то все три перевода являются адекватными: в данной ситуации *доброта* Настасьи Ивановны и есть сострадание к заключённым, выраженное в желании облегчить их участь, в том числе, своим *добрым* отношением к ним.

Для передачи понятия *доброты* как высокого качества объекта переводчики в двух случаях из трех использовали существительное *quality* соответствующее русскому «качество»:

(2) *Почти всегда поставщик первоначально испробывает доброту водки и отпитое бесчеловечно добавляет водой.* [Т. 4, с. 36]

- Almost always **the intermediary tests the quality of the vodka** to begin with, and ruthlessly fills up the measure with water... [Ga1, с. 45]
- **The supplier** nearly always **tests the quality of the vodka first**, and then he inhumanely replaces what he has drunk with water... [Ja1, с. 44]

- **The person who supplies the vodka, tastes the precious liquid** almost always as he is carrying it to the hiding-place, and replaces relentlessly what he has drunk by pure water. [Ed, с. 48]

Перевод «доброта водки» как «качество водки», учитывая наличие у русского слова *доброта* подзначения «добротность», «хорошесть», можно считать эквивалентным и адекватным. Перевод Эдвардса абсолютно неэквивалентен: «пробует драгоценную жидкость» (в данном эпизоде рассказывается, что арестанты ценили водку, пронести которую в острог было очень сложно и опасно). В такой формулировке можно усмотреть иронический подтекст, который в оригинальном тексте проявляется чуть позже: «и отпитое бесчеловечно добавляет водой». Тем не менее, признать его полностью адекватным нельзя, потому что водка, хоть и была желанной, но не была драгоценной и часто была невысокого качества.

4.1.3.3. Прилагательное *добрый*

Среди найденных в переводах соответствий русскому прилагательному *добрый* в английском языке не наблюдается большого разнообразия: для передачи большинства значений это лексемы с корнем *-good-*: само прилагательное *good* или различные композиты, такие как *good(-)natured* («доброй природы», может писаться как через дефис, так и слитно), *good-hearted* («добросердечный»). Во всех этих лексемах присутствует компонент *-good-*, связанный с понятием «добро» в самом широком понимании:

(1) ... конвойные были добрые. [Т. 4, с. 30]

- ... the guards were good-natured fellows. [Ga1, с. 37]
- ... the guards were good guys. [Ja1, с. 35]
- The soldiers of the escort were good-natured fellows. [Ed, с. 38]

Все три перевода представляются неэквивалентными за счёт своей синтаксической структуры и неадекватными, в том числе, из-за эквивалентности: за счёт несуществующего в ИТ указания на возраст конвойных, при этом наименее адекватным можно считать перевод Якима, который использует лексему *guys*,

скорее соответствующую русским «парни», «ребята», что делает его перевод несколько фамильярным, чего нет в оригинале.

Еще один вариант передачи характеристики *добрый*, если речь идёт о социальном *добре*, – прилагательное *kind* + существительное, либо однокоренное наречие *kindly* + глагол. Лексемы с этим корнем также встречались как словарные соответствия русскому *добро*. В различных словарях в толковании лексемы *kind* встречаются следующие понятия: *generous* («щедрый»), *helpful* («готовый помочь»), *thinking about other people* («думающий о других людях»), *compassioned* («сочувствующий»), *tender* («нежный»), *gentle* («мягкий», «кроткий»), *humane* («гуманный», «человечный»), *caring* («заботливый»). Все эти понятия входят в русское понятие *добрый* в данном значении. Словарь [OED] даёт следующую информацию о его происхождении: *from Proto-Germanic *kundi- "natural, native," from *kunjam "family" (see kin)* («от прото-германского **kundi-* («естественный, родной», от **kunjam* «семья» имеет (ср. *kin* (корень, который в современном английском означает «родня», «родственники»)). И действительно, и в русском языке перечисленные выше качества часто характеризуют нормальные родственные отношения. Также возможны композиты с *kind* (*kind-hearted*, синоним *good-hearted*):

(2) *Часто говорил я с ним [со стариком-старовером – Е.Ч.] и редко встречал такое доброе, благодушное существо в моей жизни.* [Т. 4, с. 33]

- I often talked to him and I have rarely met a more **kindly**, warm-hearted **creature** in my life. [Ga1, с. 42]
- I often used to talk to him, and in all my life I've seldom encountered **such a kind** and warmhearted **being**. [Ja1, с. 40]
- ... I often talked with him, and rarely have I met with **so kind**, **so benevolent a being**. [Ed, с. 44]

Все три перевода примера (2) являются эквивалентными, однако, проблема оценки адекватности перевода – как данного примера, так и предыдущего – связана здесь с уже упоминавшейся выше многосоставностью образов Достоевского. Нельзя однозначно сказать, включён ли автором ИТ метафизический компонент в состав

характеристики старика. Переводчики, используя ограниченную социальной сферой лексему *kind*, таким образом, исключают его, ограничивая понимание лишь сферой социальных взаимоотношений. Использование здесь прилагательного *good* вместо *kind* позволило бы сохранить этот компонент, поэтому признать такой перевод адекватным в рамках нашего исследования нельзя.

В примере (3) возможность включения в понимание характеристики метафизического компонента сохранена только у Якима, переводчика в основном философско-богословских текстов, особенно внимательного в своей работе к употреблению понятия *добро* и – ещё более явно (что будет показано в следующих разделах данной главы) – к понятию *зло*⁴¹:

(3) *Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым.* [Т. 5, с. 100]

- It was not only that I could not become spiteful, **I did not know how to become anything: neither spiteful nor kind**, neither a rascal nor an honest man, neither a hero nor an insect. [Ga2, с. 181]
- Not only couldn't I become evil; **I couldn't become anything – either evil or good**, either a villain or an honorable man, either a hero or an insect. [Ja2, с. 5]
- Rather, the fact is that **I have never succeeded in being anything at all – wether kind-hearted or cruel**, a villain or a saint, a hero or an insect. [Ho, с. 7]

Перевод Якима также можно отметить как наиболее эквивалентный в структурном аспекте. Гарнетт и Хогарт отходят от эквивалентности уже в начале исследуемой единицы перевода: «я не знал, как стать чем-нибудь» у Гарнетт и «мне никогда не удавалось стать чем-либо вообще» у Хогарта. Адекватными их переводы также нельзя признать, так как, аналогично ситуации в примере (2), Гарнетт и Хогарт ограничивают сферу характеристики *добрый* социальным пониманием вследствие использования лексем с компонентом *-kind-*.

В примере (4) за счёт использования лексемы *good* этого ограничения у Гарнетт уже нет:

---

⁴¹ Для переводчиков повести «Записки из подполья» сохранение метафизических коннотаций особенно важно (см., напр., [Ковалевская (Бузина), 2011]).

(4) ... а что если б его [человека – Е.Ч.] просветить, открыть ему глаза на его настоящие, нормальные интересы, то человек тотчас же перестал бы делать пакости, тотчас же **стал бы добрым и благородным**... [Т. 5, с. 110]

- ...and that if he were enlightened, if his eyes were opened to his real normal interests, man would at once cease to do nasty things, **would** at once **become good and noble** ... [Ga2, с. 196]

- ...and that if someone were to enlighten him and open his eyes to his true, normal interests, he **would** immediately stop doing vile things and immediately **become good and honorable**... [Ja2, с. 19]

- ... but that if he were enlightened, if his eyes were opened to his real, his normal interests, he **would** at once cease to do evil, and **become virtuous and noble**... [Ho, с. 25]

Переводы примера (5) у Гарнетт и Якима можно считать эквивалентными и адекватными. В переводе Хогарта рядом с *noble* («благородный») мы наблюдаем прилагательное *virtuous* («добродетельный»). Существительное *virtue*, от которого происходит прилагательное *virtuous*, так же связано с представлениями о морали и нравственности, как и его русское соответствие «добродетель» (*a particular moral excellence* – «особое нравственное совершенство»). Однако внутренняя этимология существительных *добродетель* и *virtue* совершенно разная. Английская лексема *virtue* была заимствована в среднеанглийский из старофранцузского языка, где она означала «отвага», «доблесть», «высокие моральные качества», будучи при этом производной от латинского *vir* – «мужчина». Таким образом, если русское существительное *добродетель* связано с добрыми делами, то английская лексема имеет связь с понятием мужского начала, того начала, которое подобает мужчине как воину, что естественно, учитывая ее переходное среднеанглийское значение «отвага» и «доблесть». Ввиду сказанного перевод Хогарта можно считать не только неэквивалентным, но и неадекватным.

В примере (6) сложно определить, означает ли лексема *добрый* характеристику «делающий добро», «отзывчивый» или характеристику «добрый» в широком смысле:

(6) *Фельдшер, молодой и добрый малый*, <...> явился скоро... [Т. 4, с. 140]

- **The medical assistant, a good-natured young fellow** <...>, soon came in... [Ga1, с. 183]
- **The assistant, a pleasant young fellow** <...>, arrived soon... [Ja1, с. 184]
- **The assistant surgeon was a good fellow enough** <...>; he soon arrived... [Ed, с. 206]

Гарнетт явно видит в эпитете *добрый добродушие* (*a good-natured young fellow*; перевод эквивалентен, но неадекватен), Яким – приятность в общении, что не обязательно связано с *добротой* (*a pleasant young fellow*; перевод неэквивалентен и неадекватен). Перевод Эдвардса ввиду отмеченных выше причин является наиболее эквивалентным и адекватным.

В примере (7) в переводе Эдвардса можно констатировать как неэквивалентность, так и неадекватность:

(7) *Нельзя было не заметить его* [Нурры – Е. Ч.] *доброго, симпатизирующего лица среди злых, угрюмых и насмешливых лиц остальных каторжных*. [Т. 4, с. 51]

- It was impossible to overlook **his good sympathetic face** among the surly, ill-humoured and sneering faces of the other convicts. [Ga1, с. 64]
- It was impossible not to notice **his kind, sympathetic face** among the spiteful, sullen, and mocking faces of the other convicts. [Ja1, с. 63]
- How was it possible not to distinguish **this calm, honest face** in the midst of so many sombre, sardonic, repulsive countenances! [Ed, с. 71]

Если у Гарнетт перевод эквивалентен и адекватен, то у Якима адекватность ниже из-за семантических ограничений лексемы *kind*. В переводе Эдвардса нет ни того, и другого: «доброе симпатизирующее лицо» он превращает в «спокойное и честное».

Переводы примера (8) представляют собой образцы одновременно неэквивалентного и неадекватного перевода в рамках данного исследования:

(8) *Всё это так и виднелось в ее тихих, добрых взглядах*. [Т. 4, с. 68]

- All that could be read **in her kind gentle eyes**. [Ga1, с. 86]
- All this could be seen **in the kind, gentle way she looked at you**. [Ja1, с. 85]

- All this could be read **in the sweetness of her smile**. [Ed, с. 96]

По-видимому, желание переводчиков отступить от структуры оригинала является их личным выбором, не имеющим за собой явных причин: Гарнетт превращает «тихие, добрые взгляды» в «добрые нежные глаза», Яким – в «добрый и нежный способ, которым она смотрела на вас», а Эдвардс и вовсе в «сладость её улыбки».

В примере (9) первые два перевода являются неэквивалентными и неадекватными, третий можно признать эквивалентным, но так же неадекватным:

(9) *Всякий [больной в лазарете] видел от них [от докторов] себе ласку, слышал доброе слово*. [т. 4, с. 137]

- Everyone was treated with kindness and **heard a friendly word** from the doctor... [Ga1, с. 180]
- Every man experienced kindness and **heard a friendly word from them**. [Ja1, с. 180]
- These doctors had always something pleasant to say, a **kind word even for reprobates**... [Ed, с. 203]

Гарнетт и Яким превращают «доброе слово» в «дружеское», что не соответствует ни семантике, ни прагматике оригинала, Эдвардс выбирает эквивалентный вариант *kind*, но адекватным его можно признать, только при уверенности, что в охват характеристики *добрый* включён лишь социальный смысловой компонент.

Снижение эквивалентности можно отметить в примерах, где прилагательное *добрый* означает «высокую нравственность», «близость» или «качество»:

(10) *А будь ты в другом месте, живи, как добрые люди живут, так я, может быть, не то что волочился б за тобой, а просто влюбился б в тебя*... [т. 5, с. 159]

- But if you were anywhere else, **living as good people live**, I should perhaps be more than attracted by you, should fall in love with you... [Ga2, с. 268]
- But if you were in some other place, **living as decent people live**, I would perhaps not merely be attracted to you but would even fall in love with you... [Ja2, с. 90-91]
- But if you had been of a different kind, **if you had been leading an honest life**, I might have courted and fallen in love with you. [Ho, с. 113]

В примере (10) «добрые люди» – это «приличные люди»: речь идёт о сравнении среды обитания Лизы, которая работает в борделе, и «обычных людей». Гарнетт сохраняет у «приличных» людей максимально объёмную по смыслу характеристику *good*, её вариант можно считать эквивалентным и адекватным. Учитывая наличие у русского прилагательного *добрый* значения «нравственный», эквивалентным, но неадекватным является перевод Якима *decent people* – «приличные люди». Отсутствие как эквивалентности, так и адекватности наблюдается в переводе Хогарта: «живи, как добрые люди живут» превращается у него в «вела бы честную жизнь».

В примере (11) – так же благодаря многозначной лексеме *good* – максимально эквивалентным можно считать перевод словосочетания «добрый приятель» как *good friend* у Якима:

(11) Действительно, глупо, мы собрались в дружеской компании, чтоб **проводить** в вояж доброго **приятеля**, а вы считаетесь. [т. 5, с. 144]

- We have met here, a company of friends, **for a farewell dinner to a comrade**, and you carry on an altercation... [Ga2, с. 245-246]
- We've gathered here, a company of friends, **to have a farewell dinner for our good friend**, and you're settling old scores. [Ja2, с. 68-69]
- "Yes – and utter stupidity!" <...> "We have met here to spend a few friendly hours together, and **to wish our friend bon voyage**; yet you" – this was addressed to me exclusively – "must start quarrelling!" [Ho, с. 85]

При этом Яким теряет сему неформальности, заменяя «приятеля» на нейтрального «друга» (*friend*, как и у Хогарта), что приводит к неадекватности. Гарнетт и Хогарт теряют и сам эпитет *добрый*, что снижает как эквивалентность, так и адекватность.

В примере (12) Гарнетт и Яким сохраняют эквивалентность в пределах выделенной единицы перевода, у Хогарта же её нет уже на синтаксическом уровне:

(12) ... *пустите, добрые люди, еще раз на свете пожить!..* [т. 5, с. 161]

- Let me out, kind people, to live in the light of day! [Ga2, с. 272]
- Let me out, good people, to live in the world! [Ja2, с. 94]

- **Suffer me to go** and live a little longer in the world, **good people**. [Ho, с. 117-118]

При этом адекватными можно признать переводы Якима и Хогарта, тогда как Гарнетт оставляет из всей полноты понимания характеристики *добрый* в данном значении лишь понимание *доброты* в социальном взаимодействии.

В примере (13) сложно сказать, какое понимание характеристики *добрый* имеется в виду: *доброта* характера или качество, «хорошесть» объекта. Судя по переводам, их авторы склоняются ко второму варианту:

(13) *Лошадка была добрая, но поизносившаяся*. [т. 4, с. 185]

- **It was a good horse**, but worn out. [Ga1, с. 243]
- **He was a fine little horse**, but worn out. [Ja1, с. 247]
- ... **it was a worthy sort of beast**, but a good deal worn... [Ed, с. 286]

Эквивалентным нельзя признать ни один перевод: помимо нарушения актуального членения в рамках ЕП, Гарнетт игнорирует диминутивность, заменяя «лошадку» на «лошадь», Яким расщепляет понимаемую двойко характеристику *добрый* на две: «милая и маленькая», сохраняя благодаря второй характеристике уменьшительность формы «лошадка». Адекватным в отношении исследуемых лексем можно назвать перевод Гарнетт – английская лексема *good* может передавать значение русского слова *добрый* и в значении «качественный». У Якима лошадка скорее хорошая, чем *добродушная* (*fine*), перевод Эдвардса указывает на отсутствие сомнений в понимании «хорошесть»: его «добрая лошадка» – это *a worthy sort of beast* – «достойный / ценный вид животного».

В следующем примере словосочетание «добрый молодец» является одной из устойчивых речевых формул (ср. восклицание «люди добрые!»), которым, как правило, нет абсолютно эквивалентных соответствий в других языках, но переводчик может попытаться подобрать адекватное соответствие:

(14) «Прости и ты меня, **добрый молодец**, а я зла на тебе никакого не знаю». [т. 4, с. 172]

- You forgive me too, **good** youth, I have no thought of any evil you have done. [Ga1, с. 224]
- Forgive me too, **noble** youth; I bear you no malice. [Ja1, с. 227]
- Forgive me, too, my **good** lad; but I am really not at all angry with you. [Ed, с. 261]

Гарнетт и Эдвардс сохраняют максимально возможную эквивалентность, переводя «добрый молодец», соответственно, как *good youth* и *good lad*, «добрый юноша». Яким делает «доброго» юношу «благородным» (*noble*), в результате чего как эквивалентность, так и адекватность перевода снижается⁴².

4.2. Лексические единицы с корнем -зл-

4.2.1. Лексемы зло, злость, злоба, злой, злобный в англо-русском словаре

В словаре Мюллера [Мюллер, 2009] приводятся следующие английские соответствия исследуемым в работе лексемами с корнем -зл-:

зло – 1. *evil, mischief, harm* (вред); причинять зло кому-л. – *to do smb a mischief (wrong)*; помнить зло – *to bear ill will*; отличать добро от зла – *to know right from wrong*; 2. досада – *spite, malice*; со зла – *out of spite, from malice*; из двух зол выбирай меньшее – *of two evils choose the less*;

злоба – *wickedness, spite, malice, bitterness, fury*; питать злобу против кого-л. – *to bear smb. malice*;

злость – *malice, spite, ill-naturedness, fury* (ярость);

злой – 1. (полный злобы) *ill-natured*; злые люди – *malevolent people*; злые глаза – *malicious eyes*; 2. заключающий в себе зло – *wicked, malicious, spiteful*;

злой рок – *ill fate*; злой замысел – *evil design*; 3. свирепый (о животном) – *vicious, savage, fierce*; 4. приносящий боль – *painful, agonizing*; злой недуг – *cruel sickness*;

5. перен. – *mischievous, spiteful*; злая горчица – *hot (strong) mustard*; злая насмешка – *cruel jest*; злой мороз – *severe frost*; злой гений – *evil genius*; злой дух – *evil spirit*;

⁴² Возможно, здесь, как и в немецком языке (см. раздел 3.1.3.3), подчеркивается конкретное контекстно обусловленное качество молодого человека, а не его *доброта*. Но, если в немецком языке это была храбрость (*verwegen, kühn*), то в английском им стало благородство.

злобный – *malicious, wicked, mischievous, evil-minded, ill-natured*; злобный взгляд – *malignant glance* [Мюллер, 2009, с. 587].

Разным пониманиям зла в английском языке могут соответствовать разные лексемы: метафизическое зло – это, в соответствии с данными переводного словаря, *evil*, социальные зло, злоба и злость могут переводиться самыми разными лексемами (*spite, malice, wickedness, bitterness, fury, ill-natured, malevolent, malicious, malignant*).

4.2.2. Соответствия русским лексемам *зло, злость, злоба, злой и злобный* в толковом английском словаре

Переводные соответствия лексемам с корнем *-зл-* мы так же, как в случае с корнем *-добр-* (см. раздел 4.2.1) представим в виде алфавитного списка. Отдельные лексемы представлены только в том случае, если перевод соответствующего контекста достаточно эквивалентен не только семантически, но и синтаксически, то есть существительное в ИТ соответствует существительному в ПТ, словосочетание типа прилагательное+существительное в ИТ соответствует словосочетанию с такой же структурой в ПТ и т.д. В данном разделе толкования лексем и синонимы (если они указаны) также приводятся на основе толкового Оксфордского словаря английского языка [OD] и толково-этимологического онлайн-словаря [MW], перевод толкований принадлежит автору настоящего исследования.

Существительные:

anger – чувство сильного эмоционального недовольства (синонимы: *fury, indignation, irritation, wrath, rage*);

bitterness – глубоко укоренившаяся неприязнь (синонимы: *hostility, grudge, hatred*);

evil – то, что нравственно неприемлемо (синонимы: *badness, sin, darkness, wickedness, villainy, satanism*);

fury – дико возбуждённое эмоциональное состояние (синонимы: *frenzy, rage, agitation*);

grievance – 1. причина страдания, повод для жалобы (синоним: *injury*); 2. жалоба (синоним: *complaint*);

grudge – чувство глубокой обиды (синонимы: *grievance, resentment*);

harm – что-л., что вызывает боль или приводит к потере (синонимы: *damage, injury*);

hatred – 1. крайняя неприязнь или отвращение (синонимы: *disgust, hate*); 2. враждебность (синоним: *hostility*);

hostility – глубоко укоренившаяся, как правило, взаимная неприязнь (синонимы: *antipathy, antagonism, grudge*);

ill-feeling – чувство гнева или негодования;

ill-humour – плохое настроение, характеризующееся угрюмостью и раздражительностью (синоним: *crossness*);

indignation – гнев, вызванный чем-то несправедливым (синонимы: *anger, fury, wrath*);

irritation – раздражённое состояние (синонимы: *annoyance, exasperation*);

malice – желание причинить боль ради удовлетворения от этого (синонимы: *venom, malignity, malevolence, spite, cruelty, hostility*);

rage – бешеный, неконтролируемый гнев (синонимы: *agitation, fury*);

rancour – горькая, глубоко укоренившаяся неприязнь (синонимы: *animosity, hostility, bitterness, grudge*);

resentment – чувство возмущения и неприязни к чему-л., что рассматривается как несправедливость (синонимы: *grievance, grudge*);

spite – желание причинить боль ради удовлетворения от этого (синонимы: *malice, cruelty, venom, hatred*);

spleen – чувство подавленного гнева (синонимы: *anger, rage, wrath*);

wickedness – качество, состояние зла (синонимы: *devilishness, mischief, rascality*);

wrath – сильный гнев, негодование, связанные с идеей мести (синонимы: *anger, rage, fury, mad*).

Относительно существительных можно предположить, что в метафизическом понимании русского слова *зло* наиболее близкими будут английские лексемы *evil* и *wickedness*⁴³, в понимании *зло* как постоянная *злость* характера (так же *злоба* и *злость*) – существительные *bitterness, malice, spite*, а в понимании *зло* как временной *злой* эмоции – существительные *fury, grudge, hatred, hostility, ill-feeling, ill-humour, indignation, irritation, rage, rancour, resentment, spleen, wrath*.

Прилагательные:

angry(angrily) – 1. испытывающий или проявляющий гнев (синонимы: *enraged, outraged, furious*); 2. происходящий от (из-за) гнева (синонимы: *foaming, steaming*); 3. болезненно возбуждённый (синонимы: *enflamed*);

evil – 1. нравственно предосудительный (синонимы: *sinful, wicked*); 2. причиняющий или способный причинить вред (синонимы: *harmful, dangerous, damaging, bad*);

malevolent(ly) – проявляющий желание причинить кому-л. боль просто ради удовольствия (синонимы: *vicious, malicious, hateful, cruel*);

ill-tempered – сварливый, раздражённый (синонимы: *ill-humored, ill-natured*);

malicious(ly) – проявляющий желание причинить кому-л. боль просто ради удовольствия (синонимы: *vicious, nasty, malignant, malevolent, spiteful, hateful, cruel*);

malignant – проявляющий желание причинить кому-л. боль просто ради удовольствия (синонимы: *vicious, malicious, nasty, hateful, cruel*);

mischievous(ly) – склонный к проявлению безрассудной игривости (синонимы: *wicked, naughty, playful*);

spiteful(ly) – проявляющий желание причинить кому-л. боль просто ради удовольствия (синонимы: *malicious, hateful, vicious, cruel*);

---

⁴³ Об этом см. тж. (Ковалевская Т.В. 2025, с. 39-40)

vicious(ly) – 1. экстремальный по степени, силе (синонимы: *intense, ferocious, terrible, violent, fierce*); 2. желающий причинить сильную боль другим (синонимы: *brutal, cruel, savage*); 3. нравственно неприемлемый (синонимы: *unlawful, sinful, bad, evil, immoral, wicked*); 4. недружелюбный или агрессивный (синонимы: *savage, ferocious, fierce*);

wrathful(ly) – исполненный гнева (синонимы: *angry, furious*).

Относительно прилагательных можно предположить, что в метафизическом понимании русского слова *злой* наиболее близкими будут английские лексемы *evil* и *wicked*. В социальном понимании *злой* и *злбный* как имеющий *злбность* в характере скорее соответствуют прилагательным *malevolent, malicious, malignant, spiteful*. Характеристика *злой* как охваченный *злой* эмоцией скорее соответствует прилагательным *angry(angrily), mischievous, vicious*.

В целом на основании словарных данных можно предположить, что в английском языке нет лексем, которые включали бы в себя все три понимания русского *зла*, что и приводит нас к подтверждению гипотезы, что адекватный перевод исследуемых лексем на английский язык почти или совсем невозможен.

4.2.3. Лексемы с корнем -зл- в переводах

4.2.3.1. Существительное *зло*

Если при переводе существительного *добро* свой выбор английские переводчики делали между многозначным (в том числе, «метафизическим») *good* и «социальным» *kind*, для *зла* в английском языке переводческий выбор значительно шире. В разделе 4.1.3.1 мы отмечали, что лексема *wickedness*, встретившаяся в переводе Гарнетт примера (3) в указанном разделе, имеет библейские коннотации. То же самое можно сказать и о лексеме *evil*, соответствующей «метафизическому» *злу* в рассматриваемых переводах. Самая главная фигура в ряду «злых духов» христианской традиции, именуемая в русском тексте молитвы «Отче наш» *лукавым*, а в немецком – субстантивированным

прилагательным *der Böse* («злой»), в английском языке именуется посредством использования лексемы *evil: deliver us from evil* («избави нас от лукавого»)⁴⁴:

(1) ... а почему ты знаешь, может быть, лет десять, восемь назад, эта же самая, с соленой-то рыбой, – приехала сюда откуда-нибудь **свеженькая, как херувимчик, невинная, чистенькая; зла не знала**, на каждом слове краснела. [Т. 5, с. 161]

- Maybe ten years, eight years ago that very woman with the salt fish came here **fresh as a cherub, innocent, pure, knowing no evil**, blushing at every word.

[Ga2, с. 270]

- Maybe ten years, eight years ago that very woman with the salted fish had come here **fresh as a little cherub, innocent, pure, knowing no evil**, blushing at every word. [Ja2, с. 93]

- Perhaps, some eight or ten years ago, even that woman with the fish came to this house as **fresh as a cherub, and innocent, and pure, and ignorant of evil**, and ready to blush at the least word. [Ho, с. 116]

Все три перевода примера (1) можно считать минимально (несущественно в смысловом отношении) не эквивалентными лишь из-за расхождения в передаче сочетания «зла не знала» («не зная зла у Гарнетт и Якима и «не знающая зла» у Хогарта), при этом они являются адекватными.

Спектр вариантов перевода лексемы *зло* максимально широк в том случае, когда она относится к описанию характера или эмоций людей («социальное» *зло*):

(2) *К тому же не позволяй представления, так, пожалуй (кто их знает? народ каторжный!), нарочно что-нибудь **напакостят со зла** и караульных подведут.* [Т. 4, с. 119]

- ... if the theatricals were not allowed, maybe (there 's no knowing with a lot of criminals!) **they might get up some mischief through spite** and get the watch into trouble. [Ga1, с. 153]

⁴⁴ См., напр., здесь: <https://drbo.org/>

- “<...> if the show isn't permitted, then maybe (who knows what they're capable of? they're a bunch of convicts, after all!) **they'll do something out of sheer spite** and make trouble for the guards.” [Ja1, с. 154]
- ... if he took it upon himself to forbid the representation, these fellows (who knows, and with convicts?) **would have committed some offence** which would have placed the officer of the guard in a very difficult position. [Ed, с. 176]

Выбор лексем в переводах Гарнетт и Якима можно считать эквивалентным, но в рамках выделенной ЕП эквивалентность выше у Гарнетт: там присутствует «пако́сть», *mischief*, в то время как Яким теряет сему мелочной *злобности* поступка, переводя словосочетание «напакостят со зла» как «сделают что-то просто со зла». Эдвардс полностью пренебрегает эквивалентностью: его вариант звучит приблизительно как «они совершат какое-либо правонарушение», таким образом, и адекватным его признать нельзя. Варианты Гарнетт и Якима могут быть оценены как адекватные только в том случае, если оценивающий уверен, что речь идёт о социальном зле, причём, постоянном, а не временно-эмоциональном, а также (что невозможно при переводе произведений Достоевского) уверен в отсутствии метафизического смыслового компонента в характеристике.

В следующем примере сложно однозначно сказать, имеется ли в виду *зло* как постоянная черта характера или как преходящая эмоция:

(3) Но прошлого года на рождестве майор был не в духе: где-то проигрался, да и в остроге к тому же нашалили, **вот он и запретил** [театральное представление – Е. Ч.] **со зла**. [т. 4, с. 100]

- But last Christmas he had been in a bad temper: he had lost at cards somewhere, and , besides, there had been mischief in the prison, **so he had forbidden it out of spite**. [Ga1, с. 127]
- But last Christmas the Major had been out of sorts: he had lost at cards somewhere, and meantime things had gotten out of hand in the prison, **and so he had forbidden the show out of spite**. [Ja1, с. 128]
- ... provided only the Major did not take it into his head to forbid the performance, as he had done the previous year. He was at that time in ill-humour through having

lost at cards, and he had been annoyed at something that had taken place in the prison. Accordingly, **in a fit of ill-humour**, he had forbidden the performance.

[Ed, c. 144]

С одной стороны, весь текст повести пронизан упоминаниями о *злом* характере майора (*Сам по себе он только был беспорядочный и злой человек, больше ничего.* (т. 4, с. 28)). С другой стороны, в данном контексте *зло* в характере майора «всколыхнулось» из-за неприятной для него ситуации: то ли проиграл деньги, то ли произошло еще что-то плохое. На и так недобрый характер майора повлияла негативная эмоция. Если имеется в виду первое, то более эквивалентными и адекватными будут переводы Гарнетт и Якима, поскольку Эдвардс использует в качестве соответствия лексему *ill-humour*, которая больше связана с негативными эмоциями, чем со злобностью характера в целом. Даже если исключить метафизическое понимание *зла* в данном контексте, невозможно определить, постоянное или временное *зло* имеется в виду. Поэтому, за счёт объединения смыслов в одной русской лексеме и отсутствия её полного эквивалента в английском, об адекватности здесь можно говорить только относительно определённого понимания читателем «коммуникативной установки автора», что часто невозможно.

Можно также отметить, что английские переводчики не всегда передают разницу между *злом* как постоянной чертой характера человека и как временным эмоциональным состоянием. Лексемы, словарное толкование которых ближе либо к первому, либо ко второму подзначению, постоянно смешиваются в переводах, что затрудняет беспристрастную оценку их адекватности. Исследователи английских переводов творчества Достоевского также отмечали, что «семантическая структура английских прилагательных такова, что практически ни одно из этих прилагательных невозможно употребить для одновременного описания сущностного состояния и временного эмоционального» [Ковалевская, 2025, с. 40].

В тех примерах употребления, в которых существительное *зло* можно заменить на такие русские лексемы, как «ярость», «гнев», «бешенство» и т.п.,

английский язык (как и немецкий) предоставляет наибольшее количество вариантов лексической реализации:

(4) Как узнал я, что в воскресенье они [семья Луизы – Е. Ч.], может быть, всё дело решат, **так меня зло взяло**, что и с собой совладать не могу. [Т. 4, с. 102]

- When I knew that maybe on Sunday everything would be settled, **I was seized with such fury** that I did not know what I was doing. [Ga1, с. 129]
- When I found out they might settle the whole business on Sunday, **I was possessed by such rage** that I couldn't control myself. [Ja1, с. 130]
- When I found that the business was to be settled en Sunday, **I was so furious** that I could not recover my cold blood, and the following day I did nothing but reflect. [Ed, с. 147]

Эквивалентность нарушена минимально у Гарнетт и Якима («я был охвачен такой яростью») и максимально у Эдвардса, который переводит существительное прилагательным: *I was so furious* – «я был так яростен». *Fury* и *rage* трактуются в толковых английских словарях как синонимы, в этот же ряд входит существительное *anger*, родственное немецкому *der Ärger*, которое рассматривалось в предыдущей главе (*зло* как *злость*, *гнев*, *раздражение*, *сердитость*, *досада*). Лексемы *fury* и *furious* этимологически связаны с латинским существительным *furia* – «ярость, безумие».⁴⁵ Лексема *rage* происходит от латинского слова *rabia*, «сумасшествие, бешенство». Здесь можно вспомнить русское выражение «бесноваться от ярости», где *злость* как ярость и бешенство так же смешиваются. Все три перевода можно считать адекватными, только исходя из предпосылки, что *зло*, которое «берёт», – это именно эмоциональное временное *зло*.

В примере (5) дважды встречается лексема *spleen*, которая, помимо *злости*, обозначает селезенку (от лат. *splen* – «селезенка»), орган, который вырабатывает желчь, секрет человеческого организма, в разных языках ассоциирующийся с недружелюбием и негативными эмоциями (ср. русск. «желчные слова», «желчно

⁴⁵ Фуриями назывались также богини мщения в римской мифологии.

усмехнуться», нем. *galliger*⁴⁶ *Mensch* – «желчный человек»)⁴⁷. Синонимами *spleen* в значении «зло как эмоция» являются также встретившиеся выше лексемы *rage* и *fury*:

(5) Я приехал к вам с тем, чтоб исколотить одного из них, офицера; но не удалось, не застал; надо же было обиду на ком-нибудь выместить, свое взять, ты подвернулась, я над тобой и вылил зло и насмеялся. [т. 5, с. 173]

- I had to avenge the insult on someone to get back my own again; you turned up, I vented my spleen on you and laughed at you. I had been humiliated, so I wanted to humiliate; I had been treated like a rag, so I wanted to show my power... [Ga2, с. 289]

- ... so, I had to avenge the insult on someone to restore my ego; you turned up, so I vented my spleen on you and laughed at you. I had been humiliated, so I wanted to humiliate; I had been treated like a rag, so I wanted to show my power... [Ja2, с. 110]

- But I <...> felt that I must revenge myself upon some one, and get my own back. You chanced to be at hand, and so I vented all my rage and venom upon you. I had been humiliated, so I humiliated you. I had been rinsed out like a rag, so I exerted my strength upon you. [Ho, с. 139]

Интересно отметить, что в примере (5) все трое переводчиков следуют оригиналу с точки зрения его эквивалентности в рамках словосочетания «выместить обиду» (где «обида» – *spleen* или *rage*), но отклоняются от него при переводе словосочетания «вылил зло», сводя его во всех трех случаях к передаче представления «показать власть, силу»: *I wanted to show my power, I exerted my strength*.⁴⁸ Таким образом, все три перевода не являются ни эквивалентными, ни адекватными: *зло* как *злость* «перемещается» на место обиды, а из того контекста,

⁴⁶ От нем. *die Galle* – желчь.

⁴⁷ Ср. тж. в словаре Апресяна: «арх. сплин, хандра» [НБАРС, т. 3, с. 326]

⁴⁸ Возможно, переводчики учитывают здесь неоднократно повторяемое в тексте повести желание героя «тиранствовать» (ср.: *Без власти и тиранства над кем-нибудь я ведь не могу прожить*. [т. 5, с. 175]).

где в оригинале употреблена именно лексема *зло*, исчезают все его лексические эквиваленты.

В примере (6) все трое переводчиков пренебрегают как эквивалентностью, так и адекватностью:

(6) Умирая, **он** говорил, что **не имел ни на кого зла**, а хотел только пострадать.
[Т. 4, с. 29]

- As he lay dying he said that **he meant no harm to anyone**, but was only seeking suffering. [Ga1, с. 36]
- As he lay dying, he said **he meant no harm to anyone** but only wanted to suffer. [Ja1, с. 34]
- He declared during his last moments that **he hated no one**; but that he had wished to suffer. [Ed, с. 37]

Лексические средства английского языка вполне позволили бы перевести этот пример более адекватно, например, «ни на кого не злился», используя одну из «социальных» лексем, тем не менее, у Гарнетт и у Якима «не имел ни на кого зла» переведено как «он никому не хотел причинить вреда», а у Эдвардса – «он никого не ненавидел». Никаких иных причин, кроме желания самих переводчиков настолько далеко отступить от структуры оригинала, предположить в данном случае нельзя.

В примере (7) у существительного *зло* нельзя однозначно определить его смысловой охват, поэтому переводчики сужают его до пределов, которые кажутся верными им самим:

(7) Гадкое, низкое желаньице **воздать обидчику тем же злом**, может, еще и гаже скребется в ней [в мыши, с которой ассоциирует себя «подпольный человек» – Е.Ч.], чем в *l'homme de la nature et de la vérité*. [Т. 5, с. 104]

- The base and nasty desire **to vent that spite on its assailant** rankles perhaps even more nastily in it than in *l'homme de la nature et de la verite*. [Ga2, с. 187]
- A vile, mean little desire **to repay the offender with the same evil** that it has received is, perhaps, festering in the mouse even more foully than in *l'homme de la nature et de la vérité*... [Ja1, с. 10]

- Yes, a mean, debased little yearning **to repay the offender in his own coin** might wax in that mouse's bosom in an even meaner way than it would do in that of *l'homme de la nature et de la vérité...* [Ho, c. 14]

У Гарнетт «воздать обидчику тем же злом» – это «желание выпустить злобу на своего обидчика», что неэквивалентно и неадекватно оригиналу. Адекватность её перевода снижена так же за счёт употребления лексемы *spite*, наиболее тесно связанной со *злостью* в характере человека. У Якима и Хогарта в контексте сохраняется сема «воздаяния», однако соответствия лексеме *зло* у Хогарта нет вовсе («отплатить обидчику его же монетой»), что делает перевод неадекватным. У Якима выделенная ЕП соответствует сочетанию «отплатить обидчику тем же злом», поэтому вариант Якима при этом достаточно эквивалентен⁴⁹ и максимально адекватен.

4.2.3.2. Существительные *злоба* и *злость*

4.2.3.2.1. Существительное *злоба*

Злость и *злоба* в русском языке являются синонимами между собой, а также – в некоторых подзначениях – синонимами существительного *зло*. Выше было показано, что метафизическому *злу* в английских переводах в основном соответствует лексема *evil*, для социального зла более частотна лексема *spite* и некоторые другие, при этом *spite* чаще всего означает постоянное *зло* в характере человека, эмоциональному *злу* могут соответствовать, например, *rage* или *fury*. Английским переводчикам приходится задаваться целью передать какое-то одно значение, и эта цель, как уже было показано выше, часто приводит к снижению адекватности перевода. В целях выбора переводчик может обратиться либо к контекстному окружению антиаксиологемы (например, «кого-л. в какой-л. момент охватила *злоба* / *злость*»), либо к собственной интуиции. Так, в примере (1) «временность» *злости* подчёркивается контекстом: «минуты *злости*»:

⁴⁹ Ещё раз отметим, что, возможно, это связано с тем, что именно Б. Яким из представленных в работе переводчиков занимался в первую очередь переводами философско-богословских текстов (см. раздел 2.4).

(1) ... *эта зависть, посещавшая меня в минуты злости, имела свое законное основание.* [Т. 4, с. 197]

- ... there were legitimate grounds for **the envy which came upon me in moments of ill-humour**. [Ga1, с. 258]
- ... **this envy which visited me in moments of bitterness** had a legitimate foundation. [Ja1, с. 262]
- ... **this envious hatred of them, which came to me in moments of irritation**, was not without its reasonable cause... [Ed, с. 307]

Вариант Гарнетт *ill-humor* («зависть, охватывавшая меня в минуты плохого настроения») не является ни эквивалентным, ни и адекватным. Яким, в переводе которого зависть не «охватывала», а «посещала» (пример ещё одного случая невынужденного и немотивированного добровольного отказа от принципа эквивалентности) переводит злостью как *bitterness* – «глубоко укоренившаяся неприязнь», лексема, однокоренная со словом *bitter* («горький»), как и «горечь» – «горький» в русском языке. Горечь – преходящее эмоциональное состояние, поэтому сема «временности» при таком переводе сохраняется («горечь – тяжёлое чувство, вызываемое бедой, несчастьем, неудачей, обидой» [Евгеньева, 1985, т. 1, с. 334]), но его нельзя считать абсолютно эквивалентным соответствием *злобе*. Вариант Эдвардса – *moments of irritation* – «моменты раздражения, гнева» представляется даже более адекватным, так как в нём присутствует сема агрессивности в обиде, которой нет в «горечи». При этом о достижении полной адекватности (отражении всех потенциально актуализующихся в антиаксиологеме и окружающем её контексте смыслах, а также её стилистических помет) во всех трёх случаях говорить нельзя.

В примере (2) на первый взгляд подразумеваются постоянные *злоба* и *злость* в характере человека, так как произносящий эти слова подпольный человек на протяжении целого абзаца говорит про себя: «... *если стану мстить, то только разве из злости. Злость, конечно, могла бы все пересилить, все мои сомнения <...> Но что же делать, если у меня и злости нет <...>. Злоба у меня опять-таки...*» [т.

5, с. 108-109]. Здесь пересекаются как полные синонимы *злость* и *злоба*, и мы рассмотрим переводы последнего предложения цитаты целиком:

(2) **Злоба** у меня опять-таки вследствие этих проклятых законов сознания химическому разложению подвергается. [Т. 5, с. 108]

- In consequence again of those accursed laws of consciousness, **anger in me is subject to chemical disintegration**. [Ga2, с. 193]
- Again, as a consequence of these accursed laws of consciousness, **the evil in me is subject to chemical decomposition**. [Ja2, с. 17]
- Under the accursed laws of sensibility, **malice becomes subject to a process of chemical disintegration**... [Ho, с. 22]

Если исходить из предположения, что у русских существительных *злоба* и *злость* нет метафизических коннотаций, в отличие от существительного *зло*, то вопрос адекватности перевода сводится в данном случае к тому, идёт ли речь о постоянной или о временной *злобе*. В русском языке они связаны одним корнем, английским же переводчикам приходится выбирать. Вариант Гарнетт – лексема *anger* – связана с эмоциональной *зlobой*. У Якима *злоба* здесь – это «метафизическая» лексема *evil*, в спектр значений которой входит как «высшее», «надчеловеческое» *зло* (ср. *evil spirit* – «злой дух»; среди синонимов указывается так же *sin* – «грех»), так и (хотя она и значительно реже используется переводчиками во втором смысле) сущностное социальное *зло*. Хогарт использует существительное *malice* («желание ранить, причинить боль другому человеку»), среди синонимов которого уже встречавшаяся лексема *spite*, а также существительные *cruelty* (жестокость) и *hostility* (враждебность), так что такой перевод можно было бы считать адекватным при невозможности актуализации метафизического семантического компонента, что в данном случае неверно. Наименее адекватным вариантом оказывается, таким образом, перевод Гарнетт. В подтверждение этому можно сослаться на уже упоминавшуюся выше работу Т.В. Ковалевской, в которой автор показывает, что контекст, в который входит пример (2) является «одним из самых метафизически нагруженных в повести» [Ковалевская, 2025, с. 41]. Подпольный герой использует в данном фрагменте «социальное» существительное *злость*, чтобы скрыть под ним

метафизическое зло: «Текст Достоевского оказывается посвященным ключевому конфликту добра и зла, суть устремлений подпольного – это попытка зла заместить собой добро на уровне мироздания, иначе говоря, это бунт сатаны против Бога. “Злость” оказывается завуалированной формой описания одной стороны конфликта» [Ковалевская, 2025, с. 42-43]. В русском языке это становится возможным благодаря одной форме, т.е. одинаковому корню слова, перед английскими же переводчиками, даже если они «считывают» указанный подтекст, подобная задача оказывается практически неразрешимой.

Существительное *malice* встречается в двух из трёх переводов примера (3), и здесь столь же не очевидно из контекста, была ли *злоба* арестанта заключена в его характере, или же имеется в виду раздражение, которое вызвала у него фигура майора:

(3) *Сошедший с ума, зачитавшийся в Библии арестант <...> объявил, что он бросился на майора без злобы, а единственно желая принять муки.* [Т. 4, с. 197]

- The convict whom I have described already, who used to read the Bible <...> declared that **he attacked the major without malice**, simply to "accept suffering." [Ga1, с. 257]
- The convict who went crazy, the one who did nothing but read the Bible <...> declared that **he had attacked the Major without any malice**, but solely out of a desire to take suffering upon himself. [Ja1, с. 261-262]
- The convict who was always reading the Bible, of whom I spoke earlier, the one that went mad <...> declared that **he attacked the Major though he had no grievance in particular**; all he wanted was to have some torments inflicted on himself. [Ed, с. 306]

Если опираться на словарные толкования лексем, то у Гарнетт и Якима *злоба* ближе к русскому пониманию *зла* в характере, *злоба* у Эдвардса – скорее, обида, то есть эмоция. Таким образом, мы снова приходим к тому, что единство формы в русском языке позволяет оценивать значение этой формы на собственное усмотрение читателя, соответственно, и оценка адекватности перевода, ввиду отсутствия в английском языке подобных многозначных, но обладающих единой формой,

лексем будет отталкиваться от выбора смысла оценивающим. Оценить эквивалентность при этом возможно, если мы говорим лишь о сходствах структур: переводы Гарнетт и Якима можно считать эквивалентными, Эдвардс же снова пренебрегает данным качественным критерием, переводя контекст как «бросился на майора, хотя у него не было никакой особенной обиды».

В примере (4) все три перевода являются неэквивалентными:

(4) *Начали собираться по кучкам, толковали по казармам, ругались, **припоминали со злобой** всё управление нашего майора...* [Т. 4, с. 201]

- They began collecting in groups about the prison wards, arguing; **they recalled with oaths the whole of the major's term of office...** [Ga1, с. 262]
- The men began to gather in groups; they talked in the barracks; they argued; **they angrily recalled every moment of the Major's reign.** [Ja1, с. 267]
- The men gathered in groups in their barracks, **talking things over in a violent way, and going over all the particulars of the Major's misdoings ...** [Ed, с. 312]

«Припоминали со злобой всё управление ... майора» Гарнетт переводит как «припоминали с проклятиями⁵⁰ весь срок полномочий майора», Яким – как «они злобно вспоминали каждый момент правления майора», а Эдвардс – как «агрессивно обсуждали происходящее...». Несмотря на то, что все три перевода передают общий смысл ситуации, их нельзя признать адекватными: «со злобой» не равно «с проклятиями» или «агрессивно». Относительно адекватен только вариант Якима «со злобой» = *angrily*, но только в том случае, если читатель воспринимает «со злобой» как «разозлившись».

Относительно примера (5) для первых двух переводов можно сказать об адекватности то же самое, что для примера (4):

(5) *И потому [ростовщик – Е.Ч.] если ругался иногда потом, то без всякой **злости**, а так только, для очистки совести.* [Т. 4, с. 18]

⁵⁰ Лексема *oath* означает «клятва», но, напр., в словаре [MW] одно из ее толкований – *an irreverent or careless use of a sacred name* – «непочтительное или бездумное использование сакрального имени», что близко русскому понятию «богохульство» или даже «проклятие». Ср. русск. «сыпать проклятиями» – «сыпать ругательствами».

- And so even **if he sometimes swore afterwards, it would be without malice**, simply to appease his conscience. [Ga1, c. 23]
- And so even **if he sometimes cursed a bit afterwards, it was done without any malice** and only to cleanse his conscience. [Ja1, c. 262]
- Accordingly, **if he was insulted after this restitution, it was less from hatred** than simply as a matter of conscience. [Ed, c. 21]

При этом переводы Гарнетт и Якима можно считать достаточно эквивалентными, Эдвардс же снова изменяет структуру контекста в ПТ настолько, что его перевод можно признать не только неэквивалентным, но и вовсе неверным и, следовательно, неадекватным: «если он и оскорблялся после такого возмещения [речь идёт о том, что после проверки у ростовщика отбирались заложенные вещи – *Е. Ч.*], это было не столько от ненависти, (сколько от...)».

В примере (б) речь идёт скорее об эмоциональной преходящей *злобе*, потому что арестанты полагали, что начальство острога *разозлится* на них за написанную претензию к условиям содержания:

(б) ... *ни малейшего упрека, ни малейшего намека на упрек мы не слышали, **никакой особенной злобы не прибавилось***. [Т. 4, с. 207]

- ... not a hint of reproach; **there was no increase of ill-feeling against us**. [Ga1, c. 271]
- ... we didn't hear the slightest reproach, or even the slightest hint at a reproach, and **there wasn't any increased hostility towards us**. [Ja1, c. 276]
- ... we did not hear the slightest reproach, **there was not even an unpleasant allusion to what had happened**, it was all simply passed over. [Ed, c. 323]

Полностью эквивалентным нельзя признать ни один перевод: у Гарнетт «никакой особенной злобы не прибавилось» переведено как «не было никакого усиления злобы по отношению к нам», у Якима – «не было никакой усиленной враждебности к нам». Эдвардс, что характерно для его перевода в целом, довольно далеко отступает от принципов как эквивалентности, так и адекватности: «не было даже неприятного намёка на то, что произошло». Относительно адекватности первых двух переводов можно сделать тот же вывод, что и в предыдущих примерах:

лексические средства английского языка ограничивают понимание многозначной лексемы *злоба*, как и большинства однокоренных с ней слов, и если мы признаём актуализацию в лексеме эмоциональной семы, то оба перевода можно считать адекватными, но это будет исключительно субъективная оценка.

В примере (7) речь, как кажется на первый взгляд, идёт исключительно об эмоциональной временной *злобе*, которая возникала у подпольного человека при виде некоего неприятного ему офицера:

(7) *Но я-то, я, смотрел на него [на офицера – Е.Ч.] со злобою и ненавистью, и так продолжалось... несколько лет. Злоба моя даже укреплялась и разрасталась с годами.* [Т. 5, с. 129]

- But I – I stared at him with spite and hatred and so it went on ... for several years! My resentment grew even deeper with years. [Ga2, с. 223]
- As for me, I looked at him with anger and hatred, and it continued this way ... for several years, gentlemen! My anger grew even stronger and increased as the years passed. [Ja1, с. 47]
- None the less I always regarded him with hatred and envy. Thus things continued for several years, my grudge against him growing ever deeper and stronger as the years passed on. [Ho, с. 58]

Тем не менее, если снова обратиться к факту, отмеченному в разборе примера (2) в данном разделе, то есть к метафизичности *злости* / *злости* подпольного героя, критерий оценки адекватности становится слишком зыбким, чтобы быть бесспорно применимым. Интересно также отметить, что Гарнетт и Хогарт переводят два вхождения лексемы *злоба* в двух соседних предложениях разными лексемами. Первое вхождение лексемы *злоба* у Гарнетт (*spite*) в данном случае ограничивает понимание *злости* как *злости* в характере, второе вхождение – *resentment*⁵¹ – ближе к эмоциональной *злобе*, к обиде и раздражению. У Якима *злоба* в обоих случаях эмоциональная – *anger*, у Хогарта же в первом случае «*злоба* и *ненависть*» переведены как «*ненависть* и *зависть*», что неэквивалентно и неадекватно, а во

---

⁵¹ Resentment этимологически связано с понятием ressentiment (рессентимент; см., напр., [Ковалевская, 2024, с. 48])

втором случае это *grudge*⁵² (*a feeling of deep-seated resentment or ill will* – «чувство глубоко укоренившейся обиды или недоброжелательности»). Интересно отметить, что в семантику глагола, от которого происходит существительное *grudge*, включено понятие «зависти», которая уже встречалась в его же переводе этого примера предложением ранее: *to grudge – to resent or envy the success or possessions of* («испытывать неприязнь или завидовать успеху или имуществу кого-л.»). Учитывая, что в данном контексте речь действительно идет о *злых* эмоциях, вызванных завистью, такой неэквивалентный перевод возможно признать достаточно адекватным. Третье замечание, которое можно сделать относительно такого небольшого фрагмента текста, – это то, что переводчики, возможно, попытались через расщепление понятий передать многозначность русского слова *злоба*: здесь в неё включены и метафизическое *зло*, проходящее через весь текст в отношении сути подпольного, его постоянная сущностная *злоба* и *злоба* как эмоция по отношению к встреченному офицеру, вызванная завистью. Поскольку в английском языке, по-видимому, нет одной (широко употребляемой, если можно судить об этом по отсутствию таковой в шести переводах, максимально охватывающих период времени с начала переводов Достоевского и до наших дней) лексемы, способной вместить в себя все три смысловых компонента (как было показано ранее, даже любые два из них), Гарнетт и Хогарт пытаются вместить смыслы в разные лексические элементы пары *злоба* – *злоба*. Яким, хотя его переводам, как мы уже отмечали выше, свойственно особенное внимание к аскиологемам и особенно антиаксиологемам, по неясным причинам ограничивается одним – «эмоциональным» – существительным.

Еще одна лексема, встретившаяся в качестве переводных эквивалентов и *злобы*, и *злости* (причем у разных переводчиков), – существительное *wrath* и производное от него наречие *wrathfully* в примерах (8) и (9):

---

⁵² Ср. выражения *to hold / keep up / cherish a grudge against smb* – «иметь зуб» на кого-л. (т.е. подразумеваемся не кратковременная эмоция, а длительно питаемая направленная *злоба*).

(8) *Ведь через минуту какую-нибудь я уже с злобою соображаю, бывало, что всё это ложь, ложь, отвратительная напускная ложь...* [Т. 5, с. 107]

- Of course, a minute or so later **I would realize wrathfully that it was all a lie**, a revolting lie, an affected lie... [Ga2, с. 192]
- After about a minute or so, **I'd already be angrily thinking that all this** – all these repentances, all these tender feelings, all these vows of rebirth – **was a lie**, a revolting lie, an affected lie. [Ja2, с. 15-16]
- Then, a moment or two later, **I have always angrily reminded myself that my whole conduct has been false** – horribly, gratuitously false... [Ho, с. 20]

Неэквивалентность переводов выделенной ЕП у Гарнетт и Якима в примере (8) обусловлена главным образом расхождением грамматических структур русского и английского языка, у Эдвардса, по-видимому, либо желанием самого переводчика, либо непониманием структуры ИТ: «я всегда гневно напоминал себе, что все мои действия были ложными». При этом все три переводчика выбирают эмоциональные наречия для перевода сочетания «со злобой», поэтому относительно адекватности переводов мы можем лишь повторить наши выводы относительно других примеров.

Однокоренное с *wrathfully* существительное *wrath*⁵³ встречается в переводе Хогарта примера (9):

(9) *Иногда злоба меня просто душила.* [Т. 5, с. 129]

- Sometimes **I was positively choked with resentment**. [Ga2, с. 192]
- Sometimes **my anger positively choked me**. [Ja2, с. 48]
- Sometimes **my wrath almost stifled me...** [Ho, с. 58]

Все трое переводчиков используют здесь эмоциональные существительные, связанные с понятием «гнев». Эквивалентность ниже у Гарнетт, которая использует пассивную конструкцию для передачи активной. Выбор эмоциональной лексики в отношении героя повести может стать причиной оценки перевода контекста как

⁵³ Следует отметить, что существительное *wrath* является соответствием русскому «гнев» в списке семи смертных грехов (см., напр., [Масленникова, 2015]).

неадекватного, о чём уже неоднократно говорилось выше. То же самое в отношении адекватности можно сказать и о примере (10):

(10) *Я упивался моей злостью, на него глядя...* [Т. 5, с. 130]

- **I gloated over my resentment** watching him and ... always resentfully made way for him. [Ga2, с. 225]
- **I reveled in my anger** watching him and... angrily made way for him every time. [Ja2, с. 49]
- ... and as I gazed at him **I used to feel perfectly drunk with rancour**... [Ho, с. 60]

Наиболее эквивалентным переводом примера (10) можно считать перевод Якима: «я наслаждался своим гневом». Варианты Гарнетт («я злорадствовал над своей неприязнью») и (особенно) Хогарта («я чувствовал себя совершенно пьяным от злобы») значительно меньше соответствуют оригиналу даже структурно. Что касается степени адекватности, то здесь, напротив, можно более высоко оценить перевод Хогарта, в котором сохранена семантическая параллель: «*упивался злобой*» в ИТ и *drunk with rancour* – «пьяный от злобы» в ПТ. Если отталкиваться от определения адекватности, принятого в данной работе, в таком переводе в рамках рассматриваемой ЕП она выше, чем в переводах Гарнетт и Якима, где сема «пьяный» потеряна. Но считать перевод Хогарта полностью адекватным, тем не менее, нельзя. Словарные толкования лексемы *rancour* несколько отличаются друг от друга в разных словарях, но, как правило, они сводятся к тому, что это эмоция, и она относится к чему-либо, свершившемуся в прошлом. Так, в словаре Cambridge Dictionary это *a feeling of hate and continuing anger about something in the past* – «чувство ненависти и длительного раздражения по отношению к чему-л. в прошлом» (как синоним приводится существительное *bitterness*), в словаре [Oxford Dictionary] – *inveterate and bitter ill-feeling, grudge, or animosity; malignant hatred or spitefulness* – «застарелая и горькая неприязнь, злоба или враждебность; злобная ненависть, злобность», а в словаре [Collins Dictionary] толкование максимально короткое: *deep bitter hate* – «глубокая горькая ненависть». Словарь [MW] поясняет значение лексемы как *bitter deep-seated ill will* – «горькая, глубоко укоренившаяся

неприязнь». По-видимому, в лексеме присутствуют семы глубины неприязни и наличия причины для неё в прошлом. В словаре Мюллера ей даются следующие переводные соответствия: «злоба, затаённая вражда, мстительность» [Мюллер, 2009, с. 323]. Так или иначе, все три переводных соответствия «злобе» в ИТ – *resentment*, *anger* и *rancour* – относятся к эмоциональной сфере, и содержащие их переводы не являются в нашем понимании адекватными.

4.2.3.2.2. Существительное *злость*

В первом рассмотренном примере во всех трёх переводах используются разные лексические соответствия. Учитывая сказанное выше относительно эмоционального *зла* и *злости* в произведениях Достоевского, адекватным мы можем признать выбор Якима – существительное *evil*:

(1) *Нет-с, я не хочу лечиться со злости*. [Т. 4, с. 99]

- No, I refuse to consult a doctor from spite. [Ga2, с. 179]
- No, gentlemen, it's because I'm evil that I don't want to receive treatment. [Ja2, с. 3]
- Also, I have no real desire to be cured of my ill-humour. [Ho, с. 5]

Эквивалентным не является ни один из переводов: у Гарнетт выделенной ЕП соответствует «я отказываюсь консультироваться со врачом от злости», у Якима более сложная по сравнению с оригиналом конструкция «это потому что я злой, я не хочу получать лечение», у Хогарта – «я не имею настоящего желания лечиться из-за моего скверного настроения». При этом у Гарнетт и Хогарта это *злость* в характере, с потерей потенциального метафизического компонента (перевод неэквивалентный и неадекватный), у Якима этот компонент сохраняется (перевод неэквивалентный, но адекватный).

В примере (2) от сохранения адекватности отказывается и Яким, зато перевод Хогарта слова «злость» как *evil temper* («злое настроение») в данном исследовании мы можем считать наиболее адекватным:

(2) *Но знаете ли, господа, в чем состоял главный пункт моей злости?* [Т. 5, с. 100]

- But do you know, gentlemen, **what was the chief point about my spite**? [Ga2, с. 180]
- But do you know, gentlemen, **what constituted the crux of my anger**? [Ja2, с. 4]
- Do you wish to know **wherein the sting of my evil temper has always lain**? [Ho, с. 6]

Достаточно эквивалентными (за исключением конструкции «состоять из» и её переводов) можно признать варианты Гарнетт и Якима. Хогарт добавляет в свой перевод лексему *sting*, которая связана с остротой: это может быть и жало, и укус посредством жала, и колкость, и острота; так же он «расщепляет» одну лексему *злость* на словосочетание *evil temper*. Добавление отсутствующих в оригинальной структуре ЕП элементов всегда снижает степень эквивалентности. Если в примере (10) в разделе 4.2.2.3.1 его лексическое добавление лексемы со значением «пьяный» к переводу контекста «упиваться» было оправданным, то здесь подобная вольность представляется следствием собственного желания переводчика.

Скрытую семантическую алогичность следующего примера мы уже разбирали в 3.2.3.2.2 (Возможно ли «наврать», что ты «злой» «со злости»? Одинаковый ли смысл вкладывается автором в эти две однокоренные лексемы?). Напомним, что все немецкие переводчики при выборе соответствий для «злой» и «злость» остановились в обоих вхождениях на лексемах с самым многозначным корнем *-bo/ös*, объединяющим, как и *-зл-* в русском языке, максимально широкий спектр смыслов. В английском языке мы не обнаруживаем такого корня, и переводчикам снова приходится выбирать, какой же из смыслов выразить:

(3) *Это я наврал про себя давеча, что я был злой чиновник. Со злости наврал.*
[т. 5, с. 100]

- I was lying when I said just now that I was a **spiteful official**. I was lying **from spite**. [Ga2, с. 181]
- I lied about myself just now when I said I was an **evil and angry official**. I lied out of **anger**. [Ja2, с. 4-5]

- For a long time past I have been belying my own personality by calling myself an irascible fellow. It has been pure rancour that has made me tell that lie against myself. [Ho, с. 7]

Здесь можно отметить, что Гарнетт, по-видимому, трактует пару *злой – злость* как двойное выражение одного и того же смысла, сохраняя один корень, наиболее близкий к русскому пониманию «злой по характеру»: *spiteful – spite*. Вариант Якима более интересен для анализа: он сохраняет «эмоциональное» противопоставление *angry – angry*, при этом в переводе расщепляет одно многозначное русское прилагательное *злой* на два, реализующих сначала метафизическое понимание *зла*, а затем эмоциональное: *evil and angry*. Называя себя злым, подпольный человек сначала характеризует себя двойко – *evil and angry*, а «врёт» он уже из эмоциональной *злости* – *anger*. Хогарт, что в его переводах наблюдается нередко, не переводит, а перефразирует оригинал: «Долгое время я лгал о своей личности, называя себя вспыльчивым человеком. Чистая злость заставляла меня говорить о себе эту ложь» (оба раза наблюдается актуализация «эмоционального» смысла корня *-зл-*). Таким образом, максимально эквивалентным здесь является перевод Гарнетт, максимально прагматически адекватным (за счёт добавления компонента смысла посредством прилагательного *evil*), вероятно, можно признать перевод Якима (но не максимально эквивалентным ввиду расщепления одной характеристики на две). Перевод Хогарта нельзя высоко оценить ни по шкале эквивалентности, ни по шкале адекватности.

В примере (4), исходя из контекста, можно предположить, что речь идёт о *злой* эмоции, поскольку, согласно контексту, *злость* возникла как следствие неприятного разговора:

(4) Я почувствовал, что злость чахоточного направлена скорее на меня, чем на Чекунова. [Т. 4, с. 134]

- I felt that the consumptive's indignation was directed rather at me than at Tchekunov. [Ga1, с. 175]
- I felt that the consumptive's anger was directed more against me than against Chekunov. [Ja1, с. 175]

- I quite understood that **the consumptive patient hated me much more than Tchekounoff**. [Ed, с. 199]

Ещё раз уточним, что в рамках данного исследования относительно английского языка ввиду отсутствия в нём «трехсоставной» (то есть включающей в себя все три русских смысла) лексемы с корнем -зл-, оценить адекватность перевода мы можем только относительно принятого решения о том, какой именно из трёх смыслов актуализован в конкретном контексте, при этом принимая во внимание тот факт, что однозначное установление смысла либо невозможно, либо не требуется. Если признавать здесь актуализацию смысла «эмоция», то переводы Гарнетт и Якима можно считать адекватными, а также эквивалентными. Перевод Хогарта в очередной раз не является ни первым, ни вторым: «Чахоточный больной ненавидел меня гораздо больше, чем Чекунова». Ненависть и *злость* могут быть сопряжёнными во времени понятиями, но эмоциональная *злость* не обязательно подразумевает ненависть.

В примере (5) нелегко определить, идёт ли речь о постоянной или о временной *злости*, даже если поставить такую задачу:

(5) *Особенно любил я всегда прохаживаться по этим улицам в сумерки, именно когда там густеет толпа всякого прохожего, промышленного и ремесленного люду, с озабоченными до злости лицами, расходящаяся по домам с дневных заработков*. [т. 5, с. 165]

- I always particularly liked sauntering along these streets in the dusk, just when there were crowds of working people of all sorts going home from their daily work, **with faces looking cross with anxiety**. [Ga2, с. 277]
- I always loved strolling along these streets at twilight, when they'd become crowded with all sorts of pedestrians, merchants, and tradesmen going home from their daily work, **their faces preoccupied to the point of anger**. [Ja2, с. 99]
- Generally, on such occasions, I directed my steps towards the most crowded spots and most populous thoroughfares – especially at dusk, at the hour when the throng

of hurrying workmen and artisans (**their faces worn almost to brutality**) becomes denser, and the daily toil has reached an end. [Ho, c. 124]

Перевод Гарнетт неэквивалентен и неадекватен: существительное *anxiety* скорее соответствует тревоге, а не *злости* в русском языке (*apprehensive uneasiness or nervousness* – «тревожное беспокойство или нервозность»). Перевод Якима, хотя и достаточно эквивалентный, нельзя считать абсолютно адекватным ввиду сужения смысла до эмоциональной *злости* за счёт употребления лексемы *anger*. Перевод Хогарта структурно неэквивалентен уже за счёт вставки в скобках, которой нет в ИТ. Вторая причина неэквивалентности – использование лексемы *brutality*, которая больше соответствует понятию «жестокость» в русском языке. Такая неэквивалентность делает невозможным отнесение его перевода данной ЕП к категории адекватных.

Следующий пример не менее сложен для анализа: с одной стороны, выражение «со всей злости» включает в себя представление не только о *злости*, но и о силе, интенсивности. Второй сложностью является смешение смыслов «постоянная злость» и «временная эмоциональная злость»:

(б) ... **изо всей злости били потом** (*палками – Е.Ч.*), *так били, что в другой раз две тысячи легче...* [Т. 4, с. 146]

- So **they beat me** for the last two hundred **with all the fury they could**, they beat me so that it was worse than two thousand... [Ga1, c. 191]
- ... **they beat me savagely, so savagely** that another time two thousand would have been easier to take... [Ja1, c. 192]
- ... **they might have struck as hard as they liked** – they were worth 2,000... [Ed, c. 216]

Все три переводчика выбрали абсолютно разные варианты, которые нельзя считать эквивалентными. У Гарнетт неэквивалентность минимальна: *with all the fury* – «со всей яростью». Существительное *fury* уже встречалось как вариант перевода лексемы *зло* в эмоциональном значении (*I was seized with such fury* – «так меня зло взяло», см. пример (4) в разделе 4.2.3.1); объём понятия *злость* сужается до

эмоционального компонента. У Якима эквивалентность ещё ниже: «они били меня так жестоко, так жестоко»; сохраняется сема интенсивности, но теряются оба понимания *злости*, и говорить о полной адекватности нельзя. То же самое можно сказать про неэквивалентный перевод Эдвардса «они били меня так жестоко, как хотели».

4.2.3.3. Прилагательные *злой* и *злойный*

4.2.3.3.1. Прилагательное *злой*

В английском языке, как и в немецком, максимально широкий набор соответствий лексемам с корнем *-зл-* представлен среди переводных вариантов лексических единиц *злой* и *злойный*. Большинство из них образованы от существительных, соответствующих в переводах русским существительным *зло*, *злость* и *злоба*. Данные соответствия так же можно разделить, согласно словарным данным, на прилагательные, относящиеся к метафизическому либо социальному (постоянному либо временному) *злу*, на основании чего можно сделать выводы об адекватности их употребления переводчиками.

В § 2.3.1 было показано, что для наименования метафизического *зла* переводчики используют существительное *evil*. Однокоренное прилагательное *evil* так же используется в переводах, например, для наименования *злых* духов, и такой перевод мы можем считать адекватным:

(1) ... как ни желалось мне, я ничего не мог узнать о нем предварительно, кроме того, что на сцене появляются злые духи и уносят Кедрила в ад. [Т. 4, с. 119]

- As for "Kedril the Glutton," I was able to learn nothing about it beforehand, except that **evil spirits appear on the stage** and carry Kedril off to hell. [Ga1, с. 153]

- As for Kedril, the Glutton, however hard I tried I couldn't find out anything about it beforehand except that **evil spirits appear on the stage** and carry Kedril off to hell. [Ja1, с. 154]

- As for Kedril, the Glutton, in spite of my lively curiosity, I could learn nothing about it, except that **demons appeared on the stage** and carried Kedril away to hell.[Ed, c. 176]

Переводы Гарнетт и Якима являются, таким образом, как адекватными, так и эквивалентными. Перевод Эдвардса неэквивалентен: словосочетание «злые духи» превращается в нём в одну лексему «демоны». Если учитывать, что представление о злых духах охватывает не только демонов, но и другую фольклорную нечистую силу, такой перевод нельзя считать и адекватным. Кроме того, нельзя считать адекватным соответствия «дьяволы», «демоны» и «черти»: в русском тексте «злые духи» в другом эпизоде повести уже именуется чертями с соответствующим переводом одной лексемой:

(2) *Кедрил что-то вроде Дон Жуана; по крайней мере и барина и слугу черти под конец пьесы **уносят в ад**.* [т. 4, с. 125]

- The second piece was "Kedril," a play somewhat in the style of Don Juan; at least **the master and servant are both carried off to hell by devils** at the end. [Ga1, c. 161]
- Kedril is something like the story of Don Juan; at any rate, **both the master and the servant are carried off to hell by demons** towards the end of the play. [Ja1, c. 162]
- Kedril is a sort of Don Juan. This comparison may justly be made, **for the master and the servant are both carried away by devils** at the end of the piece... [Ed, c. 185]

В примере (2) все три перевода являются эквивалентными. Утверждать адекватность лексического соответствия *черти* – *devils* – *demons* однозначно нельзя. В словаре Мюллера лексема *demon* соответствует русским «дьявол, демон, злой дух-искуситель» [Мюллер, 2009, с. 122], в словаре НБАРС – «демон, искуситель, сатана, дьявол» [НБАРС, 1993, с. 542]. Лексема *devil* в этих словарях переводится как «сатана, искуситель, злой дух» [Мюллер, 2009, с. 126] и «дьявол, чёрт, бес» [НБАРС, 1993, с. 559]. То есть данные существительные имеют более

обширное поле представлений, чем русское слово «черти», которое не включает в себя сатану и духа-искусителя.

Пример (3) интересен тем, что в нём в непосредственной лексической близости находятся лексема *злой*, скорее всего относящаяся к постоянному злу в характере («сам по себе ... злой человек»), и та же самая лексема, относительно которой уже сложнее определённо сказать: подчёркивается ли *зло* в характере ещё раз, или имеется в виду, что майор бывал чем-то *разозлён*, когда «врывался в острог по ночам» (для оценки переводов как адекватных потенциальное наличие метафизического компонента в прилагательном в наших целях нам придётся либо отрицать, либо игнорировать):

(3) Сам по себе он (майор – Е.Ч.) только был **беспорядочный и злой человек**, больше ничего. <...> **Невоздержный, злой**, он врывался в острог даже иногда по ночам... [Т. 4, с. 28]

- In himself he was simply a **spiteful and ill-regulated man**, nothing more; <...> **Unrestrained and ill-tempered**, he would sometimes burst into the prison even at night... [Ga1, с. 35]
- Taken by himself, **he was just an unbridled and malicious man**, nothing more. <...> **Unrestrained and malicious**, he'd sometimes burst into the prison even at night... [Ja1, с. 33]
- **He was a spiteful, ill-regulated man** <...>. He sometimes fell like a bombshell into the barracks in the middle of the night. [Ed, с. 36]

Гарнетт и Эдвардс выбирают для первого вхождения прилагательного *злой* соответствие *spiteful*, а Эдвардс – *malicious*, которые чаще всего относятся к *злостности* характера (см. раздел 4.2.3), и таким образом в данной работе все три перевода словосочетания «злой человек» можно считать адекватными и относительно эквивалентными (если не считать отсутствия у Эдвардса словосочетания «сам по себе»). Что касается второго вхождения лексемы, то у Гарнетт это прилагательное *ill-tempered*, связанное с настроением и эмоциями посредством лексемы *temper*, что говорит о том, что *злой* в словосочетании «невоздержанный, злой» Гарнетт понимает как характеристику временной эмоции,

что кажется нам верным, и только исходя из этого предположения мы можем считать неадекватным перевод Якима, в котором он дублирует свою же лексему *malicious*, чаще относящуюся к особенностям характера. Перевод Эдвардса во втором вхождении «злой» неэквивалентен и неадекватен: «Иногда он, как бомба, врывался в бараки посреди ночи».

Исходя из формы высказывания в примере (4), предположим, что прилагательное *злой* явно относится к описанию характера героя:

(4) Он (Газин – Е. Ч.) торгует здесь вином. Когда наторгует денег, тотчас же их пропивает. **Он жесток и зол.** [Т. 4, с. 32]

- He does a trade in vodka here. When he's saved up money enough, he spends it in drink. **He is spiteful and cruel...** [Ga1, с. 40]
- He sells vodka here. When he's earned some money, he drinks it up right away. **He's cruel and vicious...** [Ja1, с. 37]
- He is a prisoner who sells spirits. When he has gained a little money by his trade, he drinks it to the last kopeck; **a cruel, malicious animal** when he has been drinking. [Ed, с. 41]

Такое предположение мы можем сделать из расширенного контекста: «*впрочем, трезвый смирен; когда же напьется, то весь наружу; на людей с ножом кидается*» [Т. 4, с. 32]. То есть речь идёт о внутренней злобе, которая сдерживается в трезвом состоянии рассудка и прорывается под воздействием алкоголя. В этом случае полностью эквивалентным можно считать перевод Якима (*vicious* – «желающий причинять боль другим»). Эквивалентность незначительно снижена у Гарнетт из-за перестановки характеристик: «он зол и жесток», степень эквивалентности у Эдвардса минимальна: «он жестокое, злое животное». Если оценивать адекватность с той позиции, что *злой* здесь – постоянная характеристика сущности героя, то можно утверждать адекватность всех трёх вариантов выбора прилагательного.

Интересна характеристика *злой* и варианты её перевода в отношении «человека» и «чиновника», соответственно, в примерах (5) и (6):

(5) Я злой человек. [Т. 5, с. 99]

- I am a **spiteful** man. [Ga2, с. 179]
- I'm an **evil** man. [Ja1, с. 3]
- I am **full of spleen and repellent**. [Ho, с. 5]

(б) Я был **злой** чиновник. [Т. 5, с. 99]

- I was a **spiteful** official. [Ga2, с. 180]
- I was an **evil and angry** official. [Ja2, с. 4]
- I was a **bad** civil servant at that. [Ho, с. 6]

Гарнетт в обоих случаях передаёт эту характеристику как *spiteful* (связь с сущностной характеристикой человека). Однако, если подразумевать, что в сущностное характеристике подпольного человека (а оба примера относятся к тексту повести ЗиП), содержится метафизический компонент, то он сохраняется у Якима и теряется у Гарнетт. При этом, если «злой человек» у Якима – это *evil man*, то характеристика «злого чиновника» «расщепляется» на *evil and angry*, покрывая два смысла из трёх⁵⁴: метафизический и социально-эмоциональный. Таким образом, эквивалентность перевода примера (5) выше у Гарнетт, а адекватность – у Якима, а в примере (6) ситуация обратная. Переводы Хогарта и Якима оба неэквивалентны и неадекватны: в примере (5) «Я злой человек» у Хогарта становится «Я полон желчи и отталкивающий», а «злой чиновник» становится у него «плохим чиновником». «Плохой» – лишь один из составляющих компонентов семантики слова «злой» во всех его подзначениях.

Возвращаясь к переводу Якима примера (6) можно отметить, что подобные переводческие приёмы (здесь – перевод *злой* как *evil and angry*) могут применяться также при переводе реалий или безэквивалентной лексики (см., напр., [Алексеева, 2007]). Переводными соответствиями могут считаться «равнозначные замены

---

⁵⁴ Здесь можно указать на отмеченный Т.Г. Магарил-Ильяевой приём, которым пользовался в собственных переводах сам Достоевский: «Причины “украшения” бальзаковских фраз могут заключаться вовсе не в желании Достоевского обогатить французский оригинал <...> невозможно все введенные переводчиком дополнительные эпитеты объяснять одним общим способом, нужно искать объяснения в каждом конкретном случае. <...> переводчик просто пытается как можно точнее передать смысл слова “*ternes*”, который включает в себя все приведенные эпитеты» [Магарил-Ильяева, 2019, с. 161].

лексическими единицами переводного текста соответствующих единиц исходного текста» [Алексеева, 2007, с. 9]. При этом равнозначность здесь понимается не как формальное, а как функциональное сходство [там же, с. 10]. Для того чтобы перевод имел то же воздействие на своего читателя, что и оригинал на своего, переводчик должен понимать, все ли компоненты значения переводимой лексемы нужно отразить в переводе, либо только те, которые актуализуются в конкретном контексте [там же]. Очевидно, что это утверждение относится и к переводу не только реалий и безэквивалентной лексики, но и к переводу аксиологических терминов.

Лексемам *злой* и *злобный*, относящимся объектам метонимического переноса (*злой смех, взгляд, тон, злое лицо*), соответствует такое же множество вариантов, и они так же могут выражать постоянную, либо временную злость. В примере (7) это скорее всего второе, потому что в контексте речь идёт о том, что героя разозлило некое событие (ещё раз уточним, что сделать такое предположение необходимо, чтобы иметь возможность в принципе оценить адекватность перевода подобной многозначной лексики на английский язык):

(7) *Взбудораженное лицо мое мне показалось до крайности отвратительным: бледное, злое, подлое, с лохматыми волосами...* [Т. 5, с. 151]

- **My harassed face struck me as revolting in the extreme, pale, angry, abject, with disheveled hair...** [Ga2, с. 256]
- **My agitated face struck me as revolting in the extreme: pale, evil, vile, with disheveled hair...** [Ja2, с. 79]
- **I <...> could see that my face was pale and agitated, my expression sullen, repellent, and vicious, and my hair dishevelled...** [Ho, с. 98]

При таком предположении адекватными и эквивалентными являются перевод Гарнетт (*angry face*) и потенциально «трёхкомпонентный» перевод *evil* Якима. Относящееся к жестокости характера *vicious* у Хогарта (см. пример (4) выше) представляется в таком случае менее адекватным. Перевод Хогарта, к тому же, снова неэквивалентен: *злое* у него не лицо, а его выражение: «моё лицо было бледным и взволнованным, его выражение – желчным и отталкивающим (ср.

пример (5) выше), волосы всклокочены». Однако, если предположить, что «злое лицо» выражает сущностную злость подпольного, пронизанную метафизкой, то более адекватным станет перевод Якима (*evil*), а не Гарнетт (*angry*).

В примере (8) описывается общее впечатление о *злом* майоре, поэтому лицо его, выражающее его характер, тоже постоянно *злое* и выражает *злость* его сути:

(8) *Багровое, угреватое и злое лицо его (майора – Е.Ч.) произвело на нас чрезвычайно тоскливое впечатление.* [Т. 4, с. 214]

- **His spiteful, purple, pimply face** made a very depressing impression. [Ga1, с. 279]
- **His purple, pimply, malignant face** made an extremely depressing impression on us. [Ja1, с. 284-285]
- **We saw an inflamed scarlet face that boded no good**, and affected us quite painfully... [Ed, с. 335]

Перевод Гарнетт при таком предположении можно признать эквивалентным и адекватным, как и перевод Якима, в котором употреблена лексема *malignant*⁵⁵, чаще относящаяся к *злу* в характере. Эдвардс, который (как и Хогарт) в своих переводах наиболее часто отклоняется от стратегии переводить текст близко к оригиналу, то есть практически игнорирует принцип эквивалентности, передает прилагательное *злой* через целое словосочетание «не обещающий ничего хорошего» (снова наблюдается связь *зла* и чего-либо абстрактно плохого, но такой перевод нельзя считать ни эквивалентным, ни адекватным).

В примере (9) можно предположить постоянность *зла* в «злых насмешках», потому что герой Газин уже неоднократно характеризовался как *злой* по своей внутренней сути человек, а значит, и его «злые насмешки», тем более «давно заготовленные», являются порождением этой постоянной *злости*:

---

⁵⁵ Эта лексема, помимо «злой», может означать «злокачественный» (*tending to produce death* – «грозный привести к смерти» [MW]).

(9) *Хмеля постепенно, он [Газин – Е.Ч.] сначала начинал задирать людей насмешками, самыми злыми, рассчитанными и как будто давно заготовленными...* [Т. 4, с. 41]

- As he gradually got drunk, he began at first attacking people **with gibes, the most spiteful, calculated**, as it seemed, long-premeditated **taunts**... [Ga1, с. 51]
- Getting drunk gradually, he'd start by picking on people **with taunts of the most vicious kind, calculated to sting** and probably prepared long beforehand... [Ja1, с. 50]
- Little by little he got excited, and began to tease the prisoners **with venomous satire** prepared long beforehand. [Ed, с. 55]

В этом случае эквивалентным и адекватным можно признать перевод Гарнетт, в переводе Якима можно отметить адекватность выбора лексемы (*vicious* – «желающий причинять боль») при неэквивалентности перевода всей ЕП («насмешки самого злобного типа»). Перевод Эдвардса как неэквивалентен, так и неадекватен: «дразнить людей ядовитой сатирой».

Согласно контексту оригинала, герой Газин становится *злым*, когда пьян, поэтому можно было бы предположить, что в примере (10) лексема *злой* содержит в себе сему временности. С другой стороны, в примере (4) в данном разделе мы уже упоминали о том, что *злость* является постоянной сущностной характеристикой данного персонажа. Поэтому установить актуализацию смысла в данном контексте затруднительно, а без этого невозможно оценить адекватность английского перевода:

(10) – *А что, (Газин – Е.Ч.) крепко пьян? – Куды! Злой, пристаёт.* [Т. 4, с. 32]

- "Why, is he very drunk?" "Rather! **He is wild, he is pestering everyone.**" [Ga1, с. 39]
- "And is he really plastered?" "Like a horse! **He's turned vicious and he's picking on people.**" [Ja1, с. 37]
- "Is he very drunk?" "Yes, and **ill-tempered too – unmanageable.**" [Ed, с. 41]

Эквивалентность здесь минимальна у Гарнетт: *злой* – *wild* – «дикий». Яким подчёркивает своё понимание временности *злости* при помощи словосочетания

turned vicious – «стал злым» (из-за опьянения), что может быть неверным. Перевод Эдвардса неэквивалентен: он переводит «злой, пристаёт» примерно как «[он] озлобленный и неуправляемый», при этом исключает за счёт использования «эмоциональной» лексемы *ill-tempered* компонент смысла «сущностная злоба», ввиду чего перевод становится менее адекватным.

В примере (11) характеристика *злой* относится к поступкам *злого* по натуре человека, то есть с одной стороны, близка к представлению о постоянной *злобе*, с другой стороны, здесь не исключена и эмоциональная *злоба*, в частности, ввиду наличия эпитета «бешеный», относящегося скорее к преходящим характеристикам человеческих поступков:

(11) *Его система [управления острогом – Е.Ч.] была ложная. Он только озлоблял уже озлобленных людей своими бешеными, злыми поступками...* [Т. 4, с. 14]

- His system was a mistaken one. **By his ferocious, spiteful actions** he only exasperated people who were already exasperated... [Ga1, с. 18]
- His system was a mistaken one. **By his ferocious and spiteful actions** he only further angered men who were already angry... [Ja1, с. 14-15]
- His system was bad, for it had the effect of irritating men who were already irascible. [Ed, с. 15]

Если предположить постоянность *злости*, то переводы Гарнетт и Якима можно считать как эквивалентными, так и адекватными: при ином, «эмоциональном» понимании, оба перевода перестают быть адекватными, оставаясь эквивалентными. Перевод Эдвардса же неэквивалентен настолько, что и адекватным считаться не может: «Его система была плоха, так как она раздражала и без того вспыльчивых людей».

В примере (12) речь идёт о характеристике *злой* в значении «причиняющий страдания»⁵⁶:

---

⁵⁶ См. примечание 15 в § 3.2.5.

(12) И чем дальше к лету, **тем злее и злее они** [блохи – Е. Ч.] **становятся**. [Т. 4, с. 182]

- And as the summer advanced, **they grew more and more ferocious**. [Ga1, с. 237]
- And the closer we'd get to summer, **the more ferocious they'd become**. [Ja1, с. 241]
- And as the summer went on **the worse it was with them**. [Ed, с. 279]

Варианты перевода русского прилагательного *злой* в этом значении связаны либо со свирепостью и агрессией (*ferocious – exhibiting or given to extreme fierceness and unrestrained violence and brutality* – «проявляющий склонность к крайней агрессии и безудержному насилию» [MW]), либо, как и в немецком языке, с общим представлением о *зле* как о чем-то плохом (связь через лексему *bad: the worse it was with them* у Эдвардса)⁵⁷. Тем самым, все три перевода можно считать неэквивалентными (наименьшей эквивалентностью обладает вариант Эдвардса), но при этом достаточно адекватными, поскольку в данном примере у слова *злой* метафорическое употребление: «сильный + негативный».

4.2.3.3.2. Прилагательное *злбный*

Для перевода прилагательного *злбный* в основном используются те же прилагательные, что и для *злой*, и так же допустимы два понимания: *злбный* по характеру и *злбный* = «чем-либо *разозлённый*». Возможность такой многоплановой передачи смысла зависит не только от мастерства переводчика, но и от лексико-семантических возможностей ПЯ. *Злбными* могут так же быть соматические объекты (*злбное* лицо), человеческие жесты (*злбная* усмешка), проявление человеческих эмоций (*злбный* смех) и т.п., выражая *зло* внутри человека, метафизическое, постоянное или временное:

⁵⁷ Ср. *um so schlimmer wurde die Plage* – «тем хуже становится мучение» в немецком переводе Е.К. Разин того же контекста (см. главу 3).

(1) *Теперь же доживаю в своем углу, **дразня себя злым и ни к чему не служащим утешением**, что умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак.* [Т. 5, с. 100]

- Now, I am living out my life in my corner, **taunting myself with the spiteful and useless consolation** that an intelligent man cannot become anything seriously, and it is only the fool who becomes anything. [Ga2, с. 181]
- And now I'm living out my days in my corner, **taunting myself with the angry and useless consolation** that an intelligent man cannot seriously become anything, but that only a fool becomes something. [Ja2, с. 5]
- I just crouch here in this den of mine, and **worry myself with the irritating, the useless, reflection** that, after all, a man of parts cannot become anything; for only a fool does that. [Ho, с. 7]

Судя по лексическому выбору, Гарнетт склоняется в сторону «постоянной злобности» утешающего самого себя героя (можно отметить, что именно она наиболее часто выбирает лексемы с корнем *-spite-*, даже если речь идёт об эмоциональном *зле*), Яким – в пользу «временной». Перевод Хогарта неэквивалентен («беспокоя себя раздражающими и бесполезными размышлениями»). В зависимости от того, какой смысловой компонент мы постулируем как актуализованный, будет определяться степень адекватности перевода Гарнетт и Якима. В переводе Хогарта отсутствует сема любой злобности, поэтому адекватным его считать нельзя при любом решении. А если считать необходимостью включение и метафизического компонента, то неадекватными оказываются все три перевода.

В примере (2), где эквивалентность перевода словосочетания «злобно и презрительно не отвечал» одинаково приемлема у Гарнетт и Якима (наблюдается лишь синтаксическая неэквивалентность), об адекватности можно судить, лишь установив, о постоянной или временной *злобности* идёт речь:

(2) *Я **злобно и презрительно не отвечал ему.*** [Т. 5, с. 136]

- I remained **angrily and contemptuously silent and would not answer him.** [Ga2, с. 234]

- **Spitefully and contemptuously, I refused to answer him.** [Ja2, с. 58]
- ... I felt too **angry and contemptuous to respond.** [Ho, с. 71]

Перевод Хогарта адекватен только с точки зрения выбора эмоционального актуализованного смысла (в этом случае адекватен и вариант Гарнетт), и неэквивалентен независимо от этого: «я чувствовал себя слишком злым (букв. «разозлённым») и исполненным презрения (букв. «презирающим»), чтобы отвечать». Из сказанного следует, что снижение эквивалентности не имеет прямого влияния на снижение адекватности: первое может снижаться, а второе – как снижаться, так и оставаться приемлемым или даже повышаться.

В примере (3), речь скорее идёт о *злобе*-эмоции, вызванной происходящим диалогом:

(3) – *Вот и помрешь.* – *Ну и помру,* – ***ответила она совсем уж злобно*** и быстро пошевелинулась. [т. 5, с. 154]

- “And so you will die.” “Oh, well, then I shall die,” **she answered, quite viciously,** and she made a quick movement. [Ga2, с. 261]
- “And so you’ll die.” “Oh, well, then I’ll die,” **she answered, quite angrily,** and she made a quick movement. [Ja2, с. 83-84]
- "... It will cling fast to you, and refuse to be shaken off until you die." "Ah, well – then I must die, that is all." **She spoke as though she were exasperated,** and at the same time made a quick movement of impatience. [Ho, с. 103]

Если исходить из этого предположения, то эквивалентным и адекватным является перевод Якима, эквивалентным, но менее адекватным перевод Гарнетт ввиду использования «сущностного» *viciously*. При ином предположении оценка качества по данному критерию станет противоположной. Перевод Хогарта нельзя считать ни эквивалентным, ни адекватным: «*ответила она совсем уж злобно*» он переводит как «Она говорила так, как будто была раздражена⁵⁸». Раздражение и *злоба* в русском языке, хоть и близки семантически, не являются синонимами.

⁵⁸ Можно отметить этимологию лексемы *exasperated*: она связана с латинским глаголом *exaspero*, который толкуется через понятие грубости, неровности, шероховатости, которые в свою очередь можно связать с раздражением как выходом из ровного расположения духа (так же как и русское «раздражение» связано с дрожью, то есть с колеблющимся положением в пространстве).

Максимальным проявлением неэквивалентности и неадекватности перевода является опущение целого фрагмента контекста, как это делает Эдвардс в примере (4). Весь контекст снова можно понимать двояко: либо характеристика *злобный* относится к эмоциональной *злобе*, которую вызывает неприятный кому-либо человек при взгляде на него, либо это сущностная характеристика скосившего глаза:

(4) – *Ишь, безобразный человек! – проворчал шедший подле меня хохол, с злобным презрением скосив на него глаза.* [т. 4, с. 72]

- "Ech, the graceless fellow," the Little Russian who was walking beside me **observed with a side glance of spiteful contempt at Skuratov.** [Ga1, с. 91]
- "Geez, what a monstrosity he is!" growled a Ukrainian who was walking beside me, **scowling at Skuratov with malevolent contempt.** [Ja1, с. 91]
- "Most unbecoming!" murmured the Little Russian, who was walking by my side. "Frivolous man!" said another in a serious, decided tone. [Ed, с. 102]

Варианты перевода Гарнетт и Якима не являются эквивалентными (у Гарнетт ЕП переведена как «он наблюдал со взглядом злобного презрения за Скуратовым», у Якима – «[шёл рядом] хмурясь на Скуратова со злобным презрением»). Выбор соответствия для прилагательного «злобный» говорит скорее в пользу второго нашего предположения, соответственно, мы снова можем говорить об адекватности, если постулируем – неочевидную и, более того, ненужную – необходимость разделения понимания русской характеристики *злобный*. Относительно перевода Эдвардса в данном случае нельзя говорить ни об эквивалентности, ни об адекватности, поскольку переводчик просто опускает в переводе сочетание «с злобным презрением скосив на него глаза», и при этом совершенно не ясны причины, побудившие его так небрежно обращаться с текстом оригинала.

4.3. Композитные лексемы с корнем -зл-

Так же, как и в предыдущей главе (см. раздел 3.3), в качестве заключения практической части исследования мы проанализируем с точки зрения эквивалентности и адекватности соответствий перевод некоторых композитных лексем, содержащих корень -зл-, на английский язык. Для наглядности остановимся на тех же существительных *злодей*, *злодеяние* и *злодейство*. В английских переводах исследуемых текстов понятия «злодей» и «злодеяние», как и в немецких, связаны преимущественно с понятиями «преступник» (*criminal*) и «преступление» (*crime*)⁵⁹:

(1) Конечно, остроги и система насильных работ не исправляют преступника; они только его наказывают и обеспечивают общество от дальнейших покушений злодея на его спокойствие. [Т. 4, с. 15]

- Of course, prisons and penal servitude do not reform **the criminal**; they only punish him and protect society from **further attacks on its security**. [Ga1, с. 19]
- There's no doubt, of course, that prisons and the system of forced labor don't reform criminals; they only punish them and protect society against **further attempts of these criminals to threaten its tranquility**. [Ja1, с. 16]
- It is acknowledged that neither convict prisons, nor the hulks, nor any system of hard labour ever cured **a criminal**. These forms of chastisement only punish him and reassure society against **the offences he might commit**. [Ed, с. 17]

(2) Я видел в Тобольске знаменитого своими злодеяниями разбойника Каменева. [Т. 4, с. 40]

- I have seen at Tobolsk, Kamenev, **a robber famous for his crimes**... [Ga1, с. 50]
- In Tobolsk I once saw **the bandit Kamenev, who was notorious for his crimes**... [Ja1, с. 49]
- Yet I have seen at Tobolsk, Kameneff, **the brigand, celebrated for his crimes**. [Ed, с. 55]

⁵⁹ Напомним, что все примеры встретились только в тексте повести ЗиМД, где речь действительно идёт о настоящих преступниках, заключённых в остроге.

При этом переводные словари в основном не приводят в качестве соответствия для лексемы *злодей* существительное *criminal*, так, например, словарь Мюллера предлагает варианты *miscreant*, *villain*, *scoundrel* и *fiend* [Мюллер, 2009, с. 587], которые там же имеют следующие обратные соответствия: *miscreant* – отсутствует, *villain* – *злодей, преступник, негодяй* [там же, с. 428]; *scoundrel* – *негодяй, подлец* [там же, с. 350]; *rascal* – *мошенник, шельмец* [там же, с. 324]. Из общего ряда «социальных» переводных соответствий выпадает «метафизическое» существительное *fiend*, первое значение которого – как в словаре Мюллера, так и в словаре Апресяна – дьявол, злой дух, «враг рода человеческого» [Мюллер, 2009; НБАРС, 1993, т.1, с. 758], но вариант *fiend*, как и *miscreant*, не встретились нам в исследуемых переводах:

(3) *Я несколько лет прожил среди убийц, развратников и отъявленных злодеев...*
[т. 4, с. 63]

- I spent several years **among murderers, profligates and thoroughgoing scoundrels**... [Ga1, с. 79]
- I lived for several years **among murderers, degenerates, and monstrous villains**... [Ja1, с. 78]
- During the many years I have lived **in the midst of murderers, debauchees, and proved rascals**... [Ed, с. 89-90]

Относительно переводных вариантов в примере (3) можно отметить, что все три лексемы – *scoundrel*, *villain* и *rascal* – связаны исключительно с социальной характеристикой, причём с характеристикой, пересекающейся с понятием низости: как оценки низкого поступка, так и – этимологически – оценки происхождения. Так, лексема *villain* происходит от старофранцузского *vilain* (*peasant, farmer* – «крестьянин, земледелец»), а *vilain*, в свою очередь, от латинского *villa* – «деревня, ферма». Таким образом, лексема изначально связана с представлением о *злодее*, как о «простом мужике» (в данном случае «низость» указывает не на моральный облик, а на низкий социальный статус). Существительное *scoundrel* имеет толкование *a*

disreputable person, то есть это «человек с плохой репутацией»⁶⁰. Лексема *rascal* (*a mean, unprincipled, or dishonest person* – «подлый, беспринципный или нечестный человек»), как отмечается, например, в словаре [McMillan], может относиться к характеристике детей и животных.⁶¹ В словаре [OED] даётся следующая информация о происхождении лексемы: *from Old French rascaille "rabble, mob"* – «от старофранцузского *rascaille* – сброд, толпа». На основе проанализированных текстов и словарных данных можно прийти к выводу о том, что в найденных английских соответствиях русским *злодей*, помимо преступления, содержатся представления о грубости, необразованности («деревенскости», ср. *villain*), о низком социальном происхождении, о «низах общества»: свалка ->сброд (ср. *rascal*)⁶².

Как уже отмечалось, внутренняя этимология русского композита *злодей* (и его производных) включает в себя две основы, происходящие от понятий «зло» и «деяние». При этом основу *зло* здесь можно понимать максимально широко: это и социальное *зло*, так как *злодей* в исследуемых текстах – человек, и, видимо, метафизическое *зло* тоже. Таким образом, ввиду отсутствия в словарях соответствия *злодей* – *criminal* переводные варианты с основой *-crime-* нельзя считать эквивалентными, а варианты, встретившиеся в переводах примера (3) – по той же причине, напротив, эквивалентны. Адекватными их можно считать лишь прагматически, так как *преступник* всегда совершает («деет») какое-либо *зло*. Тем не менее, в исследуемых переводах встретились варианты, которые можно считать адекватными и по своей внутренней форме:

(4) Это был злодей, каких мало, резавший хладнокровно стариков и детей... [т. 4, с. 47]

⁶⁰ Ср. русское «тип».

⁶¹ Ср., напр., с текстом басни И.А. Крылова «Кот и повар», где *злодеем* является кот: «Ах ты обжора, ах, злодей!», тут Ваську повар укоряет» (здесь следует отметить, что иронические употребления лексем в данной работе мы не рассматриваем).

⁶² Ср. устаревшее русское существительное «ракалья» и современное «подлец», изначально происходящие от понятия «простой народ» [ЭСФ].

- He was a **criminal** such as there are few, who had murdered old people and children in cold blood... [Ga1, с. 58-59]
- There were few **criminals** as ferocious: he had sliced up both old men and children in cold blood. [Ja1, с. 58]
- He was a **malefactor** of a rare kind, capable of assassinating in cold blood old men and children. [Ed, с. 65]

В примере (4), помимо двух соответствий *criminal*, именно у Эдвардса, чьи переводы мы выше наиболее часто характеризовали как либо неэквивалентные, либо неадекватные, либо и то, и другое, мы встречаем лексему, имеющую максимально сходную внутреннюю форму с русским *злодей*, при том, что в наших рабочих словарях она не указывается в качестве переводного соответствия: *malefactor* (от лат. *male* – «плохо» + *facere* – «делать»). В примере (5) Эдвардс использует её второй раз, при этом и Гарнетт, и Яким прибегают к аналогичному сложению двух смыслов:

(5) Положим, скажет кто-нибудь, что **арестант злодей и недостойн благоденний**; но ведь неужели же усугублять наказание тому, кого уже и так коснулся перст божий? [Т. 4, с. 139]

- Someone will say perhaps that **the convict is a wicked man and does not deserve kindness**; but surely there is no need to double the sufferings of one who is already stricken by the hand of God! [Ga1, с. с. 181-182]
- Someone might say **that convicts are evildoers and don't deserve any kindness**, but surely there's no need to add to the punishment of those who have already been touched by the finger of God. [Ja1, с. 182]
- I shall be told **convicts are malefactors, unworthy of compassion**; but ought increased severity to be shown towards him on whom the finger of God already weighs? [Ed, с. 205]

У Гарнетт *злодей* – неэквивалентное словосочетание *wicked man*, «злой человек», у Якима более эквивалентный структурно композит *evildoer*, являющийся (как и немецкое слово *Übeltäter* (см. раздел 3.3) поморфемным соответствием русской лексеме (англ. *evil* – «зло» + *do* – «делать»)). Учитывая указанные метафизические

коннотации лексем *wicked* и *evil*, можно назвать подобные варианты перевода наиболее адекватными для данного произведения данного автора.

Выводы по главе 4

В английском языке, как и в немецком, не наблюдается большого лексического разнообразия для перевода лексем с корнем *-добр-*. Тем не менее, если в немецком языке это практически всегда были лексемы с корнем *-gut-*, в английских переводах мы наблюдаем два варианта: лексические единицы с корнем *-good-* и с корнем *-kind-*. Первые могут выступать в качестве лексических соответствий как метафизическому, так и социальному понятию «добро», вторые же относятся исключительно к социальной сфере. Однако, учитывая отмечаемую исследователями творчества Достоевского многосоставность его художественных образов, включающих в себя как метафизический, так и социальный компоненты, наиболее адекватными во всех случаях будут переводные соответствия с корнем *-good-*, охватывающие обе сферы.

Имущественное *добро* не имеет в переводах соответствий с указанными корнями⁶³. Это либо существительные со значением «вещи», «имущество», либо же переводчики прибегают к описательному переводу, полностью отходя от принципа сохранения эквивалентности. Адекватность перевода при этом практически всегда снижается, во-первых, за счёт того, во-первых, русская лексема «добро» в имущественном значении имеет в словарях помету «разг.», которой нет у большинства английских единиц: *property*, *belongings* и т.п. Во-вторых, можно отметить тот факт, что человеческий мир осмысливается в метафизических категориях, в первую очередь, *добра* и *зла*. В русском языке при этом материальное и социальное описывается теми же словами, что и метафизическое: *добро* высшее – добро в человеческих взаимоотношениях – *добро* как вещи человека, обеспечивающие его существование. В английском языке такой тенденции нет:

⁶³ Тем не менее, можно отметить, что в имущественном смысле употребляется лексема *goods*, имеющая отношение скорее к товарам, чем к добру в данном значении этого слова в русском языке [Oxford Dictionary; MW].

нематериальное – метафизическое и социальное – *добро* уже на языковом, а значит, и на мыслительном, уровне отделено от материального. То же самое можно сказать и о существительных, соответствующих в английских переводах русскому *доброта*. Единая форма слов *доброта* в значении «бытие *добрым*» и *доброта* в значении «качество объекта» позволяет соединить эти категории в языковом сознании. В английском языке проявляется тенденция к их разделению: если *доброта* в первом значении соответствует различным лексемам с корнем *-good-* (но не *-kind-*!), то *доброта* как «высокое качество» переводится через лексемы или словосочетания, связанные именно с качеством материальных объектов (например, *quality*).

Существительное *зло*, а также однокоренные существительные *злота* и *злость* и прилагательные *злой* и *злбный* представляют для переводчика значительно большую проблему, чем *добро*, причём для переводчика на английский язык даже большую, чем для немецких переводчиков, по причине того, что в английском языке нельзя выделить один корень, производные от которого могли бы «покрывать» все семы, актуализованные в русских лексических единицах. Кроме того, во-первых, иногда эти семы можно определить благодаря контексту, хотя в некоторых случаях это представляет сложность даже для носителя русского языка, а во-вторых, как было показано в данной работе, для анализа и для перевода творчества Достоевского это является неактуальной задачей. Тем не менее, в шести проанализированных английских переводах нам не встретилось лексем, включающих в себя одновременно три смысловых компонента, реализующихся в словоупотреблении Достоевского: метафизическое *зло* (лексемы, характеризующие высшие силы, например, «злые духи»), социальное *зло* как характеристика сути человека (человек *зол* по своей природе) и социальное эмоциональное *зло* (человек чем-либо *разозлён*). Так, наиболее часто встречающиеся лексем *evil*, *spite(ful)* и *anger (-gry)* охватывают от одного до двух смысловых компонентов: *evil* – метафизическая и (реже) сущностная социальная характеристика, *spiteful* – сущностная социальная и (реже) эмоциональная характеристика, *angry* – эмоциональная характеристика.

Ввиду вышесказанного переводчикам каждый раз приходится делать выбор, практически неизбежно теряя смысловой потенциал. В этом случае переводчики прибегают к разным стратегиям: 1) пытаются определить актуализованный смысл на основании языковой интуиции и переводческого опыта (в таком случае перевод может быть эквивалентным на уровне языковых знаков, но определить его адекватность оценивающий может, только согласившись с точкой зрения переводчика, то есть сделав ненужный в данном случае выбор); 2) используют при переводе лексему, являющуюся одним из словарных соответствий русскому слову с корнем *-зл-* (в таком случае перевод может быть эквивалентным, но неадекватным, особенно если переводчик невнимателен к контексту и / или плохо знаком с творчеством автора); 3) используют при переводе лексему, не являющуюся ни одним из словарных соответствий русскому слову с корнем *-зл-*, но имеющую требуемые семы в своём составе (в таком случае перевод может быть неэквивалентным, но достаточно адекватным); 4) прибегают к описательному переводу, что снижает эквивалентность до минимума или даже до нуля, и здесь сохранение адекватности также является следствием мастерства переводчика; 5) «расщепляют» русскую лексему на отдельные компоненты, переводя каждый одной лексемой, что сводит к минимуму эквивалентность перевода (два лексических соответствия одной единице ИТ), при этом, как правило, повышается его адекватность.

Последний вывод, который, как и при анализе немецких переводов, можно сделать на основании рассмотренного английского материала, заключается в том, что эквивалентность художественного перевода можно оценить объективно, если рассматривать эквивалентность как многоуровневый критерий и проводить оценку отдельно на каждом уровне. Переводческая адекватность является для оценки художественного перевода значительно более субъективным критерием: сам оценивающий представляет себе коммуникативную установку автора ИТ и какие требования к передаче этой установки он выдвигает при чтении перевода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И *добро*, и *зло* можно считать потенциально неопределяемыми категориями не только в языкознании, но и в других научных дисциплинах, например, в философии или этике. В их основе лежат размытые понятия «хорошо» и «плохо», восприятие и толкование которых меняется как с течением времени, так и от одной культуры к другой. Понятия *добро* и *зло* также имеют размытые смысловые границы. Общее в их понимании одно: *добро* в определённой культуре в определённый отрезок времени включает в себя представление «все хорошее», а *зло* – «все плохое». Набор лексических единиц, вербализующих эти понятия, меняется от эпохи к эпохе и от одной лингвокультуры к другой, а значит, и от языка к языку, вследствие чего особенно сложной задачей в межкультурной коммуникации является обмен представлениями об отдельных компонентах данных понятий, осуществляемый за счёт вербализующих их лексем, которые в данной работе мы называем аксиологемами (*добро* и некоторые смежные понятия) и антиаксиологемами (*зло* и некоторые смежные понятия). Основным видом межкультурной коммуникации является перевод, и для успешной коммуникации в результате процесса перевода – как устного, так и письменного – между сказанным или написанным и переведённым должно устанавливаться отношение максимально возможной тождественности.

Для того чтобы оценить степень такой тождественности, необходимы критерии оценки, которые активно разрабатывались в сравнительно молодом научном направлении – теории перевода – начиная с середины XX века.

Для оценки качества перевода предлагались и предлагаются различные критерии: эквивалентность, адекватность, репрезентативность, оптимальность и некоторые другие, причем практически для всех критериев оценки и в наше время не существует единого общепринятого определения. В первой главе нашего исследования мы предприняли попытку обзора основных существующих на сегодня оценочных критериев и отобрали те из них, в рамках которых проводилось настоящее исследование: эквивалентность и адекватность перевода. Поскольку для

них также не существует единого определения, мы остановились на критерии эквивалентности, представленном в трудах В.Н. Комиссарова (эквивалентность как высокая степень параллелизма в структурной организации текстов при максимальном соотношении лексики в оригинале и переводе) и на критерии адекватности в теории Ю.В. Ванникова (адекватность как семантическое и стилистическое соответствие при максимально полном соотношении результата перевода с коммуникативной установкой автора оригинального текста).

Одним из самых сложных видов перевода является художественный перевод, при котором критерии как эквивалентности, так и адекватности особенно важны: переводчик должен максимально сохранить форму оригинала на всех уровнях, при этом «считать» авторский замысел и затем передать его при помощи знаков другого языка, не только форма которых, но и её внутреннее наполнение чаще всего отличаются в языке оригинала и в языке перевода.

Многие писатели уделяли в своем творчестве внимание противостоянию *добра* и *зла* как на уровне метафизических категорий, так и в сфере человеческой индивидуальности и межчеловеческого взаимодействия. Одним из таких писателей, которого в то же время многие исследователи его творчества причисляют к значимым русским философам и богословам, является Ф.М. Достоевский. Все его творчество пронизано идеями борьбы тьмы и света, где свет, то есть *добро*, исходит от Бога и не мыслится без него, *зло* же от дьявола, либо является проявлением свободной воли божьего творения – человека. В данной работе мы рассмотрели некоторые встретившиеся нам в текстах повестей Достоевского «Записки из Мёртвого дома» и «Записки из подполья» лексемы с корнем *-добр-* и *-зл-* (а именно, *добро*, *зло*, *доброта*, *злость*, *злоба*, *злой* и *злбный*) с точки зрения эквивалентности и адекватности перевода самих лексем, а также ближайшего – в семантическом и синтаксическом аспектах – контекста их употребления, (принимая таковой за единицу перевода) в 12 английских и немецких текстах (по 3 перевода каждой повести на два языка).

Для этого в первой главе мы рассмотрели различные взгляды на критерии эквивалентности и адекватности в теории перевода, на их соотношение и на их роль

в оценке качества перевода, в особенности перевода художественных текстов, а во второй – провели анализ лексикографических данных, касающихся указанных лексем, а также рассмотрели роль понятий «добро» и «зло» в творчестве Ф.М. Достоевского и возможные трудности, возникающие при переводе абстрактной лексики в целом и (анти)аксиологем в частности.

Для анализа русских (анти)аксиологем мы привлекали различные лексикографические труды. Толковые словари эпохи Ф.М. Достоевского (например, [СЦСРЯ, 1847] и [Даль, 1880]) не могут служить полноценным справочным материалом для наших целей: многие лексем отсутствуют в таких словарях, а у лексем, наличествующих в них, зачастую не зафиксированы значения, встречающиеся в текстах писателя. По этой причине для лексикографического и семантического анализа мы обращались к данным различных толковых словарей, лингвистических корпусов и словарей авторского идиолекта.

В третьей и четвёртой главах мы проанализировали, соответственно, немецкие и английские переводы отобранных фрагментов текстов, привлекая данные как переводных двуязычных словарей, так и толковых словарей немецкого и английского языков и одноязычных словарей синонимов. Отдельно отметим, что в выбранных нами переводах, максимально широко охватывающих период конца XIX – начала XXI века, не были обнаружены значимые семантические сдвиги в употреблении исследуемых лексем.

В результате сравнения переводов с оригинальными текстами мы пришли к нескольким разноплановым выводам:

1. Лексические единицы с корнями *-добр-* и *-зл-* в русском языке покрывают крайне обширный спектр значений. Лексем *добро* и *зло*, как и большинство их производных, охватывают широкую сферу понятий, будучи направлены как от высших сил (для Достоевского – от Бога и дьявола) к человеку, так и от одного человека к другому (или к другим). Для эквивалентного и адекватного перевода этих лексем и включающих их фрагментов текстов (в нашей работе – единиц перевода) на какой-либо другой язык переводчику необходимо, во-первых, разобраться с тем, какой смысл закладывался автором оригинального текста в то

или иное словоупотребление, а, во-вторых, подобрать в языке перевода максимально тождественное соответствие. Иногда для этого требуется лишь наличие переводного словаря и хорошего знания языка оригинала, но для художественного перевода этого чаще всего недостаточно, поскольку в данного типа текстах за одной формой может скрываться множество смыслов, установить которые иногда сложно, а иногда невозможно. В этом случае переводчик частично сам ответственен за своё понимание авторского замысла, а частично зависит от языковых средств переводящего языка.

Сохранение внешней формы оригинала в переводе и правильное обращение со словарной информацией может повысить эквивалентность перевода. Правильность понимания значения отдельных лексем повышает его адекватность. Но при этом необходимо учитывать (то есть знать до начала работы с текстом), что для произведений Достоевского определение объема актуализованных в (анти)аксиологемах смыслов через их разграничение – зачастую бесперспективная задача: в большинстве его художественных образов за социальным стоит метафизическое, что отмечали многие исследователи его творчества.

2. Немецкие переводы чаще обладают как большей эквивалентностью, так и большей адекватностью, одной из причин чего, вероятно, является тот факт, что большинство рассмотренных нами немецких переводов были выполнены авторами, свободно владеющими с детства как немецким, так и русским языками. В английских текстах, которые были созданы исключительно носителями английского языка, изучавшими русский как иностранный, расхождения с оригиналом наблюдаются значительно чаще.

3. Немецкий язык, благодаря наличию многозначных, т.е., включающих в себя как метафизические, так и социальные смысловые составляющие, лексем с корнями *-gut-* и *-bo/ös-*, в большинстве случаев позволяет добиться как эквивалентного в семантико-структурном плане, так и адекватного в прагматическом плане результата, то есть осуществить перевод соответствующих русских лексем и их ближайшего контекстного окружения практически без смысловых и прагматических потерь, при этом сохранив в переводе, как и в

русском языке, единство формы и содержания, за счёт чего читателю (а к читателям относится в начале процесса и переводчик) предоставляется возможность самому решать, что именно он хочет видеть за этой формой, а значит, насколько адекватным получился перевод.

4. В английском языке, как и в немецком, для аксиологемы *добро* и её однокоренных лексических производных так же чаще всего возможно добиться эквивалентного и адекватного перевода, кроме тех контекстов употребления, где русские лексемы *добро* и *доброта* имеют значения «имущество» и «качество» соответственно (то есть относятся к материальной сфере бытия). При этом для антиаксиологемы *зло* и производной лексики достижение адекватности в переводе практически невозможно: в английском языке нельзя выделить один корень, производные от которого могли бы «покрывать» все смысловые составляющие (семы), актуализованные в русских лексических единицах. Ещё раз подчеркнём, что, хотя иногда эти семы можно определить благодаря контексту, при переводе творчества Достоевского это становится неактуальной задачей. В шести случайным образом отобранных английских переводах нам не встретилось лексем, включающих в себя одновременно три смысловых компонента, реализующихся в словоупотреблении Достоевского: метафизическое *зло*, социальное *зло* как характеристика сути человека и социальное эмоциональное *зло*. Так, наиболее часто встречающиеся лексемы *evil*, *spite(ful)* и *anger (-gry)* охватывают от одного до двух смысловых компонентов: *evil* – метафизическая и (реже) сущностная социальная характеристика, *spiteful* – сущностная социальная и (реже) эмоциональная характеристика, *angry* – эмоциональная характеристика. По данной причине английским переводчикам в каждом случае приходится делать выбор, почти всегда теряя при этом тот или иной потенциально актуализуемый смысловой компонент.

Установленные нами переводческие стратегии при этом следующие: 1) определение актуализованного смысла на основании собственной языковой интуиции и опыта (в таком случае перевод может быть эквивалентным на уровне языковых знаков, но определить его адекватность оценивающий может, только

согласившись с точкой зрения переводчика); 2) использование при переводе лексем, являющихся наиболее подходящими для данного контекста словарными соответствиями русским лексемам (в этом случае перевод может быть эквивалентным, но неадекватным); 3) использование при переводе лексем, не являющихся словарными соответствиями русским лексемам, но имеющих необходимые семы в своём составе (перевод может стать менее эквивалентным или совсем не эквивалентным, оставаясь при этом достаточно адекватным); 4) описательный перевод (эквивалентность снижается до минимума, а сохранение адекватности зависит от мастерства или желания переводчика); 5) перевод одной многозначной лексики несколькими, каждая из которых соответствует одному из потенциально актуализованных смыслов, что снижает эквивалентность, но при этом нередко повышает адекватность перевода.

Следующие два вывода, к которым можно прийти на основании нашего исследования, касаются как немецких, так и английских переводов:

5. Эквивалентность художественного перевода может быть оценена объективно, если рассматривать её как многоуровневый критерий; в этом случае необходимо проводить оценку на каждом уровне отдельно.

6. Адекватность художественного перевода является субъективным критерием оценки: сам оценивающий представляет себе как коммуникативную установку автора оригинального текста, так и требования, которые он выдвигает к передаче этой установки при оценивании перевода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Достоевский Ф.М. Записки из Мёртвого дома / Ф.М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л., 1972–1990. – Т. 4 – 327 с.
2. Достоевский Ф.М. Записки из подполья / Ф.М. Достоевский // Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л., 1972–1990. – Т. 5. – 408 с.
3. Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus // Übersetzt von E.K. Rahsin. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/aufzeichnungenau0000dost/page/162/mode/2up?q=frei> (Дата обращения: 15.06.2025).
4. Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus einem toten Hause // Übersetzt von A. Eliasberg. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.projekt-gutenberg.org/dostojew/totenhau/titlepage.html> (Дата обращения: 15.06.2025)
5. Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus einem Totenhaus / Dostojewski // Sämtliche Romane und Erzählungen. – 5.Aufl. – Bd.6. – Aus dem Russ. von Hermann Röhl. – Frankfurt am Main: Insel, 2003. – 414 S.
6. Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus dem Untergrund // Übersetzt von E.K. Rashin. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/aufzeichnungenau0000dost_y8k6/page/4/mode/2up (дата обращения: 15.06.2025).
7. Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch / Fjodor Dostojewskij // Übers. von Swetlana Geier; Nachw. von Hans Walter Poll. – Stuttgart: Reclam, 2003. – 164 S.
8. Dostojewski, F.M. Aufzeichnungen aus dem Kellerloch // Übersetzt von H. Röhl. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.textlog.de/dostojewski/roman/aufzeichnungen-kellerloch/i-i> (Дата обращения: 15.06.2025).
9. Fyodor Dostoyevsky. The House of the Dead and Poor Folk // Translated by Constance Garnett. – Barnes and Noble Classics Series, 2004. – 446 p.
10. Dostoyevsky Fyodor. The House of the Dead or: Prison Life in Siberia // Translated by H.S. Edwards. – “Public Domain”, 2023. – 368 p.

11. Fyodor Dostoyevsky. Notes from the dead House // Translated by B. Jakim. – Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/notesfromhouseof0000dost_w3i4/page/n3/mode/2up?q=heaven (Дата обращения: 15.06.2025).

12. Letters from the Underworld by Fyodor Dostoyevsky // Translated by C.J. Hogarth. – London, New York: E.P. Dutton & Co. Inc., 1937. – 323 p.

13. Fyodor Dostoyevsky. Notes from the Underground. / Three short Novels of Dostoyevski // Translated by C. Garnett. – New York, Anchor Books Doubleday and Company Inc., 1960. – 460 p.

14. Dostoevsky F. Notes from Underground // Translated by B. Jakim. – Grand Rapids, Cambridge, Wm. B. Eerdmans Publishing, 2009. – 157 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

15. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. – М.; СПб.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
16. Алексеева М.Л. Приемы передачи русских реалий в немецких переводах романов Ф.М. Достоевского: автореф. дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / М.Л. Алексеева. – Екатеринбург, 2007. – 24 с.
17. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования: на материале существительных / И.В. Арнольд. – Л.: Просвещение, 1966. – 192 с.
18. Аругтюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Алексеева // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. – С. 5-23.
19. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М.: ГУПИ Минпросвещения РСФСР, 1957. – 295 с.
20. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 1989. – №3. – С.74-90.
21. Бархударов Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов // Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
22. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев. – 1924 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/berdyayev_mirosozerc_dosto (Дата обращения: 15.06.2025).
23. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики / Н.А. Бердяев. – 1931. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/o_naznacheni_cheloveka (Дата обращения: 15.06.2025).
24. Берестнев Г.И. Иконичность добра и зла / Г.И. Берестнев // Вопросы языкознания. – 1999. № 4. – С. 99-113.
25. Берков П.Н., Бушмин А.С., Жирмунский В.М. Русско-европейские литературные связи / П.Н. Берков, А.С. Бушмин, В.М. Жирмунский: сборник

статей к 70-летию со дня рождения акад. М.П. Алексеева. – М.; Л.: Наука, 1966. – 474 с.

26. Бутько Е.А. Лексико-семантические универсалии в контексте представлений о добре и зле (на материале фразеологических единиц русского и польского языков) / Е.А. Бутько. // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. – № 1(67): в 2-х ч. Ч. 1. – С. 76-78.

27. Булгаков С.Н. Первообраз и образ / С.Н. Булгаков: Сочинения в двух томах. – Т. 1: Свет невечерний. – М.: Искусство, 1999. – 414 с.

28. Ваард де, Я., Найда Ю. На новых языках заговорят. Функциональная эквивалентность в библейских переводах / де Вард, Ю. Найда. – СПб.: РБО, 1998. – 271 с.

29. Валеева Г.В. Проблема добра и зла в творчестве Ф.М. Достоевского / Г.В. Валеева // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2017. – № 3 (23). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-dobra-i-zla-v-tvorchestve-f-m-dostoevskogo> (Дата обращения: 15.06.2025).

30. Ванников Ю.В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности / Ю.В. Ванников // Текст и перевод / отв. ред. А. Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – С. 34–37.

31. Введенский А.И. Метафизика и ее задачи: Истинное и кажущееся бытие / А.И. Введенский // На переломе: Философия и мировоззрение: Философские дискуссии 20-х годов. – М.: Политиздат, 1990. – С. 383–387.

32. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272с.

33. Вине Ж.-П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода / Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 157-167.

34. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

35. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М Вольф. – М.: Либроком, 2020. – 278 с.

36. Гагинский А.М. Феномен зла, натуралистическая ошибка и теория трансценденталий / А.М. Гагинский // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2021. №4. – С. 36-49.

37. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 2-е издание / Н.К. Гарбовский. – М.: МГУ, 2007. – 544 с.

38. Гарусова Е.В. Адекватность и эквивалентность как основание для оценки качества переводов / Е.В. Гарусова // Инновационные технологии в науке и образовании. Сборник статей победителей III Международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017. – С. 74–78.

39. Головачева Е.А., Седельникова О.В. История переводов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык: роль издательств и первых собраний сочинений. Статья 1. / А.Е. Головачева, О.В. Седельникова // Новый филологический вестник. 2022 (а). – №2 (61). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-perevodov-romana-f-m-dostoevskogo-prestuplenie-i-nakazanie-na-nemetskiy-yazyk-rol-izdatelstv-ipervykh-sobraniy-sochineniy> (Дата обращения: 15.06.2025).

40. Головачева Е.А., Седельникова О.В. История переводов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык: роль издательств и первых собраний сочинений. Статья 2 / А.Е. Головачева, О.В. Седельникова // Новый филологический вестник. 2022 (b). – №3 (62). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-perevodov-romana-f-m-dostoevskogo-prestuplenie-i-nakazanie-na-nemetskiy-yazyk-rol-izdatelstv-i-pervykh-sobraniy-sochineniy-1> (Дата обращения: 15.06.2025).

41. Горбачевский А.А. Семантика и прагматика в поэтическом переводе: монография / А.А. Горбачевский. – Челябинск: Цицеро, 2013. – 318 с.

42. Гусарова Н.С. Фрейм – единица высказывания и перевода / Н.С. Гусарова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. – №4. –

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/freym-edinitsa-vyskazyvaniya-i-perevoda> (Дата обращения: 15.06.2025).

43. Десницкий А.С. Современный библейский перевод: теория и методология / А.С. Десницкий. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2015. – 432 с.

44. Днепровская И.В. Метафизика преступления в философии Ф. М. Достоевского: личность в поиске подлинности бытия / И.В. Днепровская // Соловьевские исследования. 2011. – №3 (31). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizika-prestupleniya-v-filosofii-f-m-dostoevskogo-lichnost-v-poiske-podlinnosti-bytiya-1> (Дата обращения: 15.06.2025).

45. Добровольский Д.О. Лингвистические аспекты перевода художественной прозы (на материале романа Ф.М. Достоевского “Идиот”) / Д.О. Добровольский // Языки в современном мире: Материалы конференции. – Т. I. – М., 2004. – С. 35–36.

46. Добровольский Д.О. Еще раз о непереводаемом в переводе (на материале романа Ф.М. Достоевского «Идиот») / Д.О. Добровольский // Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. – М., 2007. – С. 324–334.

47. Долгий А.Г. Антропологический смысл полемики о природе добра и зла в русской духовно-философской традиции (Л.Н. Толстой, И.А. Ильин, Н.О. Лосский): автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / А.Г. Долгий. – СПб, 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/antropologicheskii-smysl-polemiki-o-prirode-dobra-i-zla-v-russkoi-duxhovno-filosofskoi-tradi> (Дата обращения: 15.06.2025).

48. Дудкин В. В., Азадовский К. М. Достоевский в Германии / В.В. Дудкин, К.М. Азадовский // Ф. М. Достоевский: Новые материалы и исследования. – М.: Наука, 1973. – Т. 86. – С. 659–740.

49. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность / Г. Егер // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. 1978. – С. 137–156.

50. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. Перевод с англ. яз. В.В. Пассека. – М.: Иностранная литература, 1958 – 404 с.

51. Зандер Л.А. Тайна добра / Л.А. Зандер // Проблема добра в творчестве Достоевского. Frankfurt am Main: Посев, 1960. – 154 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://dostoevsky.rhga.ru/upload/iblock/50d/4\)%20Л.%20А.%20Зандер.%20Тайна%20добра.pdf](https://dostoevsky.rhga.ru/upload/iblock/50d/4)%20Л.%20А.%20Зандер.%20Тайна%20добра.pdf) (Дата обращения: 15.06.2025).

52. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в культуре Европы и Америки // Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; отв. ред. Е.Д. Гальцова. – М.: ИМЛИ РАН, 2021. – 1024 с.

53. Казакова Т.А. Художественный перевод: Учебное пособие / Т.А. Казакова. – СПб.: ИВЭСЭП: Знание, 2002. – 112 с.

54. Касаткина Т.А., Кузнецова А.Б. Проблемы перевода Достоевского / Т.А. Касаткина, А.Б. Кузнецова // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. – № 4(12). – С. 117–133.

55. Касаткина Т.А. Богословие Достоевского / отв. ред. Т.А. Касаткина. – М.: ИМЛИ РАН, 2021. – 416 с.

56. Кафискина О.В., Крыкова И.В. Проблема репрезентативности перевода и транслатологическая классификация текстов / О.В. Кафискина, И.В. Крыкова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2017. – №4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-reprezntativnosti-perevoda-i-translatologicheskaya-klassifikatsiya-tekstov> (Дата обращения: 05.10.2025).

57. Ковалевская С.А. Этические лингвоэкологические концепты добро и зло в русской языковой картине мира / С.А. Ковалевская // Наука и инновации XXI в.: Сборник статей по материалам VI Всероссийской конференции молодых ученых «Наука и инновации XXI века». – Сургут, 2020. – С. 163-166.

58. Ковалевская (Бузина) Т.В. Достоевский в американской культуре и литературоведении / Т.В. Ковалевская (Бузина) // Достоевский и XX век / под ред. Т.А. Касаткиной. – Т. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 317–335.

59. Ковалевская (Бузина) Т.В. Самообожение мелкого беса в "Записках из подполья" Ф.М. Достоевского / Т.В. Ковалевская (Бузина) // Вестник

Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 1, № 1. – С. 22-30.

60. Ковалевская Т.В. Метафизика в «Записках из подполья» и трудности перевода – от семантики до грамматики / Т.В. Ковалевская // ДМКФ, 2024. – №4 (28). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizika-v-zapiskah-iz-podpolya-i-trudnosti-perevoda-ot-semantiki-do-grammatiki> (Дата обращения: 15.06.2025).

61. Ковалевская Т.В. Мимикрическая поэтика Достоевского / Т.В. Ковалевская. – М.: РГГУ, 2025. – 305 с.

62. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1980. – 166 с.

63. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

64. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: «ЭТС», 2002 – 424 с.

65. Кочергин А.А., Кочергин А.Н. Философия и глобализация: от антропоцентризма к космоцентризму / А.А. Кочергин, А.Н. Кочергин // *Biocosmol.* – neo-Aristot. – 2016. – №3, 4. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-i-globalizatsiya-ot-antropotsentrizma-k-kosmotsentrizmu> (дата обращения: 10.10.2025).

66. Кретов А.А., Стародубцева Ю.А. Русские аксиологемы по данным МАСа-2 / А.А. Кретов, Ю.А. Стародубцева // *Политическая лингвистика.* – 2016. – №2. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-aksiologemy-po-dannym-masa-2> (дата обращения: 30.09.2025).

67. Криницын А.Б. Достоевский в Германии / А.Б. Криницын // *Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т.А. Касаткиной.* – Т. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – С. 178–249.

68. Кушни́на Л.В. Переводческая деятельность как эвристический процесс / Л.В. Кушни́на // Вестник Пермского государственного университета: Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – С. 490.

69. Кущева О.Ю. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике / О.Ю. Кущева // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – 2006. – №4. – С. 155–156 – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentricheskaya-paradigma-v-sovremennoy-lingvistike.pdf> (Дата обращения: 15.06.2025).

70. Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения / Л.К. Латышев. – М.: Академия, 1986. – 289 с.

71. Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Л.К. Латышев. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с.

72. Левый И. Искусство перевода / И. Левый. – М.: Прогресс, 1974. – 397 с.

73. Лихачёв Д.С. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Д.С. Лихачёв // Под рук. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.

74. Лосский Н.О. Добро и зло в произведениях Достоевского / Н.О. Лосский // Вестник РСХД, 1940. – № 5. – С. 16-23. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/losski_zlo_i_dobro (Дата обращения: 15.06.2025).

75. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.

76. Луговская Е.Г. Антропоцентризм Ф.М. Достоевского: современное прочтение русской классики / Е.Г. Луговская // Научно-теоретический журнал «Славянские чтения». Славянский университет республики Молдова, Кишинев, 2018. – № 12(18). – С. 41-49.

77. Магарил-Ильяева Т.Г. «Философия перевода»: Ф.М. Достоевский и роман О. Бальзака «Евгения Гранде» / Т.Г. Магарил-Ильяева // Достоевский и мировая культура, 2019. – № 1 (5). – С. 157-176.

78. Мамонтов А.С., Морослин П.В., Астремская Е.В. Форма и содержание как методологические категории науки о языке художественной литературы / А.С.

Мамонтов, П.В. Морослин, Е.В. Астремская // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2014. – №4. – С. 111-118.

79. Мамушкина С.Ю. Междометные эвфемизмы в русском и английском языках / С.Ю. Мамушкина // БГЖ. – 2015. – №4 (13). – С. 33-36. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdometnye-evfemizmy-v-russkom-i-angliyskom-yazykah/viewer> (Дата обращения: 01.10.2025).

80. Маркова Е.А. «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского в английской критике XX века / Е.А. Маркова // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2021. – №3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapiski-iz-podpolya-f-m-dostoevskogo-v-angliyskoj-kritike-xx-veka> (Дата обращения: 15.06.2025)

81. Мартишина Н.И. Метафизика пути в русской литературной традиции / Н.И. Мартишина // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: Материалы III Всероссийской научной конференции. Омск, 11 ноября 2021 года. – Омский государственный педагогический университет, 2021. – С. 319-321.

82. Масленникова Е.М. Семь смертных грехов в английской литературе: лингвокультурные особенности / Е.М. Масленникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. – №5 (716). – [Электронный ресурс] – <https://cyberleninka.ru/article/n/sem-smertnyh-grehov-v-angliyskoj-literature-lingvokulturnye-osobennosti> (Дата обращения: 01.10.2025).

83. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – пер. с англ. О. Н. Гринбаума; под ред. Ф. И. Кулакова. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

84. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.

85. Моспанова М.Ю. Концептуальная оппозиция добро-зло в фольклорной языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.Ю. Моспанова. – Брянск, 2005. – 205 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissertat.com/content/kontseptualnaya-oppozitsiya-dobro-zlo-v-folklornoi-yazykovoi-kartine-mira-na-materiale-russk> (Дата обращения: 15.06.2025)

86. Мошкович В.В. Оценка качества перевода и использование адекватности и эквивалентности как критериев оценки качества перевода / В.В. Мошкович // Вестник ЮУрГГПУ. 2013. №10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-perevoda-i-ispolzovanie-adekvatnosti-i-ekvivalentnosti-kak-kriteriev-otsenki-kachestva-perevoda> (Дата обращения: 15.06.2025)

87. Мошкович В.В. Адекватность и эквивалентность как основополагающие критерии оценки качества перевода»: дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / В.В. Мошкович. – Челябинск, 2013. – 203 с.

88. Мур Дж. Принципы этики / Дж. Мур. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.

89. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.

90. Нуриев В.А. Адекватность перевода как лингвистическая проблема / В.А. Нуриев // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. – №1. – С. 80-87.

91. Осипов А.И. Достоевский и христианство / А.И. Осипов // Журнал Московской Патриархии, № 1, 1997 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/dostoevskij-i-xristianstvo> (Дата обращения: 10.10.2025)

92. Печагина Т.В. Добро и зло как категориальные концепты / Т.В. Печагина // Вестник ЧелГУ. 2011. – №11. – С. 99-101.

93. Попович А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М.: Высшая школа, 1980. – 200 с.

94. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода / И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг. – М.: Высшая школа, 1964. – 244 с.

95. Реизов Б.Г. Достоевский в зарубежных литературах / Б.Г. Реизов. – Л.: Наука, 1978. – 238 с.

96. Рейнгольд Н.И. Теория Э. Сепира как предмет критической рефлексии в переводоведении 1970-2000-х гг / Н.И. Рейнгольд // Американская лингвистика: наследие и современность (к 135-летию со дня рождения Э. Сепира): Материалы

77. Междунар. научно-практической конф., Москва, 13-14.03.2020. – М.: Мос. гос. обл. ун-т, 2021. – С. 146-153.

97. Реформатский А.А. Лингвистические вопросы перевода / А.А. Реформатский // Иностранные языки в школе. – М., 1952. – № 6. – С. 12-22.

98. Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Я.И. Рецкер // Вопросы теории и методики учебного перевода: Сб. Ст. / Под ред. КА. Ганшиной и И.В. Карпова. – М.: 1950. – С. 156-178.

99. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. – М.: Международные отношения, 1974. – 219 с.

100. Сабиров В.Ш. Два лика зла: размышления русских мыслителей о добре и зле / В.Ш. Сабиров. – М.: Знание, 1992. – 62 с.

101. Сабиров В.Ш. Добро и зло в философии Достоевского / В.Ш. Сабиров // Семнадцатый славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Материалы международной научно-практической конференции. – Челябинск, 2019. – С. 50-55.

102. Самков М.В. Теории коммуникации и их влияние на теорию перевода / М.В. Самков // Скрижали. – 2020. – Т. 19. – С. 101-126.

103. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 448 с.

104. Седелникова О.В., Шатохина А.О. Роман Ф. М. Достоевского «Игрок» в англоязычных переводах: к постановке проблемы / О.В. Седелникова, А.О. Шатохина // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2015. – №2 (34). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-f-m-dostoevskogo-igrok-v-angloyazychnyh-perevodah-k-postanovke-problemy> (Дата обращения: 15.06.2025).

105. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

106. Серебренникова Е.Ф., Антипов Н.П. и др. Лингвистика и аксиология / Е.Ф. Серебренникова, Н.П. Антипов // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – М.: Тезаурус, 2011. – 352 с.
107. Смоленская Е.С. Достоевский глазами немецких и английских переводчиков: вызовы, проблемы, перспективы / Е.С. Смоленская // Сборник научных трудов конференции «Человек в информационном пространстве» ЯГПУ им. К.Д. Ушинского 13-15.11.2024 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26052952> (Дата обращения: 15.06.2025).
108. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьёв. – Мн: Харвест, 1999. – 192 с.
109. Спиноза Б. Этика / Спиноза Б. // Избранные произведения (в 2 т.) – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 1. – 728 с.
110. Ставцева О.И. Человек в эпоху антропоцена: постантропоцентрический горизонт / О.И. Ставцева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 5. – С. 119-127.
111. Степун Ф.А. Мирозерцание Достоевского / Ф.А. Степун, 1962. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/stepoun_vstrechi/2 (Дата обращения 15.06.2025)
112. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения / Ч. Стивенсон // ГОЛ. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 129-154.
113. Сухонослова С.В. Теория фреймов: возможности исследования повседневности / С.В. Сухонослова // Человек в мире культуры. 2012. – №2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-freymov-vozmozhnosti-issledovaniya-povsednevnosti> (Дата обращения: 15.06.2025)
114. Тюленев С.В. Теория перевода: учеб. Пособие / С.В. Тюленев. – М.: Гардарики, 2004. – 336 с.
115. Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода / А.В. Фёдоров. – М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. – 336 с.

116. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учебное пособие / А.В. Фёдоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.

117. Филатьева Т.В. Семантический фрейм как элемент смыслообразования / Т.В. Филатьева // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика, 2023. – №2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskiiy-freym-kak-element-smysloobrazovaniya> (Дата обращения: 15.06.2025)

118. Филиппова А.О. Проблемы перевода романов Ф.М. Достоевского на английский и немецкий языки / А.О. Филиппова // The Newman in Foreign policy. 2020. – №57 (101). – С. 37-40.

119. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.

120. Фокин П.Е. Европа знакомится с Достоевским: из истории переводов произведений русского писателя / П.Е. Фокин // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2021. – Т. 4, № 3. – С. 64-78.

121. Хансен-Кокоруш Р. Стратегии перевода романа Ф. М. Достоевского «Бесы» на немецкий язык (на примере переводов Е. К. Разин и С. Гайер) / Р. Хансен-Кокоруш // Текст. Книга. Книгоиздание. 2013. – №1 (3). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-perevoda-romana-f-m-dostoevskogo-besy-na-nemetskiy-yazyk-na-primere-perevodov-e-k-razin-i-s-gayer> (Дата обращения: 15.06.2025).

122. Цеева З.А. Концепты ДОБРО и ЗЛО как проблема лингвокультурологии / З.А. Цеева // Известия КБНЦ РАН. 2012. – №1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-dobro-i-zlo-kak-problema-lingvo-kulturologii> (Дата обращения: 15.06.2025).

123. Чуковский К.И. Высокое искусство / К.И. Чуковский. – М.: «Советский писатель», 1988. – 350 с.

124. Чуковский К.И. Хорошо и плохо / К.И. Чуковский // Отдав искусству жизнь без сдачи... Критика Корнея Чуковского – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Critica/critica_new.php?id=145 (Дата обращения: 15.06.2025).

125. Шамова Н.В. Разграничение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в переводе / Н.В. Шамова // Вестник Московского университета. Серия 1: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 2. – С. 171–180.

126. Шараков С.Л. Достоевский как богослов / С.Л. Шараков // Евангельский текст в русской словесности: Сборник тезисов докладов X Всероссийской научной конференции (с международным участием). – Петрозаводский государственный университет, 2020. – С. 283-285.

127. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика / А.Д. Швейцер. – М., 1973. – С. 29-31.

128. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

129. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелёв. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

130. Шокин Г.О. Роль переводчика: "невидимость" Лоуренса Вентути и "негативная аналитика" перевода Антуана Бермана на материале современного перевода романа С. Кинга "Salem's Lot" на русский язык / Г.О. Шокин // Известия высших учебных заведений. Арктический регион. – 2021. – № 1. – С. 54-62.

131. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / Р.О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» (под ред. М.Я. Поляковой). – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

132. Якобсон Р.О. Лингвистических аспектах перевода / Р.О. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике (под ред. В.Н. Комиссарова). – М.: Советский писатель, 1978. – С. 16–24.

133. Albrecht I. Invarianz, Äquivalenz, Ädäquatheit // Übersetzungswissenschaftliche Ergebnisse und Perspektiven. Festschrift für Wolfram Wills zum 65. Geburtstag / Hrsg. R. Arntz, G. Thome. – Tübingen, 1990. – S. 75-78.

134. Cadot M. Dostoievski dun siecle a lautre ou la Russie entre Orient et Occident. – Paris: Maisonneuve et Larose, 2001. – 350 p.
135. Carson D.A. The Limits of Dynamic Equivalence in Bible Translation // *Evangelical Review of Theology* (9). – 1985, – P. 200-213.
136. Carson D.A. The Limits of Functional Equivalence in Bible Translation – and Other Limits, Too // G.S. Scorgie, M.L. Strauss, S.M. Voth (eds.), *The Challenge of Bible Translation: Communicating God's Word to the World*. – Grand Rapids: Zondervan, 2003. – P. 65-114.
137. Catford J.C. *A Linguistic Theory of Translation*. – London, 1965. – 103 p.
138. Christophersen P. *The Articles* / P. Christophersen. – Copenhagen; L.: Humphey, 1939. – 206 p.
139. Gutt E.-A. *Translation and Relevance: Cognition and Context*. – Manchester, Boston: St. Jerome, 2000. – 284 p.
140. Jakobson R. *On Linguistic Aspects of Translation* // R.A. Brower (ed.), *On Translation*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1959. – P. 232-239.
141. Jakobson R. *Linguistics and Poetics* // T. Sebeok (ed.), *Style in Language*. – Cambridge, MA: Harvard University, 1960. – P. 350-377.
142. Juger G. *Translation and Translation Linguistik*. Halle (Saale), 1975. – 214 p.
143. Kade O. *Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung*. – Leipzig, 1980. – 285 S.
144. Koller W. *Einführung in die Übersetzungswissenschaft* / Unter Mitarb. von Henjum K.B. – 8. Aufl. – Tübingen, 2011. – 409 S.
145. Ludwig K-D. Nicht-denotative Informationen lexikalischer Einheiten als Wörterbucheinträge // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*, 1986. – S. 182-194.
146. Meshonnic H. *Pour la poetique. II Epistemologie de l'écriture. Poetique de la traduction*. – Paris: Gallimard, 1973. – 458 p.
147. Mounin G. *Les problemes theoriques de la traduction*. – Paris, 1963. – 296 p.
148. Neubert A. *Pragmatische Aspekte der Übersetzung* // *Grundfragen der Übersetzungswissenschaft*. – Leipzig, 1968. – S. 21-33.

149. Neubert A. Text und Translation. – Leipzig, 1985. – 168 p.
150. Newmark P. Approaches to Translation. – Oxford, 1981. – 213 p.
151. Nida E. Toward a Science of Translating. – Leiden: Brill, 1964. – 331 p.
152. Nida E., Taber C.R. The Theory and Practice of Translation. – Leiden: Brill, 1969. – 218 p.
153. Nord C. Translation as a Purposeful Activity. – Manchester: St. Jerome, 1997. – 154 p.
154. Prickett S. Words and the Word: Language, Poetics and Biblical Interpretation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 320 p.
155. Pym A. Method in Translation History. – Manchester: St. Jerome, 1988. – 234 p.
156. Reinholdt A. Geschichte der russischen Literatur von ihren Anfängen bis auf die neueste Zeit. – Leipzig: A. Reinholdt, 1886 – 848 p.
157. Reiß K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Übersetzungstheorie. – Tübingen: Niemeyer, 1984. – 253 S.
158. Ross R.L. Advances in Linguistic Theory and their Relevance to Translation // T. Wilt (ed.), Bible Translation: Frames of Reference. – Manchester: St. Jerome, 2003. – P. 113-151.
159. Schleiermacher F. Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens. – Berlin: Die Königliche Akademie der Wissenschaften, 1838. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf> (Дата обращения: 01.10.2025).
160. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. – London: Routledge, 1995. – 344 p.
161. Venuti L. The Scandals of Translation. Towards an Ethics of Difference. – London and New York: Routledge, 1998. – 224 p.
162. Wendland E.R. Literary Approach to Biblical Text Analysis and Translation // T. Wilt (ed.), Bible Translation: Frames of Reference. – Manchester: St. Jerome, 2003. – P. 179-235.

163. Wendland E.R. *Translating the Literature of Scripture: A Literary-Rhetorical Approach to Bible Translation*. – Dallas: SIL, 2004. – 533 p.

164. Wendland E.R. *Contextual Frames of Reference in Bible Translation: A Coursebook for Bible Translators and Teachers*. – Manchester: St. Jerome, 2008. – 340 p.

165. Wills W. *Übersetzungswissenschaft: Probleme und Methoden*. – Stuttgart, 1977. – 414 S.

166. Wilt T. *Bible Translation: Frames of Reference*. – Manchester: St. Jerome, 2003. – 306 p.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

167. Апресян, 1979 – Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др. / Под рук. А.И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. – М.: Рус. яз. 1979. – 544 с.

168. БНРС – Большой немецко-русский словарь. В 2 т. / авт.-сост. Лепинг Е.И., Н. И. Филичева Н.И., Цвиллинг М.Я. / под общ. рук. О.И. Москальской. – 12-е изд., испр. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2010.

169. Губер, 1859 – Сочинения Э.И. Губера под ред. А.Г. Тихменева. – Т. II, с. 79. – СПб.: Издание А. Смирдина сына и комп., 1859. – 347 с.

170. Гутенберг, 2024 – Электронная библиотека Projekt Gutenberg. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.projekt-gutenberg.org> (Дата обращения: 14.09.2025).

171. Даль, 1880 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880.

172. Евгеньева, 1985 – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд-е 3-е, стер. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1-4.

173. Евгеньева, 2003 – Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / АН СССР, Институт русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Астрель-АСТ, Транзиткнига, 2003.

174. КБ – Католическая Библия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drbo.org> (Дата обращения: 14.06.2025).

175. Лейн, 2005 – Большой русско-немецкий словарь / под ред. К. Лейна. – 19-е изд. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2005. – 736 с.

176. Мюллер, 2009 – Мюллер В.К. Большой современный англо-русский, русско-английский словарь / Новая редакция: около 450000 слов, словосочетаний и идиоматических выражений. – М.: Цитадель-трейд: РИПОЛ классик: Дом. XXI век, 2009. – 1056 с.

177. НБАРС – Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / Под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. – М.: Русский язык, 1993.

178. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (Дата обращения: 14.06.2025).
179. НФЭ – Новая философская энциклопедия / Под ред. Степина В.С. и Семигина В.Ю. – В 4 т. – М: Мысль, 2010.
180. ОПП – Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт) / Терминологический словарь-справочник / отв. ред. канд. филол. наук М. Б. Раренко. – М.: [ИНИОН РАН], 2010. – 260 с.
181. РНС – Русско-немецкий словарь / сост. М.Я. Цвиллинг. – 9-е изд., стер. – М.: Просвещение, 2021. – 688 с.
182. Словарь Ожегова онлайн – Толковый словарь Ожегова онлайн. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru> (Дата обращения: 15.06.2025).
183. СЦСРЯ, 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб.: В тип. Императорской академии наук, 1847.
184. СЯД, 2001 – Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2001. – 443 с.
185. СЯД, 2003 – Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / под ред. Ю.Н. Караулова. – М., «Азбуковник, 2003. – 511 с.
186. СЯД, 2010 – Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Г-З / под ред. Ю.Н. Караулова. – М., «Азбуковник, 2010. – 1067 с.
187. ЭСРЯ, 1986 – Этимологический словарь русского языка М. Фасмера в 4 т. / под. ред. Б.А. Ларина. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1986.
188. ЭСФ – Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/vasmer> (Дата обращения: 16.08.2025).
189. Bible Server – Электронная библиотека Библии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bibleserver.com> (Дата обращения: 14.09.2025).
190. Cambridge Dictionary – Cambridge Dictionary, Translations & Thesaurus. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org> (Дата обращения 12.06.2025).

191. Collins Dictionary – Collins Online Dictionary | Definitions, Thesaurus and Translations. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com> (Дата обращения 12.06.2025).

192. Duden, 1989 – Deutsches Universalwörterbuch A-Z. 2., völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage. – Dudenverlag, Mannheim, Wien, Zürich, 1989. – 1816 S.

193. Duden, 2020 – Das Wörterbuch der Synonyme. 4., vollständig bearbeitete und erweiterte Auflage. – Dudenverlag, Berlin, 2020. – 1507 S.

194. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de> (Дата обращения: 10.05.2025).

195. OD – The Oxford English Dictionary. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/search?query=The+Oxford+English+Dictionary> (Дата обращения: 10.05.2025).

196. McMillan – McMillan English Dictionary. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.macmillanenglish.com/ru/dictionary> (Дата обращения: 10.09.2025).

197. MW – Dictionary by Merriam-Webster. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.m-w.com> (Дата обращения: 15.06.2025).

198. OED – Online Etymological Dictionary – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.etymonline.com> (Дата обращения: 15.06.2025).